

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

166

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

166

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1981

Редакционная коллегия:

О. С. Гадзяцкая (ответственный секретарь), *Н. Н. Гурина*,
А. Н. Кирпичников (зам. ответственного редактора),
Ю. А. Краснов, *В. В. Кропоткин*,
И. Т. Кругликова (ответственный редактор),
В. П. Любин, *В. М. Массон*, *Н. Я. Мерперт*,
Р. М. Мунчаев, *В. В. Седов* (зам. ответственного редактора),
Д. Б. Шелов

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Различные аспекты раннесредневековой истории и археологии Северной Руси изучаются большим коллективом исследователей, работающих во многих научных учреждениях и музеях нашей страны. Ежегодно в северорусских землях и в соседней Прибалтике полевые изыскания ведут археологические экспедиции, активно пополняющие источниковедческую базу. Перед исследователями Северной Руси стоит серия дискуссионных проблем, в том числе такие, как славянское освоение лесной зоны Восточной Европы и культурно-этническое взаимодействие славян с местными финно-угорскими племенами, русско-скандинавские контакты в IX—XI вв., условия зарождения и становления средневековых городов. Все они имеют исключительно важное значение для понимания истории древней Руси в целом.

В этой связи весьма актуальным научным и координационным мероприятием представляется конференция «Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья», инициатором проведения которой стала кафедра археологии исторического факультета Ленинградского государственного университета. Необходимость в подведении итогов научных изысканий по всем вопросам истории Северной Руси, в оперативном ознакомлении с новыми экспедиционными открытиями, в обмене мнениями по спорным темам вполне очевидна. Это способствовало бы и разработке путей дальнейших исследований. Первое научное совещание по указанной проблеме состоялось в феврале 1976 г. в Ленинграде. Было заслушано и обсуждено 24 доклада, касающихся двух тем: «Заселение славянами лесной полосы Восточной Европы и формирование древнерусской культуры» и «Контакты Руси со Скандинавией в IX—XI вв.». Материалы этого совещания публикуются Ленинградским университетом.

29—31 марта 1979 г. историческим факультетом Ленинградского университета и Институтом археологии АН СССР была проведена вторая научная конференция. На обсуждение была вынесена одна из важнейших тем археологии Северной Руси: «Древнерусская курганная культура, ее предшественники и ее истоки на северо-западе европейской части СССР». Эта тема охватывает ряд существенных исторических и этнокультурных вопросов, затрагивающих как проблему этногенеза восточных славян, так и историю прибалтийскофинских и восточнобалтских племен.

До славянского расселения весь Северо-Запад принадлежал прибалтийскофинскому населению и оно, как свидетельствует топонимика, не покинуло мест своего обитания в процессе миграции славян. Ситуация здесь усложняется тем, что в этот процесс были втянуты и более или менее крупные группировки балтов. В результате взаимодействия разных этносов на северо-западе европейской части СССР во второй половине I тысячелетия н. э. складывается своеобразный славяно-финский, а в отдельных регионах и славяно-балто-финский культурный и этнический симбиоз.

Археологические памятники, относящиеся к этой поре, весьма сложны для изучения. Как раз в это время на Северо-Западе и появляются первые курганные захоронения, формируется курганная культура — предше-

ственница древнерусской. Древнейшими курганами здесь были длинные курганы и сопки. Их интерпретация в научной литературе далеко не однозначна. В последние годы в результате раскопок получены новые данные для более детального освещения этих памятников. Назрела необходимость на современном уровне осветить разные стороны древнерусской курганной культуры и связанные с ней историко-культурные вопросы.

В работе конференции приняли участие археологи и историки из 12 научных и музейных учреждений Ленинграда, Москвы, Таллина, Пскова, Новгорода, Калининa, Вологды и Вильнюса. Было прочитано и обсуждено около 30 докладов.

Настоящий выпуск основан преимущественно на материалах этой конференции и, таким образом, имеет целью познакомить широкий круг ученых, работников музеев и краеведов с современным состоянием изучения курганных древностей Северной Руси и многих научных тем, зависящих от этого важнейшего археологического источника.

СТАТЬИ

В. В. СЕДОВ

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
ПСКОВСКИХ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ

Итоги многолетнего изучения длинных курганов, распространенных в кривичском регионе во второй половине I тысячелетия н. э., подведены в специальном исследовании¹. С 1974 г. возрос интерес к этим памятникам среди эстонских археологов. Планомерные раскопки могильников с длинными курганами близ западного побережья оз. Псковское (около деревень Лаоссина и Рысна-Сааре) ведет М. Аун². Менее значительны работы в некоторых других местах ареала длинных курганов — например, в Лезгах и Северике, в могильниках, хорошо известных по раскопочным исследованиям прошлых лет³. В 1976 г. один длинный курган исследован также в Новгородской земле на оз. Съезжее⁴.

Новейшие изыскания, несомненно, в какой-то степени пополняют наши знания по отдельным деталям культуры населения, оставившего длинные курганы. Однако каких-либо существенных или даже частных изменений в историко-археологические выводы и наблюдения, которые были сделаны в сводной монографии об этих памятниках, они пока не вносят.

Специальная глава исследования посвящена вопросам этнической принадлежности длинных курганов. В ней сделан вывод о принадлежности этих памятников кривичам⁵. В основе вывода лежит прежде всего прослеживаемая в устройстве насыпей, во всех деталях погребального ритуала и в керамических материалах полная генетическая преемственность между длинными курганами и достоверно восточнославянскими полусферическими курганами с трупосожжениями IX—X вв., а также ряд менее существенных или косвенных данных. Очевидно, «в длинных курганах хоронило умерших то же население, которое позднее, а некоторый отрезок времени и одновременно, сооружало круглые погребальные насыпи»⁶. Поскольку полусферические насыпи с одиночными трупосожжениями IX—X вв. Псковской земли по всем малейшим деталям, несомненно, являются неотделимой частью восточнославянской курганной культуры⁷, то неизбежен вывод о славянской атрибуции населения, хоронившего в валообразных курганах.

Конечно, при определении этнической принадлежности длинных курганов необходимо считаться с исторической обстановкой той поры. Ведь это было время расселения славян на иноплеменной территории. Аборигенное население, как свидетельствуют многие факты, в основном не покинуло мест своего обитания и жило вместе со славянами на одной территории, пока не оказалось окончательно славянизированным. Поэтому кривичи VI—IX вв. — это не только пришлые носители славянского языка, но и местное население, смешавшееся со славянами. В этих условиях встречаемость в длинных курганах прибалтийскофинских и балтских культурных элементов вполне правомерна, иначе и не могло быть.

Славянская атрибуция длинных курганов не признается некоторыми исследователями. Неоднократно высказывались мнения о литовской или

финно-угорской их принадлежности. Эта мысль не покидает исследователей до сих пор и нередко встречается в археологической литературе⁸. В книге «Археологические памятники древней Руси IX—XI вв.» один из ее авторов, Г. С. Лебедев, попытался нарисовать картину этноисторической жизни северо-запада Восточной Европы, причем длинным курганам он отводит роль погребальных памятников дославянского финноязычного населения — чуди⁹.

В связи с этим возникла необходимость вновь обратиться к вопросу об этническом характере длинных курганов, проанализировав заново все факты, свидетельствующие за и против их принадлежности славянам. Длинные курганы распространены на обширной территории и в различных ее регионах имеют некоторое своеобразие в деталях строения, в керамическом и вещевом инвентаре, что, естественно, усложняет разрешение этнического вопроса. Представляется целесообразным сосредоточить внимание на псковском регионе, который наиболее насыщен длинными курганами, здесь сконцентрированы наиболее крупные валообразные насыпи и наиболее ранние захоронения в них. Длинные курганы псковского региона выделяются не только территориально, но и существенными признаками, описанными подробно в упомянутом сводном исследовании. Поскольку в полоцком и смоленском регионах длинные курганы получают распространение на два столетия позже, чем в псковском, вопрос об их племенной принадлежности, если признать, что памятники всех этих регионов взаимосвязаны, в конечном счете зависит от определения этноса населения, оставившего псковские валообразные насыпи.

Археологи, пытающиеся рассматривать длинные курганы в качестве неславянских погребальных памятников, или замалчивают самый существенный довод в пользу славянства населения, оставившего их: полную преемственность их с достоверно славянскими круглыми насыпями IX—X вв., или же стремятся принизить роль этого факта.

Исследователи, приписывающие захоронения в псковских длинных курганах прибалтийскофинскому населению, не учитывают самое существенное обстоятельство — погребальный ритуал.

В настоящее время погребальный обряд славян второй половины I тысячелетия н. э. изучен обстоятельно и на весьма широкой территории Европы — от Эльбы на западе до Поднепровья на востоке. В лесной зоне славянского расселения вплоть до X в. безраздельно господствовал обряд трупосожжения. В раннее время захоронения совершались в грунтовых могильниках, в VI—VII вв. зарождается и широко распространяется обычай сооружать курганные насыпи. В разных регионах славянского расселения курганы отличаются некоторыми незначительными деталями строения, но погребальный обряд всюду однообразен¹⁰.

Кремация умерших совершена, как правило, на стороне, вне курганов. Остатки трупосожжений (кальцинированные кости без пепла или с небольшим количеством золы), собранные с погребального костра, помещены в курганные насыпи индивидуально, т. е. для каждого захоронения вырыта в насыпи или в ее основании ямка или устроена небольшая площадка, где кучкой сложены кости. В основном погребения безурновые и безынварные. Лишь в сравнительно немногих случаях остатки сожжения помещены в глиняные (реже — берестяные) урны.

Наряду с лепной керамикой и домостроительством погребальный обряд является важнейшим этнографическим элементом славянской культуры третьей четверти I тысячелетия н. э. Именно по этим признакам славянские древности вычленяются исследователями среди синхронных иноэтничных — германских, фракийских, балтских, финских, тюркских и пр.

Прибалтийскофинский похоронный ритуал I тысячелетия н. э., насколько можно судить по имеющимся материалам, весьма существенно отличался от славянского. Могильники прибалтийскофинских племен, хорошо изученные на территории Эстонии, Латвии и Финляндии, характеризуются коллективными погребениями. Различить индивидуальные за-

хоронения здесь просто невозможно. Остатки кремации, совершенной на стороне, помещены не отдельными захоронениями, а рассыпаны внутри оградок. В каждой из оградок каменных могильников таким образом разбросано по несколько или по несколько десятков погребений, которые нельзя расчленить. Захоронения в оградках совершались иногда в течение нескольких столетий. Невозможно распределить по погребениям и вещи, встречаемые при раскопках оградок прибалтийскофинских могильников¹¹.

Погребальная обрядность, выявляемая по материалам длинных и круглых курганов Псковской земли, не имеет ничего общего с прибалтийскофинским ритуалом. На основе обрядности все псковские курганы второй половины I тысячелетия н. э. должны быть отнесены к славянской культуре. В распоряжении археологов нет ни малейших оснований предполагать, что в Псковской земле до славянского расселения жили прибалтийскофинские племена, которые хоронили умерших не по прибалтийскофинскому, а по славянскому ритуалу.

Длинные и круглые курганы с трупосожжениями Псковской земли находятся в одном ряду с курганными памятниками других славянских регионов. Эволюция обрядности у псковских славян протекала идентично развитию погребального ритуала в других местах славянского расселения. Как и на Псковщине, в Припятском Полесье или в Повисленье ранние курганные насыпи были коллективными усыпальницами, содержащими по несколько индивидуальных захоронений. Примерно в одно и то же время во всех этих регионах на смену курганам со многими погребениями приходят насыпи с одним-двумя трупосожжениями. Во всех этих регионах господствуют безурновые и безынвентарные захоронения. Процент захоронений с вещами примерно одинаков. Основное различие заключается лишь в том, что в псковском регионе наряду с распространенными в славянском мире полусферическими курганами развился обычай сооружать длинные или удлиненные насыпи. Впрочем, последние встречаются и на коренных славянских землях¹².

Существенные выводы для изучения этнической структуры населения, хоронившего умерших в псковских длинных и синхронных с ними круглых курганах, позволяет сделать анализ керамического материала. Глиняная посуда из рассматриваемых памятников не дает повода для прибалтийскофинской их атрибуции. Среди керамического материала псковских длинных курганов имеются глиняные урны (Михайловское, Жеребятино, Володи), сопоставимые по всем признакам с достоверно славянской керамикой третьей четверти I тысячелетия н. э., называемой пражской. На это уже обращали внимание археологи-слависты¹³, что, к сожалению, осталось вне поля зрения исследователей, отрицающих принадлежность длинных курганов славянам.

Г. С. Лебедев явно ошибается, видя какие-то «серьезные изменения деструктивного характера» в материальной культуре населения северо-западных земель в VIII—IX вв.¹⁴ Погребальный ритуал, как уже отмечалось, вплоть до распространения обряда ингумации, т. е. до начала XI в., в Псковской земле не претерпел каких-либо существенных изменений. Металлические предметы, изредка встречаемые в длинных курганах, — скорлупообразные бляшки, браслеты с расширяющимися концами, пинцеты, а также каменные блоковидные кресала, выходят из употребления не одновременно, не деструктивно, и, самое главное, не только в регионе псковских длинных курганов, но на всей широкой территории их бытования.

Так, бляшки-скорлупки были распространены в юго-восточной Прибалтике в основном от конца II до VI в. включительно¹⁵. В VII в. они выходят из употребления на всей территории, и в этом обстоятельстве никак нельзя видеть «деструктивные изменения» ни в культуре эсто-ливских каменных могильников, ни в культуре псковских курганов.

Блоковидные кресала распространились на широкой территории, включающей Скандинавию, Финляндию, Прибалтику, включая южное

побережье Балтийского моря. Появились они еще в начале нашей эры и вышли из употребления в VII—VIII вв. постепенно, не одновременно с бляшками-скорлупками.

Браслеты с утолщенными концами из длинных курганов имеют широкие территориальные аналогии. Время бытования их в Прибалтике определено Х. А. Моора V—VII вв. Аналогичные находки на Украине и в Польше, в том числе и в достоверно славянских памятниках, принадлежат к VI—VII вв., а вкладах Среднего Поднепровья датируются VI—VIII вв. Очевидно, в VIII в. браслеты с утолщенными концами выходят из моды, и производство их прекращается. Но это не может служить поводом для утверждения о «серьезных деструктивных» изменениях в культурах тех племен, у которых эти украшения бытовали.

Нет необходимости, как это делает Г. С. Лебедев, давать культуре прибалтийскофинского населения, заселявшего новгородско-псковские земли в первой половине I тысячелетия н. э., до распространения длинных курганов, название «предкурганной». Ведь древности этого периода археологам известны: они принадлежат культуре текстильной керамики, оставленной, как единодушно считают исследователи, местным финно-угорским населением. Поселения этой культуры первой половины I тысячелетия н. э. наряду с текстильной содержат и штриховую керамику, что обычно для прибалтийского региона. Они исследовались на Мсте и в верховьях Луги¹⁶, на Ловати¹⁷ и в бассейне р. Великая¹⁸.

Труднее поддаются выявлению могильные памятники местного населения. Пока известны единичные каменные могильники — Солониско и Подгощи (юго-западное Приильмень)¹⁹ и на Луге²⁰. Может быть, к этому типу памятников принадлежат каменные вымостки, зафиксированные в нижнем течении Великой близ д. Ерусалимская²¹. Однако сейчас невозможно сказать, были ли каменные могильники в первой половине I тысячелетия н. э. характерны для прибалтийскофинского населения будущих новгородско-псковских земель или же это население хоронило умерших каким-то иным способом, недоступным археологическому изучению.

Генетическая преемственность между прибалтийскофинской культурой текстильной керамики первой половины I тысячелетия н. э. и культурой псковских длинных курганов отсутствует. Это очевидно и по могильным древностям, и по материалам пока еще плохо изученных поселений. Культуре текстильной керамики на территории к юго-западу от оз. Псковское наследуют древности типа Рыуге²². Они по всем основным особенностям, в частности по домостроительству и керамическому материалу, существенно отличны от культуры длинных курганов.

Многочисленные археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э., зафиксированные в Псковской земле, свидетельствуют о значительном приливе населения в VI—VII вв. Можно утверждать, что распространение обычая сооружать длинные курганы на Псковщине связано с инфильтрацией в этот регион населения, которое и принесло сюда погребальный ритуал, характерный для славян. В VII—IX вв., когда длинные и круглые курганы с многими захоронениями постепенно сменились полусферическими курганами с одиночными трупосожжениями, археология не фиксирует ни притока нового населения, ни какого-либо разрыва в эволюции материальной культуры.

Имеется также ряд косвенных свидетельств в пользу славянской принадлежности псковских длинных курганов. К ним, в частности, можно отнести расположение этих памятников в могильниках, принадлежность которых славянам устанавливается по материалам курганных насыпей X—XII вв.

В древнерусских курганах X—XIII вв. лесной зоны Восточной Европы, там, где в тот период происходила славянизация местного финно-угорского населения, отчетливо выявляются многочисленные субстратные элементы. Это прежде всего разнотипные зооморфные и шумящие привески, несомненно связанные с финно-угорским миром, и характерная для сред-

невековых финно-угров меридиональная ориентировка трупоположений²³. Такие особенности довольно широко представлены в курганах на широкой территории от северо-восточного побережья Чудского озера до восточных окраин Волго-Окского междуречья. Анализ их позволяет исследовать все детали славяно-финского взаимодействия.

В ареале псковских длинных курганов почти нет погребений X—XIII вв. с финно-угорскими субстратными особенностями. Между тем гидронимические данные свидетельствуют, что и в этом регионе дославянским населением были финноязычные племена, которые в процессе славянского расселения в основном оставались на местах и были постепенно славянизированы. Поскольку славянизацию местного населения здесь невозможно датировать X—XIII вв., этот процесс следует отнести ко второй половине I тысячелетия н. э. И действительно, в длинных курганах Псковской земли имеются элементы прибалтийскофинского происхождения²⁴.

Если бы прибалтийским финнам Псковщины, как это полагают некоторые исследователи, в VI—VIII вв. действительно был свойствен курганный обряд погребения, он должен был бы получить дальнейшее развитие в юго-восточной Эстонии, где, судя по всем данным, в X—XII вв. проживало неславянское население. Между тем этот обычай здесь пропадает (известны лишь единичные курганы X—XI вв.), тогда как в кривичской части ареала длинных курганов получает дальнейшее развитие. Очевидно, в юго-восточной Эстонии проникшее сюда славянское население оказалось ассимилированным местными прибалтийскими финнами.

О славянском проникновении в юго-восточные районы Эстонии свидетельствуют и лингвистические данные. В вырусском диалекте эстонского языка отчетливо фиксируются не только лексические, но и фонетические особенности, говорящие о том, что на юго-востоке Эстонии некогда имел место не маргинальный, а внутрирегиональный контакт между прибалтийскофинским и славяно-русским населением²⁵. При этом наиболее ранние славянские проникновения должны быть отнесены ко времени до сложения древнерусского языка. Так, Э. Н. Сетяля определял начало проникновения славянских элементов в прибалтийскофинские языки примерно VI в. н. э.²⁶ Верхнюю дату славяно-прибалтийскофинского внутрирегионального контакта на территории юго-восточной Эстонии определить трудно. Учитывая, что археология не фиксирует более или менее заметного присутствия славяно-русского населения на территории юго-восточной Эстонии в XI—XIV вв., приходится отнести рассматриваемое славяно-прибалтийское внутрирегиональное контактирование ко второй половине I тысячелетия н. э., т. е. ко времени длинных курганов.

В заключение остановимся на вопросе о том, какому племени принадлежало восточнославянское население Псковской земли. В научной литературе укоренилось мнение, что это были кривичи. Однако Г. С. Лебедев недавно заявил, что будто бы никаких оснований называть население Псковской земли кривичами у нас нет²⁷. Летописные данные он обходит просто: 1) сообщение об Изборске как о городе кривичей имеется не в Начальной, а в поздней Архангелогородской летописи — значит, оно недостоверно; 2) связь кривичи — Изборск в Начальной летописи не прямая, а косвенная, — поэтому ею можно пренебречь; 3) в Повести временных лет сообщается, что кривичи занимали верховья Волги, Днепра и Западной Двины, а Псковская земля находится вне пределов течений этих рек.

Такое обращение с летописными данными нельзя считать серьезным. Для изучения истории существенны не только прямые, но и косвенные показания летописей, не только сведения Начальной летописи, но и данные более поздних летописных сводов, тем более, если они подтверждаются материалами археологии и языкознания. Исследователи давно заметили, что, говоря о местах расселения восточнославянских племен, летописец называет лишь ориентиры, а не очерчивает полностью регионы, освоенные ими.

Утверждение Г. С. Лебедева, что принадлежности населения Псковской земли к кривичам будто бы противоречат лингвистические и археологические материалы, неверно. Как раз языковые данные не разъединяют, а объединяют Псковскую землю со Смоленской и Полоцкой. Псковские говоры очень тесно примыкают к нынешним севернобелорусским, сформировавшимся на основе кривичских говоров Полоцкой и Смоленской земель. Псковские говоры считаются переходными, сложившимися в условиях тесного взаимодействия наречия, ставшего ныне севернобелорусским, с северновеликорусским²⁸. При этом языковые особенности, связывающие псковские говоры с говорами других кривичских земель, получили в Псковской земле последовательное распространение. Можно полагать, что в конце I и начале II тысячелетия н. э. отчетливого рубежа между псковскими и полоцко-смоленскими говорами еще не было. Формирование южной границы псковского говора — пучка изоглоссы, ныне разделяющего севернорусские и севернобелорусские диалекты, специалисты датируют временем Великого княжества Литовского²⁹. Независимо от археологов и задолго до составления карты длинных курганов, очертивших кривичскую территорию в целом, лингвисты и диалектологи стали называть псковские говоры кривичскими.

О кривичской принадлежности славян Псковщины говорят и некоторые иные данные. Известно, что латыши всех русских называют *krievs* — термином, производным от этнонима кривичи. Очевидно, из славян латышские племена впервые встретили кривичей и соседнили лишь с ними. Рубеж региона псковских длинных курганов с ареалом латгальских памятников составляет основную часть пограничья славян с латышскими племенами. Тесный контакт Полоцкой земли с соседними латышскими территориями устанавливается с XII в., когда племенное название кривичи, судя по летописям, уже вышло из употребления.

¹ *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей. — САИ, 1974, вып. Е1-8.

² *Аун М.* Исследование курганов в Пылваском районе. — Изв. АН ЭССР, Обществ. науки, 1976, 1, с. 58—63; *Она же.* Длинные курганы в Лаоссина. — Там же. 1977, 1, с. 71—76; *Она же.* Курганный могильник у д. Рысна-Сааре. — Там же, 1978, 1, с. 83—89; *Она же.* Раскопки длинных курганов у д. Рысна-Сааре. — АО 1977 г. М., 1978, с. 456, 457.

³ *Александров А. А., Белецкий С. В.* Исследование памятников у д. Лезги. — АО 1977 г. М., 1978, с. 5; *Плоткин К. М., Грач В. А.* Раскопки курганов у д. Северик. — Там же, с. 29.

⁴ *Носов Е. Н., Верхорубова Т. А.* Исследования комплекса культуры длинных курганов на оз. Съезжем в Новгородской обл. — АО 1976 г. М., 1977, с. 25.

⁵ *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей, с. 36—41.

⁶ Там же, с. 39.

⁷ *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. — МИА, 1968, 152.

⁸ *Лаул С. К.* Погребальные памятники прибалтийских финнов в I тысячелетии н. э. — В кн.: Вопросы финноугроведения. Саранск, 1975, VI, с. 378—384; *Тыннисон Э.* Монография о длинных курганах. — Изв. АН ЭССР, Обществ. науки, 1976, 3, с. 300—305; *Лебедев Г. С.* Начало Верхней Руси по данным археологии. — В кн.: Проблемы истории и культуры северо-запада РСФСР. Л., 1977, с. 90—95.

⁹ *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники древней Руси IX—XI вв. Л., 1978, с. 61—85.

¹⁰ *Zool-Adamikowa H.* Wczesnośredniowieczne cmentarzyska ciałopalne słowian na terenie Polski. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1975, Cz. 1; *Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом. — САИ, 1973, вып. Е1-25, с. 26—30.

¹¹ *Шмидехельм М. Х.* Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955; *Selirand J.* Eestlaste matmiskombed varafeodaalsete suhete tärgkamise perioodil. Tallin, 1974. Такая обрядность характерна для эстов, ливов, суоми, а по более поздним материалам фиксируется также в водских и корельских памятниках.

¹² Например, на территории Польши. Более широко распространены в Польше овально-удлиненные курганы с трупосожжениями.

¹³ *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. М., 1976, с. 200.

¹⁴ *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники... с. 65.

¹⁵ *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей, с. 34.

¹⁶ *Орлов С. Н.* Археологические исследования в низовьях реки Мсты. — СА, 1968, 3, с. 160—164.

- ¹⁷ Орлов С. Н. Городище эпохи раннего железа в низовьях р. Ловати. — КСИИИ, 1962, 87, с. 42—45.
- ¹⁸ Тараканова С. А. Псковские городища. — КСИИИ, 1956, 62, с. 36, 37.
- ¹⁹ Alexandrow V. V., Tallgren A. M. Funde aus der römischen Eisenzeit im Gouv. Novgorod. — ESA, 1930, V, S. 100—108; Рерих Н. К. Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца. — ЗРАО, 1899, XI, 1-2, с. 371, 372.
- ²⁰ Moora H. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. Tartu, 1938, S. 18.
- ²¹ Псковские губернские ведомости, 1879, № 11.
- ²² Шмидехельм М. Х. Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии. — ВЭИИП, с. 154—185; Седов В. В. Жилища юго-восточной Прибалтики (I—начало II тысячелетия н. э.). — В кн.: Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975, с. 289, 290.
- ²³ Седов В. В. Финно-угорские элементы в древнерусских курганах. — В кн.: Культура древней Руси. М., 1966, с. 246—251.
- ²⁴ Седов В. В. Длинные курганы кривичей, с. 16, 24, 40, 41, табл. 31.
- ²⁵ Моора Х. А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. — В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, с. 128—131.
- ²⁶ Setälä E. N. Suomensukuisten kansojen esihistoria. — Suomen suku. Helsinki, 1926, 1, S. 160.
- ²⁷ Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники. . ., с. 81—85.
- ²⁸ Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. М., 1969; Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. М., 1949, с. 230—234.
- ²⁹ Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970, с. 445—452.

Г. Н. ПРОНИН

СОПКИ, КУРГАНЫ, ЖАЛЬНИКИ (к вопросу о преемственности)

В раннесредневековой археологии северо-запада европейской части СССР наиболее важен вопрос о происхождении, взаимосвязи и преемственности сопок с другими, более поздними типами памятников — курганами с трупосожжениями IX—XI вв.; курганами с кольцевой валунной обкладкой; жальниками. Памятники этих трех типов распространены только на определенной территории, охватывающей современные Новгородскую, частично Ленинградскую, Псковскую и Калининскую области. Выяснение вопроса о генетической преемственности между ними тесно связано с проблемой их этнической атрибуции.

Сопки наряду с длинными и круглыми курганами с трупосожжениями VI (VII)—IX вв. — наиболее ранний пласт памятников региона. Какая-либо достоверная информация о памятниках предшествующего периода, которые могли бы быть связаны с ними, отсутствует. Сопки явно выделяются по ряду внутренних конструктивных и внешних признаков среди предшествующих им и синхронных древностей северо-запада Восточной Европы. Исследователи предполагали, что население, оставившее эти памятники, пришло, и высказывали различные гипотезы о его этнической принадлежности¹. Итоги многолетних исследований сопок были подведены в специальной работе В. В. Седова².

Анализируя конструкции насыпей, обряд погребений и инвентарь, В. В. Седов, хотя и с оговорками, пришел к выводу о принадлежности сопок славянам. В настоящее время эта точка зрения находит много сторонников. Подводя итоги анализу сопок, В. В. Седов подчеркивает, что «больше всего связующих элементов обнаруживается между сопками и достоверно славянскими насыпями Новгородчины». К числу таких связующих элементов относится, во-первых, расположение «сопок и курганных насыпей словен новгородских в одних могильниках», причем «основная часть новгородских курганов с трупосожжениями IX—X вв. сконцентрирована в области наиболее густого распространения сопок»³. Во-вторых, это — «выкладывание кольца камней в основании насыпей курганов новгородских словен IX—XIV вв.», что объясняется «наследием ри-

туала того населения, которое сооружало сопки». В-третьих, сходство по всем деталям погребальной обрядности.

Действительно, низкие полусферические курганы с трупосожжением широко распространены в ареале сопок. Они встречаются в одних группах с сопками и — значительно чаще — в группах с длинными курганами. Есть также могильники, состоящие только из низких полусферических насыпей. К сожалению, карта распространения курганов с трупосожжениями в ареале сопок, приведенная в работе В. В. Седова, nemá⁴. В большинстве из раскопанных низких круглых полусферических насыпей с трупосожжениями в ареале сопок инвентарь ограничивался сильно поврежденными в огне, трудноопределимыми вещами⁵. Датированные же могильники IX—X вв. с погребениями по обряду кремации немногочисленны: курганы в районе озер Крюково и Пелено, у д. Воймерицы на Мсте, курган 4 в группе у д. Низовка, некоторые насыпи у д. Боково (раскопки автора) и ряд других. Никаких оснований относить все низкие полусферические насыпи с трупосожжениями к IX—X вв. нет⁶. Большинство из них следует сопоставлять скорее всего с кругом памятников культуры длинных курганов. Расположение круглых полусферических насыпей в одних могильниках с длинными курганами или в непосредственной близости от них — явление обычное. На территории плотного распространения сопок нет практически ни одного могильника, в котором бы круглые полусферические насыпи не находились вместе с длинными⁷. Предпринимаемые в последнее время некоторыми исследователями попытки выделить в особую группу могильники, состоящие только из низких круглых полусферических насыпей, и отнести их к собственно славянским древностям в ареале сопок нельзя считать серьезными⁸. Такие могильники до настоящего времени не исследованы, неясны ареал их, датировка и т. д. Относить же те или иные могильники именно к этой группе памятников только по их внешнему виду или топографии неправомерно.

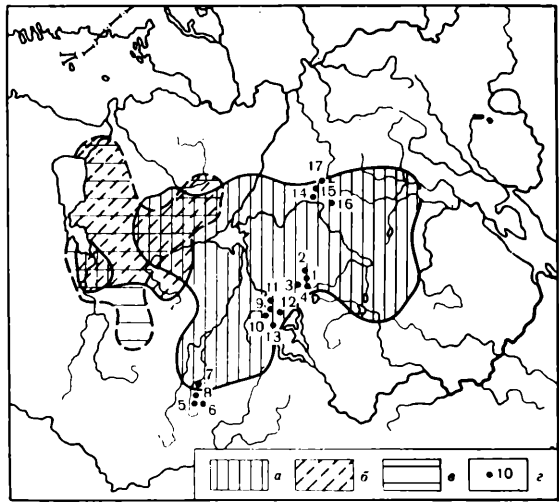
Каменные кольца в основании насыпи — специфическая черта курганов в земле словен новгородских. На этом основании можно выдвинуть гипотезу о генетической преемственности между сопками, для многих из которых также характерна кольцевая обкладка, и курганами IX—XIV вв., которые в ходе дальнейшей эволюции сменяются жалыничными погребениями. Картографирование памятников показывает, что ареалы курганов с кольцевой валунной обкладкой и сопок совпадают только в бассейне Верхнего Полужья (рис.). На остальной территории плотного распространения сопок известно лишь несколько таких могильников: Русское Большое, Миробудицы, Ивантеево, Яколово — в верховьях Поломьяти; Дохино, Курово, Точилово, Пухтеево — в верховьях Ловати. В бассейне Полы и ее притоков курганы с кольцевой обкладкой имеются лишь в составе курганно-жалыничных могильников: Горки, Горное, Заболотье, Боково, Кожино. В двух последних есть круглые жалыничные могилы. Немногочисленны они также в бассейнах Мды и Сяси: Марковицы, Жуково-Дрегли, Чисть, Клишино. Поэтому предположение о генетической преемственности между сопками и курганами с кольцевой обкладкой, базирующееся лишь на наличии каменных кругов у тех и других, представляется преждевременным.

Попытки решить вопросы происхождения, эволюции и этнической принадлежности сопок привели к рождению еще одной гипотезы, изложенной в ряде работ Г. С. Лебедева⁹. Все сопки он разделяет на три «типо-хронологических пласта». Первый, наиболее ранний, ловатский пласт — сопки с мощным кострищем в основании, сожжением на стороне, каменными кольцами и вымостками. Второй пласт, более поздний, представлен на обширной территории — «средняя Мста, окрестности Старой Ладоги, северная Псковщина, юго-восточное Приладожье». Это насыпи с сожжением на стороне, на подсыпке или в верхней части насыпи, различными каменными конструкциями. И, наконец, третий пласт, наиболее поздний, — сопки «с сожжением на стороне, нередко в урне, или труположениями, как правило, в основании насыпи (?) — в окрестностях

Рис. Ареал сопок, курганов с кольцевой валунной обкладкой и ранних жальников (схематично)

а — сопки; б — территория плотного распространения курганов с кольцевой валунной обкладкой; в — ареал ранних жальников; г — курганы с кольцевой валунной обкладкой и кургано-жальничные могильники в пределах плотного распространения сопок

1 — Русское Большое; 2 — Миробудицы; 3 — Ивантеево; 4 — Яколово; 5 — Дохино; 6 — Курово; 7 — Точилово; 8 — Пухтево; 9 — Горки; 10 — Горное; 11 — Заболотье; 12 — Бокново; 13 — Кожино; 14 — Марконицы; 15 — Жуково-Дрегли; 16 — Чисть; 17 — Клишино

Старой Лавоги и на реках южного Приладожья». Позднее Г. С. Лебедев несколько ослабил такое четкое разграничение насыпей по «типо-хронологическим пластам» в основном за счет выделения сопок «переходных типов». Перечисленные пласты, по Г. С. Лебедеву, последовательно сменяют друг друга. Так, сначала «традиция сооружения сопок исчезает на Ловати и в верховьях Волхова, затем на Мсте, Шелони и Луге и, наконец, постепенно исчезает и вырождается на окраинах южного Приладожья». Наиболее поздние захоронения в сопках Г. С. Лебедев относит к X и даже к XI в. Однако само по себе подобное деление сопок не решило вопроса об их происхождении и связи с другими памятниками. Это привело Г. С. Лебедева к мысли о существовании некоей «предкурганной культуры», представлявшей собой «локальное культурное единство», занимавшей центральную часть территории Северо-Запада и совпадавшей с ареалами сопок и длинных курганов. Никаких данных о существовании этой культуры, как отмечает сам Г. С. Лебедев, археологические материалы не предоставляют. В пределах этой ничем не фиксируемой культуры под воздействием двух противоположных «культурных импульсов» с начала второй половины I тысячелетия н. э. одновременно распространяется обычай сооружения сопок и длинных курганов: для сопок — это «культурный импульс» с юго-востока (генетическая связь с курганами типа Шаньково — Почепок, Беседы), для длинных курганов — с северо-запада, с территории восточной Эстонии.

Г. С. Лебедев, вслед за В. В. Седовым, намечает связь между сопками и наиболее поздним типом погребальных памятников рассматриваемого региона — жальниками. Но если В. В. Седов искал эту взаимосвязь в конструктивных признаках (от каменных колец в сопках к курганам с кольцевой обкладкой и затем к жальникам), то Г. С. Лебедев пытается обосновать непосредственную связь сопок с жальничными погребениями. Аргументация следующая. Выделяется три региона: южный — верхняя и средняя Ловат, для которого характерны сопки или могильники, состоящие из сопок и курганов; северный — Ижорское плато, северо-восточное побережье Чудского озера — отсутствие сопок и обилие курганов и жальников (?); центральный — верхняя Луга, нижняя Ловат, Великая, Мста, Шелонь, восточное Приильменье — могильники, состоящие из сопок, окруженных жальниками. При этом подчеркивается наличие здесь жальничных могил XI—XII вв. Поскольку в центральном «сопочно-жальничном» регионе нет памятников переходного типа, Г. С. Лебедев предлагает считать таковыми, с одной стороны, каменные круги, известные в основном по раскопкам Н. К. Рериха на нижней Ловати¹⁰, с другой — погребе-

ния по обряду ингумации в насыпях некоторых сопок (как, например, в насыпи сопки у д. Репьи с выкладками типа жальничных могил)¹¹. В качестве памятника, в котором сочетаются черты сопок, каменных кругов и жальников, приводится Юрьевский жальник у д. Горки в верховьях Мсты¹². Сопки и жальники Г. С. Лебедев рассматривает как памятники местного финно-угорского населения — чуди, исходя в основном из соответствия территории их распространения «ареалу древней западно-финской гидронимии на русской территории».

Предложенная гипотеза не объясняет, однако, ни одного из поставленных вопросов. Членение всего круга погребальных памятников, относимых к сопкам, на три «типо-хронологических пласта» является искусственным. Так, нет оснований считать ловатские сопки (первый пласт) наиболее ранними. Ни в одной из исследованных ловатских сопок (Селяха — 1, Коровитчино — 1, 5, 6; Марфино — 1, 2; Селеево) не обнаружено вещей, которые позволяют хотя бы приблизительно датировать то или иное погребение. Утверждение Г. С. Лебедева, что кремация на месте была более ранним по сравнению с другими обрядом, требует какого-то обоснования. Теория о последовательном переходе от одного пласта к другому повисает в воздухе. Погребения сопок в низовьях Волхова в большинстве также не поддаются датировке. Так, из пяти погребений в сопке 140 (раскопки Н. Е. Бранденбурга) в рамках от VII (может быть, VI) до VIII в. датируется лишь погребение 1. Этим же временем датируется погребение 2 из сопки 143. Погребения в сопке 2 (раскопки С. Н. Орлова) относятся к IX в. Новые раскопки В. П. Петренко в районе Старой Ладogi также не дают основания для датировки сопок временем позднее IX в.¹³ Из 23 сопок, раскопанных в бассейне Мсты, ни в одной нет датирующих материалов. Таким образом, сопки второго «типо-хронологического пласта» хронологически не отличаются от основной массы сопок. Наиболее ранние материалы происходят из насыпей, расположенных на периферии сопочного ареала, — сопка у деревень Репьи, Романово, не документированные материалы — из насыпей у д. Горско.

Третий пласт, выделяемый Г. С. Лебедевым, представляется наиболее гипотетичным. К нему он относит крупные насыпи, раскопанные в бассейнах Тихвинки, Паши и Сяси А. Колмогоровым¹⁴. Из них близки к сопкам лишь некоторые. Таков курган 1 у д. Татарова (высота 4 м). В его основании разбросаны кальцинированные человеческие кости и фрагменты керамики. (Второй курган этой группы содержал труположение на материке.) Группу у д. Рядань составляли три кургана высотой от 1,5 до 5 м, все — с кольцевой валунной обкладкой. В основании кургана 1 на материке открыт толстый угольный слой, на котором — отдельные кучки кальцинированных костей и при них «топор в виде секиры с золотой инкрустацией и подвески в виде баранчиков». В кургане 2 высотой 3,5 м, аналогичном кургану 1 по устройству и обряду погребения, при костях найдена зооморфная подвеска-уточка. В кургане 3 — безы Inventарные погребения по обряду кремации на стороне. В насыпи, вероятно значительных размеров, у Ильинского погоста открыты две угольные прослойки: одна — на глубине 1,5 м от поверхности — содержала разбросанные в беспорядке ладейные заклепки и кости животных; другая находилась в основании кургана. Мелегежские курганы выделяются размерами — высота до 12 м (?). В восьми из них обнаружены погребения по обряду трупосожжения, в девятом ничего не найдено. В кургане 1 у с. Горбиничи (в могильнике все насыпи — с кольцевой обкладкой) на глубине 2 м открыта зольно-углистая прослойка, на которой находился горшок, обложенный по бокам камнями, с остатками органики и сожженными человеческими костями. В основании сопки — мощная угольная прослойка с обломками камня, среди которых найдены топор, нож, обломок копья — все со следами пребывания в огне. В кургане 3 этой же группы на угольной прослойке на материке обнаружен горшок с кальцинированными костями и рядом с ним — подвеска в виде ложечки со следами золотой инкрустации и бубенчик на короткой цепочке. Все перечисленные насыпи

сближают с сопками крупные размеры, наличие зольно-углистых прослоек, кольцевые обкладки.

Однако анализ погребального обряда и инвентаря не позволяет связывать тихвинские курганы в целом с сопками и видеть в них финальный этап существования последних. Общим для насыпей с трупосожжениями является наличие зольно-углистых прослоек в основаниях насыпей, а также кострищ-«очажков». Погребения содержат урны, иногда накрытые сковородками. Кальцинированные кости часто бывают вместе с костями животных.

Большинство же тихвинских курганов, раскопанных А. Колмогоровым, содержали погребения по обряду ингумации на материке, в основном с южной ориентировкой, с определенным набором инвентаря, который позволяет датировать их XI в., может быть, первой половиной XII. В данном случае мы имеем дело с культурой местных финских племен, близкой по всем признакам культуре приладожских курганов.

Переход от обряда кремации к ингумации (в основном это сопки третьего «типо-хронологического пласта») обосновывается Г. С. Лебедевым прежде всего на материалах сопки у д. Репьи, где в насыпи обнаружено большое количество поздних трупоположений и каменные выкладки типа жальничных могил¹⁵. Расположение могил по склонам насыпи от середины высоты до основания, стратиграфия насыпи, обряд погребения, отсутствие вещей явно свидетельствуют о том, что эти захоронения являются более поздними, впускными в насыпь сопки. Попытки обосновать ссылками на другие памятники единую линию развития от ранних сопочных погребений VI—VII вв. до поздних трупоположений в сопках, что позволило бы увязать их с жальниками, недостаточно аргументированы. Так, в сопке у д. Средние Озерцы (бассейн Луги) в юго-западной поле на глубине 0,7 м открыты глиняная урна и три камня; в верхней части насыпи — несколько больших камней; еще выше — «христианские поздние могилы — 15 штук»¹⁶. Насыпь у д. Ушерска (высота 3,6 м) была «наполовину распахана»¹⁷. Сваленные в беспорядке человеческие черепа и кости найдены на глубине 2,1 м от поверхности. В сопке у д. Родивоново сложенные в беспорядке человеческие черепа и кости, как отмечает автор раскопок Н. Г. Богословский, «по-видимому, случайного происхождения», обнаружены на глубине 0,7 м. То же самое можно сказать о сопке у д. Горско и других, которые упоминает Г. С. Лебедев.

Мысль о непосредственном переходе от сопок к жальникам была высказана еще Н. К. Рерихом¹⁸. Им же были обнаружены кольцевые и овальные круги-вымостки в низовьях Ловати у деревень Подгощи, Солониско, Сущево, располагавшиеся неподалеку от сопок. Круг у д. Подгощи представлял собой сплошную выкладку из крупных валунов диаметром около 15 м. Под камнями обнаружен уголь и в одном месте — черепки лепного горшка. Раскопки аналогичной конструкции у д. Сущево результатов не дали¹⁹. При раскопках в 1910 г. у д. Солониско были обнаружены остатки трупосожжений и вещи, датируемые в пределах от III—IV до VI—VIII вв.²⁰ В. В. Седов обоснованно интерпретировал эти и аналогичные им сооружения как «памятники прибалтийскофинского населения, занимавшего Новгородскую и Псковскую земли до славянской колонизации»²¹. Рассматривать эти сооружения как переходное звено от сопок к жальникам значило бы утверждать, что этот переход начался одновременно с появлением традиции сооружения сопок, тем более что Г. С. Лебедев пытается установить близость, «если не синхронность их первому типологическому пласту сопок»²².

Юрьевский жальник, в котором якобы сочетаются общие для сопок, каменных кругов и жальников признаки, служит пока единственным аргументом в пользу высказываемой гипотезы. Однако интерпретация и реконструкция его весьма гипотетичны. Под каменной вымосткой здесь находились пять обычных жальничных могил, в четырех из которых найдены безынвентарные захоронения на уровне материка, а в пятой — ничего, кроме отдельных углей. Погребения были засыпаны значительным

слоем земли, а сверху перекрыты валунной выкладкой. Оснований для утверждения о синхронности всех захоронений нет. Возможно, что все они были совершены в разное время, а затем перекрыты каменной кладкой. Датировать же весь комплекс XI в. по обнаруженному между каменными выкладками трупосожжению в ямке нельзя.

Сопки в одном могильнике с жальниками известны в 22 пунктах. Причем во всех случаях они сочетаются с жальничными могилами позднего типа (по классификации А. А. Спицына) — прямоугольной формы, ориентированными по линии запад—восток, с обкладкой из валунов средних размеров — или с могилами, отмеченными двумя камнями в головах и ногах погребения. Недостоверные сведения о нахождении в могильнике сопки и ранних могил круглой формы имеются лишь об одном пункте — Крестецкая Ямская Слобода²³. Совпадение же ареала сопок и ранних жальников прослеживается только в районе Верхнего Полужья и частично Псковского озера, т. е. на периферии сопочного региона.

Материалы не позволяют утверждать генетическую преемственность между сопками и курганами с кольцевой валунной обкладкой (наиболее ранние из них датируются XI в.), основная масса которых концентрируется на северо-западной и западной окраине ареала сопок. То же самое можно сказать и о жальниках. Единственный общий признак для них и для сопок — каменная обкладка. Неясен и вопрос о взаимоотношении сопок и круглых курганов с трупосожжениями IX—X (XI) вв.

Проблема культурно-этнической принадлежности сопок не может сейчас быть решена однозначно в пользу либо славян, либо финно-угорских племен. Наиболее перспективна наметившаяся в результате раскопок последних лет связь культуры сопок с культурой длинных курганов.

¹ *Бранденбург Н. Е.* Курганы Южного Приладожья. — МАР, 1895, 18; *Спицын А. А.* Сопки и жальники. — ЗРАО, 1899, XI, 1-2; *Радоникас В. И.* Доисторическое прошлое Тихвинского края. Тихвин, 1924.

² *Седов В. В.* Новгородские сопки. — САИ, 1970, вып. Е1-18.

³ Там же, с. 31.

⁴ Там же, табл. XIX.

⁵ *Рерих Н. К.* Некоторые древности пятины Деревской и Бежецкой. — ЗОРСА, 1903, V, 1; *Глазов В. Н.* Отчет о поездке в Крестецкий уезд Новгородской губернии. — ИАК, 1904, 6.

⁶ *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. — МИА, 1968, 152, с. 111—113.

⁷ *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей. — САИ, 1974, вып. Е1-18, с. 51—53.

⁸ *Лебедев Г. С.* Начало Верхней Руси по данным археологии. — В кн.: Проблемы истории и культуры северо-запада РСФСР. Л., 1977, с. 92, 93.

⁹ *Лебедев Г. С.* Начало Верхней Руси..., с. 90—95; *Лебедев Г. С., Рябинин Е. А.* Сопки и жальники. — В кн.: Проблемы археологии. Л., 1978, 2, с. 152—163.

¹⁰ *Рерих Н. К.* Некоторые древности Шелонской пятины и Бежицкого конца. — ЗРАО, 1899, XI, 1-2, с. 351—372.

¹¹ *Лебедев Г. С.* Сопка у д. Репьи в Верхнем Полужье. — КСИА, 1978, 155, с. 93—100.

¹² *Передольский В. С.* Бытовые остатки насельников Ильменско-Волховского побережья и земель великоновгородского державства каменного века. СПб., 1893, с. 89.

¹³ *Петренко В. П.* Некоторые сведения о сопках Северного Поволжья. — В кн.: Проблемы истории и культуры северо-запада РСФСР. Л., 1977, с. 85—90.

¹⁴ *Колмогоров А.* Тихвинские курганы. — Труды XV АС. М., 1914, I, с. 411—434.

¹⁵ *Лебедев Г. С.* Сопка у д. Репьи..., с. 93—100.

¹⁶ ОАК за 1913 г., с. 164.

¹⁷ *Богословский Н. Г.* Отчеты о раскопках. — ИОЛЕАЭ, 1878—1879, XXXI, с. 205, 206.

¹⁸ *Рерих Н. К.* Некоторые древности Шелонской пятины..., с. 350, 351.

¹⁹ Там же, с. 371, 372.

²⁰ *Alexandrow V. V., Tallgren A. M.* Funde aus der römischen Eisenzeit im Govv. Novgorod. — ESA, 1930, V.

²¹ *Седов В. В.* Новгородские сопки, с. 17.

²² *Лебедев Г. С., Рябинин Е. А.* Сопки и жальники, с. 159.

²³ *Рериков Н. И.* Жальники Новгородской земли. — ИГАИМК, 1931, IX, 5, № 365.

РАЗВИТИЕ КУРГАННОГО ОБРЯДА В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЭСТОНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

Основными вопросами в изучении курганных могильников юго-восточной Эстонии были и остаются их датировка и этническая принадлежность. Предположения об этнической принадлежности этих памятников, которые первоначально относили к местным эстским племенам, воспринявшим форму могильных сооружений у соседей-славян¹, по мере накопления новых материалов неоднократно изменялись и уточнялись². Поскольку Х. Моора и М. Шмидехельм придерживались мнения о неместном происхождении курганов (хотя и не считали этот вопрос окончательно разрешенным), то естественно, что они вопрос о развитии курганного обряда захоронения не ставили. Не коснулись этой проблемы и те эстонские археологи, которые склонны были относить курганные могильники к памятникам коренного населения³. В качестве аргументов в пользу последнего предположения приводились детали устройства насыпей и погребального обряда, а также отдельные предметы, которые считаются характерными для прибалтийскофинских племен и как будто сближают курганы с культурой каменных могильников на территории Эстонии⁴. Различия в устройстве курганных насыпей в разных могильниках объяснялись тем, что они сооружены разными этническими группировками⁵. Только в одном случае — при анализе устройства отдельных насыпей в могильнике Кынну — было высказано предположение, что между насыпями, содержащими камни, и насыпями, сооруженными только из песка, может быть какое-то хронологическое различие⁶.

При новых исследованиях курганных могильников юго-восточной Эстонии и просмотре на этой основе уже имевшегося материала внимание обращалось на выяснение условий и характера перехода к курганному обряду захоронения и его развитие. Сопоставление полученных данных показало, что в одних погребальных насыпях наиболее древние захоронения (в материковых ямах или в основании кургана) расположены в нескольких, обычно в двух-трех частях, отделенных друг от друга ровиками небольших, а иногда и значительных размеров. В других насыпях, в основаниях которых обнаружена лишь одна погребальная площадка, основные захоронения сконцентрированы в ее середине или в одном из концов. Встречаются насыпи, в которых основные захоронения вообще не найдены. По-разному происходило и сооружение длинных курганов: в одних случаях насыпь покрывала более ранние захоронения, причем ее общая длина превышала длину уже имеющихся отдельных частей, вместе взятых, ненамного; в других случаях насыпь длинного кургана в позднейшей его форме оказывалась гораздо длиннее первоначальной погребальной площадки или насыпи. Длина насыпи не зависит от ее структуры, а количество захоронений, как правило, не зависит от длины кургана (например, курган 11 в Линдора содержал 22 захоронения при общей длине 28 м; курган 11 в Лаоссина II — шесть захоронений при общей длине более 53 м; курган 2 в Лаоссина V — девять захоронений при длине 12 м; курган 13 в Линдора — три захоронения при длине 28,5 м и т. д.).

Все раскопанные на снос длинные курганы юго-восточной Эстонии (всего 16) предварительно подразделены на три основных типа (см. Приложение). К первому типу отнесены длинные курганы, которые созданы путем слияния нескольких (обычно двух-трех) ранее сооруженных отдельных погребальных площадок или насыпей и содержат большое количество как основных, так и более поздних захоронений. Общее количество захоронений в курганах этого типа колеблется от шести до 22, причем коли-

чество погребений в насыпи на вершине кургана достигает в среднем трех-четырех. Наиболее архаичные черты обнаружены в кургане 11 могильника Линдора⁷. Основные захоронения (всего 15) в этом кургане расположены в середине трех погребальных площадок, отделенных друг от друга ровиками небольших размеров. Более поздние захоронения совершены в насыпи на вершине (четыре) и в ровике (три). Последовательность сооружения этого длинного кургана не совсем ясна. Судя по весьма однородному составу его насыпи, можно предположить, что он в своей позднейшей форме был насыпан однократно, в связи с совершением центрального захоронения (I или VII), и окружен одним ровиком. Остальные же позднейшие захоронения совершены в готовую насыпь (или ровик).

По принципу сооружения и структуре к линдорскому кургану весьма близки курганы 1, 3, 5, 6 и 8 могильника Рысна-Сааре I⁸. Все они созданы путем слияния двух-трех (курган 8 — четырех) отдельных частей. Сооружение же длинных курганов в позднейшей форме произошло, очевидно, в связи с совершением центральных захоронений в середине (1, 5, 6) или в одном конце (3, 8) насыпей. В отличие от линдорского, исследованные в Рысна-Сааре курганы содержали несколько меньше захоронений (в том числе и основных). В количестве же более поздних захоронений, совершенных в насыпи или на поверхности позднейшего длинного кургана, между линдорским и рыснасаарескими курганами значительных различий не наблюдается. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в рыснасаареских курганах основные захоронения не всегда расположены в середине погребальной площадки, а иногда помещены по ее краям (например, курган 1)⁹.

Второй тип представлен длинными курганами, содержащими на одном конце или в средней части преимущественно основные захоронения (иногда и единичные более поздние) и сооруженными путем присыпки песка к одной или двум сторонам уже имевшейся погребальной площадки или насыпи с захоронениями. Эти присыпанные части (иногда в виде погребальной площадки довольно большой длины), как правило, не содержат захоронений (курганы 13 и 16 в Линдора¹⁰, курган 6 в Лоззи¹¹, курган 11 в Лаоссина II¹²). Общее число погребений в курганах второго типа колеблется в пределах от двух до шести (в среднем два-три), а более поздние захоронения встречены пока только в одном случае (курган 11 в могильнике Лаоссина II).

Классическим примером курганов второго типа служит насыпь 13 в Линдора. Раскопками выяснено, что первоначально была сооружена погребальная площадка прямоугольной формы (длина около 15 м), окруженная ровиком глубиной 0,5—0,6 м и шириной от 2 до 3,5 м. В середине этой площадки совершено три безынвентарных основных захоронения. Трудно установить, какое из этих захоронений самое позднее, а какое — самое раннее. Ясно только то, что курганная насыпь, судя по ее весьма однородному составу, сооружена однократно, причем длина кургана в его позднейшей форме превышала длину первоначальной площадки в западной части на 3 м, а в восточной — на 5 м. Более поздних трупосожжений в этом кургане не найдено, но зато обнаружены труположения более позднего времени.

Длинные курганы третьего типа сооружены до совершения захоронений и содержат погребения или впускные (курган 18 в Линдора)¹³, или на вершине насыпи (курган 2 в Рысна-Сааре I)¹⁴. Образцом насыпей этого типа служит курган 2 в Рысна-Сааре I. В его основании обнаружена площадка прямоугольной формы, но погребений там не оказалось. Над площадкой сооружена насыпь, на поверхности которой (в середине кургана) совершено безынвентарное погребение. По принципу сооружения с упомянутым курганом сходен курган 4 того же могильника, но погребений он не содержал.

В круглых курганах наблюдается такое же разнообразие в способах сооружения, в помещении и количестве захоронений. Курганы 9 и 10

могильника Линдора содержали, например, в середине погребальной площадки округлой формы соответственно по пять и по три основных захоронения¹⁵. В основании кургана 12 в могильнике Арнико III найдены в разбросанном виде кальцинированные кости двух одновременно сожженных покойников¹⁶. Курган 9 в могильнике Лаоссина II содержал по одному захоронению (кучкой) в основании насыпи, внутри нее, на вершине и в ровике¹⁷. Диаметр и высота кургана увеличивались по мере совершения новых захоронений. Курганы 9 и 10 в могильнике Рысна-Сааре I содержали по два основных и по два впускных захоронения. В кургане 2 могильника Пылгасте I¹⁸ и в кургане 15а в Линдора¹⁹ обнаружено по одному основному и по шесть впускных захоронений. Известны также круглые курганы, насыпь которых, очевидно, сооружена до совершения захоронений, а погребения в них — впускные или же совершены на вершинах (курганы 1 и 3 в могильнике Арнико I)²⁰.

Анализ вещевого материала показал, что наиболее древние предметы обнаружены в длинных курганах первого типа (бляшки-скорлупки, бронзовые пряжки VI—VII вв., колоколовидные подвески ранних форм), в круглых курганах 9 и 10 могильника Линдора (бронзовые бусины²¹, В-образная пряжка) и в кургане 2 могильника Кынну (железная пряжка V—VI вв.)²².

В длинных курганах второго типа встречены литейные формочки (Ллоози), появление которых в качестве сопровождающего погребального инвентаря вряд ли относится к более раннему периоду, чем последняя четверть I тысячелетия н. э.

Заслуживает внимания разница в степени сжигания кальцинированных костей, расположенных в разных частях кургана. Большинство захоронений в материковых ямах содержит большое количество слабообожженных костей плохой сохранности. Плохой сохранностью характеризуется также часть захоронений в основаниях насыпей, в то время как другая часть захоронений этого типа содержит кальцинированные косточки более сильного обжига и аналогична погребениям в насыпях или на вершинах курганов. В некоторых длинных курганах первого типа (курган 11 в Линдора, курган 2 в Лаоссина V, курган 1 в Рысна-Сааре I) обнаружены, кроме того, и захоронения в материковых ямах, совершенные как грунтовые трупосожжения на погребальной площадке четырехугольной или округлой формы. В некоторых случаях (например, в кургане 11 в Линдора²³ и в кургане 2 в Лаоссина V²⁴) более древние захоронения покрыты не только прослойкой погребенной почвы, но и несколько более поздними захоронениями, расположенными в основаниях насыпей и отличающимися от нижележащих более сильной степенью обжига костей.

Таким образом, наиболее древние черты (большое количество основных захоронений, наибольшее общее число захоронений, наиболее древние предметы, грунтовые трупосожжения) в большинстве случаев встречаются в длинных курганах первого типа, а также в круглых курганах 9 и 10 могильника Линдора и в кургане 2 могильника Кынну, представляющих, очевидно, самый ранний этап в развитии курганного обряда в юго-восточной Эстонии. Несколько более поздними были длинные курганы второго и третьего типов, а также круглые курганы с одним-двумя расположенными кучкой основными захоронениями. Следует подчеркнуть, что различия между курганами, отнесенными к первому и второму типам (в сооружении, структуре, количестве захоронений и пр.), не всегда четкие. Отклонения от классических образцов этих памятников свидетельствуют скорее всего о развитии курганного обряда захоронения. Создается впечатление, что обычай сооружения длинных курганов, в частности курганов первого типа, на западном побережье оз. Псковское сохранялся дольше, чем в более западных районах распространения курганов в юго-восточной Эстонии. Это предположение подтверждается хотя бы тем, что у оз. Псковское, на небольшой территории у деревень Лаоссина и Рысна-Сааре, сосредоточена почти треть всех длинных курганов рассматриваемого региона.

**Распространение захоронений разных типов в длинных курганах,
раскопанных на снос**

Тип	Название могильника, номер и размеры кургана (в м)	В материковых ямах		На основании насыпи		В ямах и на основании насыпи	
		И *	Б	И	Б	И	Б
I	Линдора, курган 11, 12×28, высота 1	4	8	1	1	1	—
	Лаоссина, курган 2, 5—6×12, высота 0,5—0,6	1	1	—	3	—	—
	Рысна-Сааре I, курган 1, 9—10×36, высота 0,3—0,6	2	—	2	—	3	2
	Рысна-Сааре I, курган 3, 10,5×16,5, высота 0,8—1,35	1	2	—	—	—	—
	Рысна-Сааре I, курган 5, 9—9,5×23, высота 0,6—1	—	3	—	2?	1	—
	Рысна-Сааре I, курган 6, 10×16,2, высота 0,7—0,9	—	2	1	2	1	—
	Рысна-Сааре I, курган 8, 7—8×60, высота 0,6—0,7	—	4	—	1	2	1
II	Лаоссина II, курган 11, 4—8,5×свыше 53, высота 0,4—0,9	1	2	—	2	—	—
	Лоози, курган 6, 9,5×23, высота 1,25	1	1	—	—	—	—
	Линдора, курган 13, 12×28,5, высота 1,06	—	2	1	—	—	—
	Линдора, курган 16, 8,5×19,5, высота 1	2	—	—	1	—	—
	Рысна-Сааре I, курган 7, 11×20, высота 1,2—1,5	—	—	—	2	—	1
III	Линдора, курган 18, 9×18, высота 0,5—0,6	—	—	—	—	—	—
	Рысна-Сааре I, курган 2, 8,7×14, высота 0,3—0,65	—	—	—	—	—	—

* И — с инвентарем; Б — безинвентарные.

Вполне возможно, что курганы разных типов отражают не только разные этапы развития курганного обряда, но и изменение (а, возможно, и сложность) социальной структуры населения, оставившего эти памятники. Вероятно, сооружение длинных курганов первого типа, созданных путем слияния нескольких отдельных частей, свидетельствует о пережитках традиций большой семьи. Длинные курганы второго и третьего типов с малым числом захоронений были усыпальницами отдельных лиц или отдельных семей, имевших какое-то особое значение в том или ином коллективе. Более ранние курганы встречаются при этом чаще всего в могильниках, состоящих из большого количества (около половины и более от общего числа насыпей) длинных курганов (Линдора — из 21 насыпей 12 длинных, Лаоссина V — из 15 насыпей девять длинных, Рысна-Сааре I — из 10 насыпей восемь длинных). Несколько более поздние курганы исследованы в могильнике Лаоссина II, состоявшего из многочисленных круглых и единичных длинных насыпей, а также в могильнике Пылгасте I, в составе которого имеется малое число круглых насыпей.

Сопоставление данных о структуре, способе сооружения и количестве захоронений в длинных курганах юго-восточной Эстонии с соответствующим материалом соседних территорий показывает некоторые различия между теми и иными памятниками. По названным признакам с южно-эстонскими курганами наиболее сходны длинные насыпи в бассейне р. Великая, на восточном побережье Чудского и Псковского озер, а также

В насыпи		В неглубоких ямах на вершине кургана		На поверхности кургана		В ровиках курганов	Общее количество захоронений	В том числе связанные с поздними длинными курганами	Центральное захоронение в деревянном сооружении в середине насыпи	Центральное захоронение в деревянной урне в западной части	Центральное захоронение в глиняной урне в северо-восточной части
И	Б	И	Б	И	Б						
—	2	—	2	—	—	3	22	4+3	—	—	—
—	1	—	1	—	2	—	9	4 в ровике	—	—	—
1	1	—	—	—	1	—	12	3	+	—	—
1	1	—	1	—	—	—	6	3	—	+	—
—	—	—	2	—	—	1?	9	2	—	—	—
—	3	—	1	—	—	—	10	4	—	—	—
—	4	—	1	—	—	—	13	4—5	—	—	—
—	1	—	—	—	—	—	6	2	+	—	—
—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	—	+
—	—	—	—	—	—	—	3	1	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	3	1	—	—	—
—	—	—	—	—	1?	—	3—4	1?	—	—	—
—	—	2	—	—	—	—	2	2	—	—	—
—	—	—	—	—	1	—	1	1	—	—	—

в Себежском поозерье. На указанных территориях встречаются также курганы, сооруженные из двух-трех отдельных частей. Однако, в отличие от южноэстонских курганов, насыпи, исследованные на упомянутых соседних территориях, имеют обычно большое число впускных и только единичные основные захоронения²⁵. По способу сооружения и структуре от южноэстонских длинных насыпей довольно существенно отличаются длинные курганы Смоленщины, сооружение которых в большинстве случаев происходило по мере совершения новых захоронений²⁶. Отдельные части этих насыпей содержат, как правило, одно основное захоронение. Создается впечатление, что длинные курганы Смоленщины и, очевидно, Верхнего Поволжья²⁷ представляют собой по сравнению с валобразными насыпями юго-восточной Эстонии и соседних территорий более развитый этап истории рассматриваемых памятников.

Наличие курганов разных типов от самых древних (с большим количеством основных захоронений) до насыпей с одиночными погребениями (при обычае сооружать до насыпки кургана погребальные площадки), а также большое разнообразие деталей устройства и погребального обряда позволяют предположить, что появление курганов на территории Эстонии было связано не с внезапным изменением погребального обряда, а с постепенным переходом к новому обряду захоронения.

¹ См. подробнее: *Моора Х. А.* Вопросы сложения эстонского и некоторых со-

седних народов в свете данных археологии. — В кн.: Вопросы этнической

- истории эстонского народа. Таллин, 1956, с. 128.
- ² Там же, с. 128 сл.; *Schmiedehelm M.* Kääbaskalmistud Lindoras ja mujal Kagu-Eestis. — In: Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloost. Tallin, 1965, lk. 48; *Schmiedehelm M., Laul S.* Asustusest ja etnilistest oludest Kagu-Eestis I aastatuhandel. — In: *Studia archaeologica in memoriam Harri Moora.* Tallin, 1970, lk. 163; *Лаул С.* Об этнической принадлежности курганов юго-восточной Эстонии. — Изв. АН ЭССР, Обществ. науки, 1971, 3, с. 319—329; *Она же.* Юго-восточная Эстония в период раннего железа (II—V вв.). Автореф. канд. дис. Таллин, 1974, с. 34; *Тыниссон Э.* Монография о длинных курганах. — Изв. АН ЭССР, Обществ. науки, 1976, 3, с. 300—305.
- ³ *Лаул С.* Об этнической принадлежности курганов..., с. 319—329; *Тыниссон Э.* Монография о длинных курганах, с. 300—305.
- ⁴ *Лаул С.* Об этнической принадлежности курганов..., с. 322—325; *Тыниссон Э.* Монография о длинных курганах, с. 304.
- ⁵ *Schmiedehelm M., Laul S.* Asustusest ja etnilistest oludest Kagu-Eestis..., lk. 164.
- ⁶ *Лаул С.* Об этнической принадлежности курганов..., с. 323.
- ⁷ *Schmiedehelm M.* Kääbaskalmistud Lindoras..., lk. 29—32, tahv. I; *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей. — САИ, 1974, вып. Е1-8, с. 17, табл. 16, 5.
- ⁸ *Аун М.* Курганный могильник у д. Рысна-Сааре. — Изв. АН ЭССР, Обществ. науки, 1978, 1, с. 83—89; *Она же.* Об исследовании длинных курганов у д. Рысна-Сааре. — Там же, 1978, 4, с. 338—344.
- ⁹ *Аун М.* Курганный могильник у д. Рысна-Сааре, рис. 1.
- ¹⁰ *Schmiedehelm M.* Kääbaskalmistud Lindoras..., lk. 25, tahv. I.
- ¹¹ *Schmiedehelm M., Laul S.* Asustusest ja etnilistest oludest Kagu-Eestis..., lk. 159—162, tahv. IV; *Schmiedehelm M.* Aruane kaevamistest Loosi kääbaskalmistul 1966a. Архив САИИЭ.
- ¹² *Аун М.* Длинные курганы в Лаоссина. — Изв. АН ЭССР, Обществ. науки, 1977, 1, с. 71—73, рис. 2.
- ¹³ *Schmiedehelm M.* Kääbaskalmistud Lindoras..., lk. 27—29, joon. 9.
- ¹⁴ *Аун М.* Об исследовании длинных курганов у д. Рысна-Сааре, с. 341, рис. 4.
- ¹⁵ *Schmiedehelm M.* Kääbaskalmistud Lindoras..., lk. 34, 36, joon. 11, 12.
- ¹⁶ *Аун М.* Исследование курганов в Пылваском районе. — Изв. АН ЭССР, Обществ. науки, 1976, 1, с. 60, рис. 3.
- ¹⁷ Там же, с. 61, рис. 4.
- ¹⁸ *Лаул С.* Исследование курганов в Пылгасте. — АО 1973 г. М., 1974, с. 413 сл.
- ¹⁹ *Schmiedehelm M.* Kääbaskalmistud Lindoras..., lk. 36.
- ²⁰ *Moora H.* Kaevamisaruane Arniko metsast. 1925, lk. 1—3. Архив САИИЭ.
- ²¹ *Schmiedehelm M.* Kääbaskalmistud Lindoras..., lk. 34, 36, joon. 8, 2.
- ²² *Schmiedehelm M., Laul S.* Asustusest ja etnilistest oludest Kagu-Eestis..., joon. 2, 8, lk. 162.
- ²³ *Schmiedehelm M.* Kääbaskalmistud Lindoras..., lk. 30.
- ²⁴ *Аун М.* Длинные курганы в Лаоссина, с. 75.
- ²⁵ См. подробнее: *Седов В. В.* Грицковские курганы. — КСИА, 1971, 125, с. 52, 54, рис. 15; *Она же.* Казихинские курганы на р. Великой. — КСИА, 1969, 120, с. 92 сл.
- ²⁶ *Шмидт Е. А.* Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Смоленской обл. — В кн.: Материалы по изучению Смоленской обл., 1963, 5, с. 100 сл.
- ²⁷ *Мальм В. А., Фезнер М. В.* Об этническом составе населения Верхнего Поволжья во второй половине I тысячелетия н. э. — В кн.: Экспедиции Государственного исторического музея. Доклады на сессии Ученого совета ГИМ 5—7 февраля 1969 г. М., 1969, с. 166—170.

Г. С. ЛЕБЕДЕВ

ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА ДРЕВНЕРУССКОЙ КУРГАННОЙ КУЛЬТУРЫ

К началу 1970-х годов в славяно-русской археологии были выдвинуты две гипотезы происхождения древнерусской курганной культуры XI—XIII вв. на северо-западе Руси (рис., А, Б). Согласно первой (назовем ее позитивной), древнерусская курганная культура возникла на основе круглых курганов с сожжениями VIII—X вв., которые в свою очередь были закономерным этапом развития погребальных памятников третьей четверти I тысячелетия н. э. — сопок и длинных курганов¹. Длинные курганы и сопки, затем круглые курганы с сожжением и такие же по форме курганы с труположением составляли последовательные звенья генетической секвенции — цепочки взаимосвязанных культур.

Все эти памятники связывались с этнически родственным населением — словенами и кривичами. На раннем этапе (в длинных курганах и сопках) культура этого населения включала субстратные элементы балтийского и финно-угорского происхождения (иногда проявлявшиеся и в памятниках XI—XIII вв.).

Вторая (альтернативная) гипотеза также рассматривает круглые курганы с сожжением как непосредственный исток древнерусской курганной культуры. Сопки и длинные курганы, однако, полностью исключаются из картины восточнославянского этногенеза. Создатели альтернативной гипотезы подчеркивают глубокую древность памятников обеих групп и при этом полное несходство их с достоверно славянскими памятниками того же времени в других районах славянского мира². Вопрос об этнической природе сопок и длинных курганов сторонниками этой гипотезы почти не разрабатывался. Однако их безусловно связывали с местными дославянскими (балтскими, финно-угорскими) культурами, не оставившими глубоких следов в собственно древнерусской культуре.

По мере детализации и разработки обеих гипотез были накоплены новые аргументы в пользу каждой из них. Обозначились и серьезные противоречия, которые не позволяют безоговорочно принять ни позитивную, ни альтернативную схему генезиса древнерусской курганной культуры.

Во-первых, не подтверждается последовательность «длинные курганы и сопки» — «круглые курганы с сожжением». Круглые в плане, полусферические и уплощенные насыпи в ряде случаев оказались одновременны длинным, встречаются с ними в одних группах и в пределах групп могут быть даже более ранними. Среди длинных курганов северо-запада Восточной Европы в свою очередь есть довольно поздние (X в.) насыпи. Поднимается к X в. и дата сопок, по крайней мере на окраинах их ареала. Сопки, длинные «сопкообразные» и круглые курганы с сожжениями образуют сложную мозаику памятников, распространенных с середины до конца I тысячелетия н. э. на всей территории Северо-Запада³.

Во-вторых, оказалось, что круглые курганы не составляют однородного и особого пласта (хронологического или культурного), как это мыслилось сторонниками обеих гипотез. Часть из них, безусловно, в культурном отношении тесно связана с длинными курганами. Некоторые круглые курганы, находящиеся в одних группах с сопками, видимо, представляют другую культурную традицию. Наконец, известны и могиль-

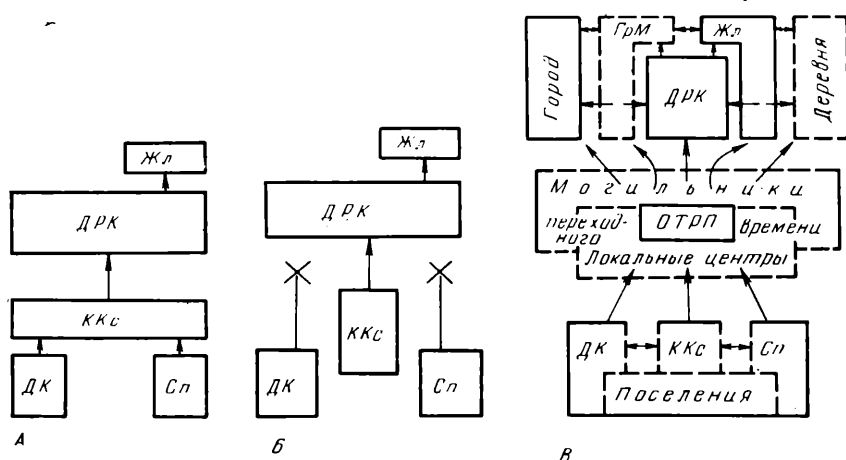

Рис. Две гипотезы о происхождении древнерусской курганной культуры (А — позитивная; Б — альтернативная) и основные этапы культурно-исторического процесса на северо-западе древней Руси

ДК — длинные курганы; Сп — сопки; ККс — круглые курганы с сожжением; ДРК — древнерусская курганная культура; Жл — жальники; ОТРП — открытые торгово-ремесленные поселения; ГрМ — грунтовые могильники

ники, состоящие только из круглых курганов (нередко — пустых), однако их количество невелико (особенно по сравнению с памятниками древнерусского времени)⁴.

Форма и размеры насыпей, таким образом, сами по себе являются недостаточным критерием для выделения курганных культур. «Метровый подход», осуждавшийся И. И. Ляпушкиным⁵, оказался в равной мере неприменимым как для позитивной, так и для альтернативной схемы.

В-третьих, сложности возникают и при культурной увязке разных хронологических групп памятников. Достоверно славянская культура Корчак середины—второй половины I тысячелетия н. э. представлена на раннем этапе главным образом грунтовыми могильниками⁶. Связи между ними, длинными курганами и сопками проследить не удастся. По мысли В. В. Седова, истоки длинных курганов северной группы вообще вряд ли стоит искать за пределами их ареала⁷. Некоторые исследователи устанавливают связи между длинными курганами и погребальными памятниками прибалтийских финно-угров середины I тысячелетия н. э.⁸ Происхождение сопок, по мнению П. Н. Третьякова и Е. Н. Носова, может быть связано с курганами мощинской культуры середины I тысячелетия н. э.⁹

Круглые курганы большинство исследователей рассматривают как бесспорно славянские. Однако насыпи лесной зоны отличаются от классических славянских памятников лесостепи (роменско-боршевских) прежде всего высоким процентом пустых курганов. И здесь, видимо, связь с достоверно славянскими памятниками оказывается не прямой, не однолинейной, и во всяком случае не распространяется на весь пласт округлых в плане насыпей с сожжением.

Определенную трудность представляет и хронологический разрыв между древнерусской курганной культурой и предшествующими ей памятниками. В сложившемся виде она выступает не ранее XI в. Круглые курганы с сожжением суммарно датируются VIII—X вв., крайне редки достоверные комплексы X в. Немногочисленность, фрагментарность, ненадежность таких «переходных звеньев» особенно важны еще и потому, что в сложившейся древнерусской курганной культуре выступают многочисленные субстратные элементы (орудия труда, зооморфные украшения, детали обряда и устройства насыпей), а, возможно, источники по крайней мере некоторых из этих элементов — длинные курганы и особенно сопки — развиваются до X в.

Пересматривается сейчас и соотношение древнерусской курганной культуры с более поздними памятниками — жальниками. И для позитивной, и для альтернативной гипотез жальники — памятники, сменяющие эту культуру в XIII—XIV вв. Сейчас, однако, все отчетливее выступает пласт жальников XI—XII вв., синхронный древнерусской курганной культуре и развивающийся параллельно с ней¹⁰. Наконец, в самое последнее время благодаря исследованиям В. Я. Конечного открывается пласт новых памятников — грунтовых могильников Новгородской земли, возможно, синхронных древнерусским курганам и ранним жальникам¹¹.

Итак, картина соотношения погребальных памятников середины I—первой половины II тысячелетия на северо-западе Восточной Европы резко усложнилась. Ни позитивная, ни альтернативная гипотезы не в состоянии охватить всей совокупности материала, выявить внутренние связи и определить генеральную линию развития, ведущую от более ранних культур к древнерусской курганной.

Дело в том, что при всех различиях позитивной и альтернативной гипотез основаны они на общих методологических принципах. Эти принципы сложились в советской науке в середине 1950-х годов. Важнейшим из них является тезис о соответствии археологической культуры древнему этносу¹².

Этим тезисом определялась стратегия исследования. В основе ее лежали выделение «этнических признаков» и их поиск в разных по времени

и территории памятниках. Картографирование «этнически выразительных» элементов, будь то украшения, детали обряда, конструкция или форма насыпей, было основным инструментом исследования для сторонников обеих гипотез.

Исследование «этнических признаков» значительно обогатило представления археологов о многообразии, сложности, богатстве этнокультурных процессов. Впервые были поставлены вопросы о вкладе разных этнических групп в древнерусскую курганную культуру, о сложном характере процесса образования древнерусской народности, о роли субстрата в этом процессе¹³. Все эти выводы и наблюдения вместе с обозначившимися трудностями подготовили переход к «этнологической археологии» 50—70-х годов. Она базировалась на лингвистических представлениях о языковом процессе, восходящих к «теории генеалогического древа», и на выведенных из этой теории общих этнокультурных принципах. Тезис о соответствии культуры этносу основан на концепции развития языка (народа) как последовательной сегментации первоначальной общности, развивающейся в иерархическую систему (язык—наречия—поднаречия—диалекты)¹⁴.

Существует лингвистическая альтернатива «теории генеалогического древа». Языковая общность в начальной стадии может быть представлена не как «праязык» (соответствующий «этническому массиву» — предмету поисков археологов), а как обширная «диалектная зона» с нечеткими границами, равноправием близкородственных диалектов, постепенностью переходов в пределах зоны при значительной близости соседних (даже тяготеющих к различным зонам) и расхождении удаленных (даже в пределах одной зоны) диалектов. Становление языка — от поднаречий к наречиям и далее — выступает прежде всего как процесс консолидации и интеграции диалектов и проходит под действием сложной совокупности факторов. В разных районах одной диалектной зоны могло проходить независимое развитие инноваций, а следовательно — формирование диалектов с различающимся ядром¹⁵.

В современной лингвистике выдвигаются масштабные и перспективные задачи, особенно в области балто-славянского языкознания, непосредственно связанного с интересующей нас проблематикой¹⁶.

Важнейший вывод, который можно сделать, опираясь на «картину мира» современной лингвистики, заключается в признании относительной самостоятельности языкового и культурного процессов. Они определяются разной совокупностью факторов, протекают в разном ритме и разных формах. Крупные культурные блоки, композиции, секвенции отразили иные аспекты и формы социальных связей древнего человечества, нежели материалы языка.

Поэтому новое направление в археологии может быть названо «системно-культурным», в противоположность «этнологическому». В центре его внимания — прежде всего культурный процесс, отразившийся в развитии и смене археологических культур (далеко не адекватных древним «живым культурам»!). Этот процесс должен быть детально исследован, и лишь конечные результаты такого исследования можно сопоставлять с выводами лингвистов, историков, антропологов и пр.

Археологическая культура должна быть выделена, описана и понята как целое, а составляющие ее элементы должны найти строго определенное место в системе внутрикультурных связей¹⁷. Исторический процесс для археолога реализуется в последовательности генетически связанных культур. Вовсе не обязательно каждое звено культурной секвенции будет соответствовать конкретному этапу этнического процесса. Принципиально взаимное отражение культурного и языкового процессов возможно, но оно вряд ли будет зеркальным.

Наиболее реально совмещение понятий археологии и лингвистики на уровне отдельно взятого древнего коллектива (например, родовой общины), который оставил после себя «комплект памятников» (простейший случай: поселение и могильник) и пользовался одним диалектом. Однако

и здесь возможны несовпадения. Крайние случаи: коллективы в контактной зоне (соответствует лингвистическому «двуязычию») или крупный коллектив надплеменного (межплеменного) характера. Последний случай представляет особый интерес: в лесной зоне Восточной Европы такого рода крупные центры (Ладога, Гнездово, Тимерево, Рюриково городище и другие памятники Новгорода, Псков и его округа) — единственное новое археологическое явление, которое по времени непосредственно предшествует древнерусской курганной культуре. Эти, по выражению П. Н. Третьякова, «лаборатории формирования народности»¹⁸ сфокусировали генеральные социально-экономические, культурно-исторические и, видимо, этнические процессы VIII—X вв. С ними связаны сложные по составу могильники «переходного времени».

Курганные группы древнерусской курганной культуры, жальники и, вероятно, некоторые грунтовые могильники XI—XIII вв. — это памятники «деревенской культуры» древней Руси¹⁹. Ее становление определяется возникновением противоположности между городом и деревней (и не случайно в последнее время выявляется тесная взаимосвязь между древнерусской курганной культурой на северо-западе Восточной Европы и такими центрами, как Новгород)²⁰. В середине XI в., когда полностью складываются облик и функции крупнейших русских городов, появляется и древнерусская курганная культура в археологически уловимых формах. Одновременно происходит окончательный упадок или трансформация раннегородских центров предшествующей поры, открытых торгово-ремесленных поселений типа Гнездова, Тимерева, ранней Ладоги (рис., *B*).

Это еще раз подчеркивает особую роль торгово-ремесленных поселений в генезисе древнерусской курганной культуры. Появление этих центров в VIII—IX вв. вызывает определенного рода культурные нарушения, «вибрацию» местной культурной традиции²¹, что не обязательно, но с большой долей вероятности можно связать с притоком нового, славянского населения. Здесь происходит сплав элементов разных культур, формируются качественно новые этнические, социальные, культурные отношения. Все эти изменения непосредственно предшествуют появлению древнерусской курганной культуры. Очень важны при этом демографические процессы, высокая концентрация населения в торгово-ремесленных поселениях. После их упадка значительные группы людей могли расселиться по сельской округе, формируя и разнося древнерусскую курганную культуру в ее же сложившихся формах, как это произошло, видимо, в Смоленской земле²².

Изучение этих центров — одна из первых задач с позиций современной археологии. Ими, однако, дело не исчерпывается. В ближайшей перспективе можно ожидать выявления развитой иерархии подобных локальных центров (комплектов памятников) со связями различного порядка, разной сферой действия (от «земли» до сельской округи, погоста и т. п.). В каждом конкретном случае необходимо получить возможно полную картину развития культуры данного коллектива: реконструкцию погребального ритуала, вариации и эволюцию погребальных сооружений, этнографического убора, бытовых вещей, орудий труда, посуды, а по мере новых открытий — и облика поселений (особенно для периода «сопок, длинных и круглых курганов с сожжениями»). Именно совокупность, система всех этих данных поможет раскрыть исторический процесс полнее, нежели картографирование «этнических признаков»²³.

Системно-культурная концепция генезиса древнерусской курганной культуры должна включать все виды археологических памятников северо-запада Восточной Европы от середины I до середины II тысячелетия (включая еще не изученные). Вертикальные, горизонтальные, перекрестные связи между ними определяют характер и содержание основных этапов культурно-исторического процесса. Подобная система связей пока с неизбежностью носит схематический характер, но уже сейчас она реалистичнее обеих предшествующих гипотез, она позволяет в перспективе снять их противоречия. По мере наполнения конкретным культурно-исто-

рическим содержанием выступают генеральные линии, центры пересечения, иерархия этих связей. Можно ожидать, что позиции разных типов памятников в разных комплексах также окажутся различными. В центрах развитие будет более динамичным, на периферии — замедленным; в одних случаях, допустим, появление словен приведет к прекращению традиции сопок, в других — она будет словенами усвоена и т. п.

Реализация системно-культурной стратегии требует программы широкого коллективного исследования. Каждое звено, каждая ступень предложенной схемы может быть выражена в комплексе конкретных задач. Некоторые из них уже поставлены и успешно решаются. Основные принципы системно-культурного подхода — тщательный источниковедческий сбор материала, выявление исторически связанных комплексов памятников, их структурный анализ, поиски переходных моментов, трансформаций культуры — уже реализуются в ряде работ. Можно надеяться, что в 1980-х годах археологи и историки-слависты смогут обсуждать принципиально новые результаты этих исследований.

- ¹ *Трегьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности. Л., 1970, с. 64—67; *Седов В. В.* Новгородские сопки. — САИ, 1970, вып. Е1-8, с. 23—33; *Он же.* Длинные курганы кривичей. — САИ, 1974, вып. Е1-8, с. 41.
- ² *Ляпушкин И. И.* Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII—IX вв.). — В кн.: Культура древней Руси. М., 1966, с. 127—136; *Артамонов М. И.* Вопросы расселения восточных славян и советская археология. — В кн.: Проблемы всеобщей истории. Л., 1967, с. 29—69.
- ³ *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники древней Руси IX—XI вв. Л., 1973, с. 61—75.
- ⁴ *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. — МИА, 1968, 152, с. 97—110; *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники. . ., с. 75.
- ⁵ *Ляпушкин И. И.* Археологические памятники. . ., с. 131.
- ⁶ *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. М., 1976, с. 44.
- ⁷ *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей, с. 41.
- ⁸ *Лаул С. К.* Погребальные памятники прибалтийских финнов в I тысячелетии н. э. — В кн.: Вопросы финно-угроведения. Саранск, 1975, VI, с. 378—384.
- ⁹ *Трегьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966, с. 284, 285; *Носов Е. Н.* Источники по славянской колонизации Новгородской земли. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974, VI, с. 231—234.
- ¹⁰ *Лебедев Г. С., Рябинин Е. А.* Сопки и жалники. — В кн.: Проблемы археологии. Л., 1978, 2, с. 152—162.
- ¹¹ См. статью В. Я. Конецкого в настоящем выпуске.
- ¹² *Артамонов М. И.* Археологическая культура и этнос. — В кн.: Проблемы истории феодальной России. Л., 1971, с. 18, 31.
- ¹³ *Седов В. В.* Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.). — СА, 1953, XVIII, с. 190—216; *Он же.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, с. 109—123; *Трегьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности, с. 67—71; *Мауровин В. В.* Происхождение русского народа. Л., 1978, с. 97—147.
- ¹⁴ Подробнее об этом см.: *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 626—632.
- ¹⁵ Там же, с. 26—28, 627, 630.
- ¹⁶ *В. Т.* Вступительные замечания (Категории времени и пространства и балтийское языкознание). — В кн.: Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом. Предварительные материалы. М., 1978, с. 3—9.
- ¹⁷ *Бочкарев В. С.* К вопросу о системе основных археологических понятий. — В кн.: Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975, с. 34—42.
- ¹⁸ *Трегьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности, с. 8.
- ¹⁹ *Рыбаков Б. А.* О двух культурах русского феодализма. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 26—27.
- ²⁰ *Рябинин Е. А.* Новгород и северо-западная область Новгородской земли (культурные взаимодействия по археологическим данным). — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 56—61.
- ²¹ *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники. . ., с. 45.
- ²² Там же, с. 56.
- ²³ *Лебедев Г. С.* Системное описание археологической культуры. — В кн.: Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975, с. 56—58.

СЛАВЯНО-ФИННО-УГОРСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В ВОТСКОЙ ЗЕМЛЕ

(по материалам работ Ижорской экспедиции)

Северо-западные земли Великого Новгорода были заняты этнически неоднородным населением. Наряду со славянами, к началу II тысячелетия н. э. прочно осевшими на территории к югу от побережья Финского залива и особенно интенсивно осваивавшими плодородную Ижорскую возвышенность (Вотскую землю), здесь жило и население прибалтийско-финского происхождения¹. Исторические судьбы его, особенности материальной и духовной культуры, характер взаимоотношений со славяно-русским населением остаются еще во многом неясными. До настоящего времени не обнаружены памятники прибалтийско-финских группировок, предшествующие древнерусскому времени. Единственным источником для археологического изучения служат многочисленные курганно-жальничные могильники, широко исследовавшиеся в дореволюционный период (на территории Вотской земли было раскопано более 6 тыс. захоронений). Однако источниковедческие возможности этого огромного пласта курганных древностей оказываются крайне ограниченными вследствие полного отсутствия сведений о погребальном обряде большинства раскопанных комплексов².

В 1971—1978 гг. Ижорская экспедиция³ провела широкое археологическое обследование западных районов Ленинградской обл. Зафиксировано около 4 тыс. курганных насыпей и жальничных могил, входящих в состав свыше 100 могильников, раскопано 98 погребальных комплексов в шести некрополях XI—XV вв. Особое внимание было уделено сравнительно небольшому региону, охватывающему северо-западную окраину Ижорской возвышенности и территориально тяготеющему к административному центру Вотской земли — крепости Копорью (рис. 1).

Округа Копорья занимает пограничное положение с погостами «в Чюди», зафиксированными позднесредневековыми письменными источниками⁴ и выделявшимися в Вотской земле «своим особым в этническом отношении населением»⁵. Кроме того, летописное сообщение о вторжении крестоносцев в новгородские владения зимой 1240—1241 гг., когда «придоша Немцы на Чюдь с Водью, и повоеваша, и дань на них възложиша, а город учиниша в Копорьи погосте», и рассказ о последующем освобождении Копорья от захватчиков, после которого Александр Невский «Вожап и Чюдцю переветники извеша»⁶, позволяли предполагать в его окрестностях местное прибалтийско-финское население. Перспективность поисков финно-угорских памятников в данном районе была в свое время отмечена одним из первых исследователей новгородских курганных древностей Н. К. Рерихом, писавшим, что «оригинальные водские погребения следует искать в северо-западной части Петергофского уезда, близ Копорья и Котлов»⁷.

В 20 км к юго-востоку от крепости Копорье Ижорская экспедиция в течение четырех полевых сезонов исследовала курганный могильник близ д. Бегуницы (Волосовский р-н Ленинградской обл.). Этот памятник не отмечен в полевых отчетах Л. К. Ивановского, производившего сплошное вскрытие курганных групп на Ижорской возвышенности. А. А. Спицын поместил в издании его раскопок изображение зооморфной подвески из Богунич⁸, опубликованной перед этим в известном атласе финно-угорских древностей И. Р. Аспелина⁹. В Национальном музее Финляндии сохранилась коллекция находок из курганов близ д. Богуничи (по паспортным данным четко отождествляемой с д. Бегуницы), раскапывавшихся в 1873 г.¹⁰

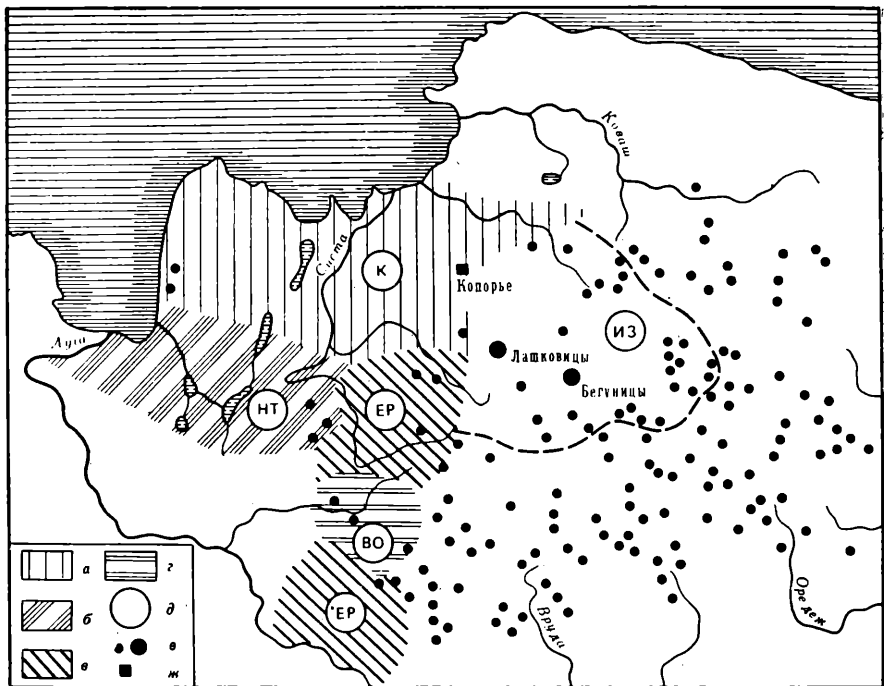

Рис. 1. Средневековые памятники Вотской земли и погосты «Чюди»

а—г — территории погостов; *д* — условные сокращения названий погостов: *К* — Каргальский, *НТ* — Николской Толдожский, *ЕР* — Егорьевский Радчинский, *ВО* — Воздвиженский Ополский, *ИЗ* — Ильинский Замозский; *е* — курганно-жальничные могильники; *ж* — крепость Копорье

Бегуницкий могильник состоял из 130 насыпей, многие из которых были повреждены или полностью разрушены шурфами, хозяйственными постройками, а также окопами и траншеями военного времени. Восточная окраина курганной группы занята современным кладбищем (рис. 2). В 1974—1978 гг. у д. Бегуницы раскопано 52 кургана, т. е. вскрыта основная часть погребальных комплексов, доступных для изучения.

Время курганной группы — XI—начало XIII в. Нижняя хронологическая граница определяется совокупностью вещевого материала и находками монет, встреченных в трех насыпях XI в., верхняя — намечающимся переходом к захоронениям в подкурганых могильных ямах.

Древнейшие курганные насыпи, появившиеся в XI—начале XII в., не образуют компактного «ядра» в группе, а встречаются в разных частях могильника; между ними располагаются насыпи XII—XIII вв. Поздние погребения явно преобладают и на периферии кладбища, образуя его внешнее окружение.

Ранние курганы выделяются, как правило, своими размерами. Их диаметр составляет обычно 8—10 м, высота — 0,8—1,2 м (иногда более 1,5 м). Погребения совершены на уровне дневной поверхности, значительно реже — на подсыпке толщиной — 15—20 см. В двух курганах конца XII—начала XIII в., содержащих захоронения на материке, зафиксированы погребения и в верхней части насыпи. Преобладают одиночные захоронения, но в восьми случаях под курганной насыпью было погребено двое, а в четырех — трое и даже четверо умерших. Уже на начальной стадии господствующим обрядом могильника было трупоположение, и лишь в трех курганах обнаружены остатки сожжений, совершенных на стороне.

Половина всех исследованных насыпей была окружена по основанию кольцом из одного или нескольких рядов валунов, иногда с включениями крупных обломков плиты. Такие обкладки широко применялись при сооружении курганов, расположенных в западной и центральных частях

Рис. 2. План курганного могильника у д. Бегуницы

а — курганы, раскопанные экспедицией; б — разрушенные и поврежденные насыпи

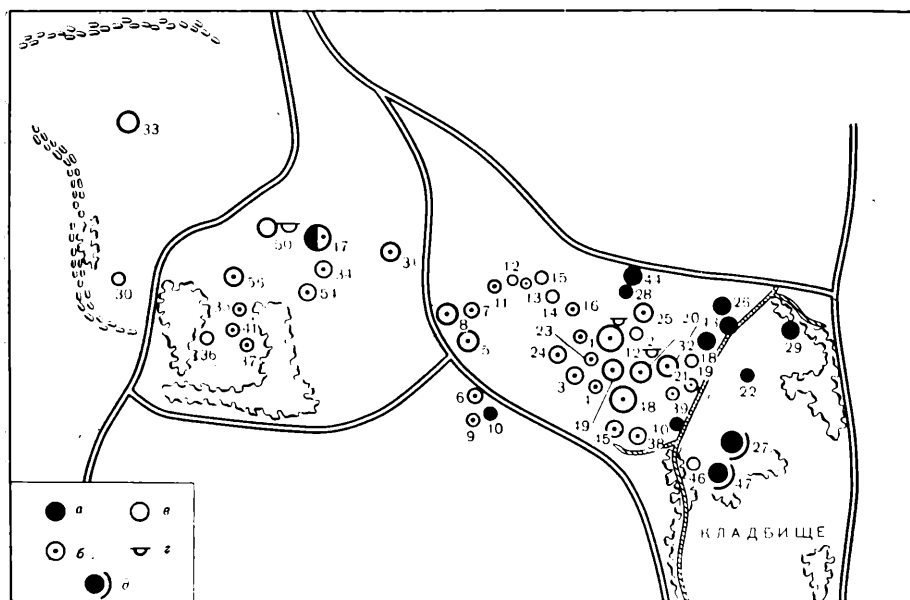

Рис. 3. Элементы погребального обряда в Бегуницком могильнике (топографическое распределение)

а — труположения с западной ориентировкой; б — труположения с восточной ориентировкой; в — разрушенные погребения; г — трупосожжения; д — каменные вымостки в основании курганов

могильника. Для восточной же группы насыпей каменные кольца не характерны. Их заменяют вымостки из мелкого камня длиной до 10—12 м и шириной до 3 м, покрывающие западную или северо-западную полу кургана и прилегающую площадку у основания насыпи. На вымостках устраивались ритуальные кострища и совершались тризны. Зафиксированы они при исследовании наиболее крупных (судя по погребальному инвентарю, и наиболее ранних) погребальных комплексов восточной половины некрополя.

Внешние отличия в сооружении двух топографически выделяемых групп насыпей оказываются взаимосвязанными с обрядовыми особенностями. В западной и центральной частях могильника на протяжении всего периода его использования господствовал обычай погребения умерших головой на восток. К востоку от них сконцентрированы курганы, тяготеющие к насыпям с каменными вымостками, в которых встречены лишь захоронения с обычной древнерусской, западной, ориентировкой (рис. 3).

Судя по вещевому материалу и, в частности, по монетным находкам, погребения с восточной ориентировкой появились несколько ранее, чем комплексы с похороненными головой на запад (первые — примерно в середине XI в., вторые — на рубеже XI—XII вв.). В дальнейшем, до самого конца существования могильника, оба вида ориентировки умерших продолжают применяться одновременно и независимо друг от друга. Примечательно, что все отмеченные случаи кремации зафиксированы в ареале трупоположений головой на восток. В кургане 50 трупосожжение XI в. являлось основным и единственным; в кургане 42 (рубеж XI—XII вв.) завернутые в луб остатки кремации встречены с двумя трупоположениями, обращенными головой на восток; наконец, в кургане 20, сооруженном в XII в., кальцинированными костями ребенка был обсыпан костяк взрослой женщины, обращенной головой на восток.

В курганах с трупоположениями головой на восток неоднократно отмечалась интересная ритуальная особенность — своеобразные «огненные кольца», окружавшие основное захоронение и идущие по внутреннему периметру обкладки из валунного камня. «Огненные кольца» представляют собой остатки круговой канавки, выкопанной в материковом грунте, в которой сжигали хворост. Они были встречены в курганах как XI, так и XII в.

Восточная ориентировка не характерна для славянских погребений. Об этом же свидетельствует и инвентарь ранней группы захоронений, исследованных в западной и центральной частях могильника. Так, в кургане 17 рядом с девочкой, похороненной головой на восток, была положена ткань, украшенная бронзовыми спиральками и завернутая в бересту, а у таза на фигурной доске находился пластинчатый цепедержатель эсто-ливского типа с кольчатой цепочкой длиной 110 см. На руках умершей встречены два крупных спиральных браслета в 12 оборотов и четыре спиральных перстня. На поясе мужчины, погребенного в том же кургане, но имевшего противоположную (западную) ориентировку¹¹, сохранились остатки кожного ремня с полусферическими бляшками-скорлупками, прямые аналогии которым известны в памятниках юго-восточной Прибалтики¹². Орнамент из мелких бронзовых спиралек и кольчушек покрывал ткань от женской одежды, обнаруженной в кургане 25.

Примечателен ареал находок «кольчужной» ткани в северо-западных землях Великого Новгорода. Это — курганные могильники, раскопанные Л. К. Ивановским и В. Н. Глазовым на северо-западной окраине Ижорской возвышенности (Войносолово, Пумолицы, Унатицы, Мануйлово)¹³, средневековое кладбище на западном берегу р. Нарва (Пюхтицы-Кюремаэ)¹⁴ и могильники восточного и северо-восточного побережья Чудского озера (Залахтовье, Павлов Погост, Островцы)¹⁵. Первые четыре памятника исследованы в границах Николского Толдожского и Воздвиженского Ополского (Опоретцкого) погостов «в Чюди», еще на рубеже XV—XVI вв. заселенных финно-угорскими по происхождению коллективами¹⁶. Памятники в бассейне Нарвы и на восточном побережье Чудского озера также обнаруживают несомненную связь с прибалтийскофинским этническим субстратом¹⁷.

В кургане 8 с «огненным кольцом» в основании насыпи на мужском костяке встречены остатки пояса с накладными бронзовыми бляшками и ременными разделителями, аналогичного находкам в землях эстов, ливов¹⁸, а также в отмеченных выше могильниках в Мануйлово, Пюхтицах, Унатицах. Пояс из Унатиц был к тому же украшен полусфериче-

скими бляшками, тождественными накладкам из кургана 17. В состав инвентаря женского захоронения в кургане 56 входили бронзовые орнаментированные ножны, близкие изделиям средневековых прибалтийско-финских племен.

Интересная деталь металлического убранства зафиксирована в трех курганах XI—начала XII в., раскопанных в центральной части могильника. Под позвоночником и на тазовых костях умерших женщин встречены многочисленные трубчатые пронизки из оловянистого сплава с рельефным орнаментом, идущие в ряд из трех-четырех трубочек от шеи до пояса захоронений. Судя по расположению пронизок, они вряд ли служили для обшивки одежды, а скорее всего использовались в качестве сложных составных украшений женского головного убора (возможно, остатки накосника). Аналогии таким находкам увидят также в средневековые древности Прибалтики и финно-угорских районов Восточной Европы.

Еще один обрядовый элемент, зафиксированный в комплексах с восточной ориентировкой — преднамеренная порча орудий труда в захоронениях. Неоднократно встречались согнутые вдвое или сломанные серпы и косы-горбуши. А именно такая деталь, отмеченная при исследовании могильника в Мануйлове, была в свое время выделена в качестве этнокультурного индикатора финно-угорских (эстских или водских) «русифицированных» погребений Новгородской земли¹⁹.

Приведенные данные свидетельствуют в пользу неславянской принадлежности основной части населения, обитавшего в районе Бегуниц — центра погоста «Ильинского Замозского в Бегуницах» по данным 1500 г. По всей вероятности, это — представители прибалтийскофинского мира, появившиеся здесь в XI в. или перешедшие в то время к курганному обряду захоронения и ставшие одним из слагаемых элементов населения Вотской земли.

Более сложным представляется вопрос о племенной принадлежности рассматриваемого населения. Письменные источники позволяют предполагать наличие в округе Копорья чуди и води (вожан). Однако остается неясным этническое содержание этих летописных терминов: применялось ли оно к двум различным прибалтийскофинским общностям, обитавшим к востоку от р. Нарва²⁰, или же в данном случае подразумевалось смешанное славяно-водское население («вожане»), являвшееся для новгородцев уже понятием территориального порядка, и обитавшие на окраине Вотской земли группы води («чудь»), сохранившие свою этническую и даже, возможно, политическую автономию²¹. Специфические элементы культуры северо-западных владений Великого Новгорода, выделенные В. В. Седовым в качестве древностей води, относятся преимущественно к XIII—XIV вв.²² и поэтому не могут служить источником для изучения начального периода новгородской истории этого племени.

Бегуницкий могильник пока остается, очевидно, наиболее ранним погребальным памятником Ижорской возвышенности с неславянским этническим элементом, синхронным первым упоминаниям о води в русских летописях. Он обнаруживает определенное сходство с одновременными памятниками побережья Чудского озера (в частности, восточная ориентировка умерших сближает его с курганной группой у д. Залахтове), однако нельзя говорить об их полном культурном единстве. По ряду признаков Бегуницкий могильник связывается и с территориально близкими памятниками «чудских» погостов, в которых возможно, и будут в дальнейшем выявлены наиболее близкие ему погребальные комплексы.

Одно интересное, хотя пока и единственное, обстоятельство свидетельствует, по-видимому, о преемственной связи между рассматриваемым могильником XI—начала XIII в. и памятниками последующего периода. В 8 км к северо-западу от Бегуниц и в 12 км от крепости Копорье Ижорская экспедиция исследовала курганно-жальничный могильник у д. Лашковицы. В погребениях XIII—XIV вв. встречен устойчивый набор вещевого материала, включавший такие специфические древности

Вотской земли, как многобусинные височные кольца, пластинчатые ленточные браслеты с плетеным орнаментом, кольцевидные фибулы. В одном из более ранних курганов, примыкающем к массиву жальничных могил с «вотландскими» элементами культуры и датированном концом XII—первой половиной XIII в., зафиксировано «огненное кольцо», аналогичное канавкам с кострищами в Бегуницкой группе.

Отмечая неславянскую принадлежность основной части населения, обитавшего в районе Бегуниц, подчеркнем, что здесь не встречены «чистые» финно-угорские комплексы. Курганный обряд уже сам по себе свидетельствует о славянизации иноплеменного коллектива. К тому же в наиболее ранних погребениях с восточной ориентировкой вещи прибалтийских типов сочетаются с изделиями древнерусских типов.

Более того, в рассматриваемом памятнике получил непосредственное отражение процесс славяно-финно-угорского взаимодействия. На рубеже XI—XII вв. в восточной части могильника формируется «ядро» курганных захоронений, ориентированных к западу. Вещественные находки из этих комплексов значительно менее разнообразны и представлены предметами славяно-русского происхождения. Появление новой группы насыпей обусловлено, по всей вероятности, продвижением и последующим оседанием в районе Бегуниц древнерусских поселенцев.

В курганах XII—начала XIII в. традиции чудской культуры проявляются главным образом в особенностях погребального ритуала (восточная ориентировка умерших, «огненные кольца» в основании некоторых насыпей). Характер инвентаря заметно меняется. Почти во всех погребениях того времени встречаются изделия одних и тех же типов древнерусского облика. На фоне постепенной нивелировки в области материальной культуры более стойкими и консервативными выступают элементы, отражающие представление культового порядка. Это, на наш взгляд, наглядный пример аккумулярации чудского населения в конкретных условиях, при совместном проживании разноэтничных коллективов и сильном культурном влиянии со стороны славян, ставшем особенно интенсивным благодаря территориальной близости крупнейшего торгово-ремесленного центра Северо-Западной Руси — Новгорода Великого.

¹ *Гадзяцкий С. С.* Вотская и Ижорская земли Новгородского государства. — ИЗ, 1940, 6, с. 100—148; *Седов В. В.* Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.). — СА, 1953, XVIII, с. 190—229; *Моора Х. А., Моора А. Х.* Из этнической истории води и ижоры. — В кн.: Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений. Таллин, 1965, с. 72—85.

² *Спицын А. А.* Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. — МАР, 1896, 20.

³ В 1971—1977 гг. — Ижорский отряд ЛГУ и ЛОВООПИК, Ижорский отряд ЛОИА, Четвертый отряд Староладожской экспедиции ЛОИА. С 1978 г. — Ижорская экспедиция ЛОИА.

⁴ *Неволин К. А.* О пятинах и погостах новгородских в XVI в. — ЗРГО, 1853, VIII, Приложение 1, с. 5—63.

⁵ *Гадзяцкий С. С.* Вотская и Ижорская земли. . . , с. 107.

⁶ ПСРЛ, 1841, III, с. 53.

⁷ Архив ЛОИА, ф. 1, д. 1897/54, л. 4, 5. См. также: *Рерих Н. К.* Экскурсия Археологического института в связи с вопросом о финских погребениях С.-Петербургской губернии. — ВАИ, 1899, XII, с. 102, 106—108.

⁸ *Спицын А. А.* Курганы С.-Петербургской губернии. . . , с. 120, табл. XIII, 5.

⁹ *Aspelin J. R.* Antiquités du Nord Finno-Ougrien. Helsingfors, 1876—1878, II—IV, fig. 1189.

¹⁰ Национальный музей Финляндии (Хельсинки), инв. № 1420 : 1—11, 1421, 1422.

¹¹ Это единственный случай противоположной ориентировки умерших, зафиксированный в Бегуницком могильнике. Различия в ориентировке мужских и женских погребений характерны для некоторых летто-литовских племен, в частности для латгалов, но у них был распространён обычай захоронения мужчин головой к востоку, а женщин — к западу. См.: *Седов В. В.* Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси. — СА, 1961, № 2, с. 107, 108.

¹² *Selirand J.* Eestlaste matmiskombed varafeodaalsete suhete tärkamise perioodil. Tallin, 1974, lk. 302, 303, tahv. XVIII, 2.

¹³ *Спицын А. А.* Курганы С.-Петербургской губернии. . . , с. 98—101, 108; *Он же.* Отчет о раскопках В. Н. Глазова 1903 г. близ д. Мануйловой Ям-

- бургского уезда. — ЗОРСА, 1905, VII, 1, с. 139—142.
- ¹⁴ Висковатов П. Пюхтицкое древнее кладбище Эстляндской губернии. — В кн.: Временник Эстляндской губернии. Ревель, 1894, I, с. 237—244; ГИМ, III, арх. отдел., инв. № 28972—81.
- ¹⁵ Архив ЛОИА, ф. 1, д. 1908/32; Кудряшов К. Отчет о раскопках 1911 г. в Гдовском уезде С.-Петербургской губернии. — ЗОРСА, 1913, IX, с. 255—262; Спицын А. А. Курганы Гдовского уезда в раскопках В. Н. Глазова. — МАР, 1903, 29, с. 90, 91; Раппопорт П. А., Станкевич Я. В., Голунова И. К. Археологическое обследование побережья Чудского озера. — В кн.: Ледовое побоище 1242 г. М.; Л., 1966, с. 39, 40, рис. 4.
- ¹⁶ Об этом свидетельствуют и данные переписи населения «чудских» погостов Вотской пятины в 1500 г., содержащие большое число имен несомненно финно-угорского происхождения. См.: Новгородские писцовые книги. Т. III. Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 г. (первая половина). СПб., 1868, стлб. 892—933.
- ¹⁷ Хвоцинская Н. В. Западные районы Новгородской земли в начале II тысячелетия н. э. (по материалам погребальных памятников). Автореф. канд. дис. Л., 1978.
- ¹⁸ Selirand J. Eestlaste matmiskombed... lk. 304, 305, tahv. XIX, 7; Tõnisson E. Die Gauja-Liven und ihre materielle Kultur. Tallin, 1974, Abb. 20, 1; Taf. IV. 8; VI, 3; X, 6; XII, 3; XX; XXIV, 6.
- ¹⁹ Архив ЛОИА, ф. 1, д. 1903/49, л. 11.
- ²⁰ А. И. Поповым сделано интересное заключение, основанное на изучении средневековых письменных источников и топонимических данных, о принадлежности значительной части населения погостов «в Чюди» XVI в. к потомкам эстов, переселенных сюда новгородцами и, следовательно, отличавшихся в культурном отношении от местной води (Попов А. И. Названия народов СССР. Л., 1973, с. 68, 69).
- ²¹ Возможно даже, что Николской Толдожский и Воздвиженский Ополский погосты, равно как и примыкающий к ним Каргальский погост, вообще не входили в состав Вотской земли или реконструируемой Лужской волости, а относились непосредственно к «чюди» (Куза А. В. Новгородская земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 180).
- ²² Рябинин Е. А. Финно-угорские элементы в культуре Северной Руси X—XIV вв. Автореф. канд. дис. Л., 1974, с. 728.

Н. В. ХВОЦИНСКАЯ

О НЕКОТОРЫХ РАЗЛИЧИЯХ КУРГАНОВ СЕВЕРО-ЗАПАДА НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

В конце XIX—начале XX в. в северо-западной части Новгородской земли проводились широкие археологические исследования погребальных памятников древнерусского времени. На Ижорском плато большая часть курганов раскопана Л. К. Ивановским, а в более западных районах, примыкающих к Чудскому озеру, — В. Н. Глазовым. Результаты этих работ систематизировал А. А. Спицын¹, который пришел к выводу, что коллекция Л. К. Ивановского «составляет одно целое с коллекцией г. Глазова»². В дальнейшем курганы Ижорского плато и бассейна Чудского озера постоянно рассматривались в археологической литературе как единый в культурном отношении пласт древностей³. Однако предпринятое нами изучение погребального обряда и инвентаря курганов показывает, что наряду с безусловно имеющимся сходством между погребальными памятниками Ижорского плато и северо-восточного побережья Чудского озера⁴ отчетливо прослеживаются и достаточно существенные различия. Так, бросаются в глаза более значительные размеры курганов Ижорского плато.

Различия фиксируются в динамике развития погребального обряда в период с XI в. — времени массового появления курганов — вплоть до XIII в. Материалы, полученные при раскопках курганов в северо-восточной части бассейна Чудского озера как в дореволюционный период (В. Н. Глазов, К. Д. Трофимов, П. А. Висковатов и другие), так и в более позднее время (О. Саадре, Е. Аристе, Х. А. Моора, Н. Н. Гурина и

другие), позволяют проследить изменение погребального обряда в течение первых веков II тысячелетия н. э.⁵ В XI—начале XII в. все погребенные располагались под курганной насыпью на горизонте, изредка — на небольшом возвышении. Достоверно к этому времени относится 58 исследованных курганов⁶. Их датировка основана на находках предметов украшения и оружия, которые, судя по типологическим классификациям и новгородской хронологической шкале, выходят из употребления на рубеже XI—XII вв. Это дровые гривны с «рыльцами», ленточные браслеты с расширенными концами, узкие массивные браслеты, пластинчатые перстни с завязанными концами⁷, наконечники копий типов III, IV и топоры типов IV—VII по классификации А. Н. Кирпичникова⁸.

В XII в. в обряде захоронения у населения Чудского озера происходят существенные изменения. Курганы с труположениями на горизонте уступают место насыпям с труположениями в грунтовых ямах. Эти насыпи продолжают здесь сооружать вплоть до XIV в.⁹ Переход от одного типа обряда к другому происходил постепенно, и поэтому к XII в. наряду с господствующими захоронениями в подкурганных ямах (84 кургана) относится и небольшое число погребений на горизонте (11 курганов).

Иная картина в развитии погребального обряда наблюдается на территории Ижорского плато. Переход от захоронений на горизонте к погребениям в грунтовых ямах произошел здесь на столетие позже. Уже А. А. Спицын в 1896 г. хронологически разделил материал из раскопок Л. К. Ивановского на две группы — комплексы XI—XII вв. и комплексы XIII—XIV вв., отметив, что для первых характерны погребения на горизонте, а для вторых — захоронения в грунтовых ямах¹⁰. Поскольку Л. К. Ивановский описал погребальный обряд чрезвычайно суммарно, особое значение приобретают дополнительные сведения, полученные при раскопках курганов Н. К. Рерихом, В. Н. Глазовым, А. Э. Мальмгренем и другими¹¹. Большинство исследованных ими курганов датируется XII—XIII вв. на основании предметов вооружения (копья типа IIIa, б, топоры типа VII, булавы типа III)¹² и украшений (витые тройные и пластинчатые браслеты, широкосрединные замкнутые и рубчатые перстни)¹³ и содержит захоронения на горизонте.

В XIII в. на Ижорском плато появляются погребения в грунтовых ямах, хотя местами (например, в могильниках Новоселье, Новая Буря, Дятлицы I, курганы 7, 12, 13) до XIII—XIV вв. сохраняется традиция хоронить умерших на уровне погребенной почвы¹⁴. Столь поздние погребения на горизонте в бассейне Чудского озера до сих пор не встречены ни разу.

Наблюдения о времени и характере смены погребального обряда на территории Ижорского плато подтверждаются раскопками, проведенными в последние годы. Так, в могильнике у д. Бегуницы, датируемом Е. А. Рябининым XI—началом XIII в., все погребения, кроме одного, находились на горизонте. Одно захоронение было расположено в неглубокой грунтовой яме. По мнению Е. А. Рябинина, оно относится к последней стадии существования могильника, т. е. к началу XIII в.¹⁵ Подобная картина наблюдается и в целиком раскопанном могильнике Даймице (юго-восточная часть Ижорского плато), относящемся к XII—XIII вв. Подавляющее большинство погребений в нем совершено на горизонте, а оба кургана с труположениями в грунтовых ямах датируются временем не ранее начала XIII в.¹⁶ Отдельные захоронения в грунтовых ямах, исследованные Е. А. Рябининым в могильниках Плещевыцы (курган 1) и Беседы (курган 1), датируются XIII в., а одно погребение в могильнике Фьютатово — XII—XIII вв.¹⁷

Таким образом, на Ижорском плато и в бассейне Чудского озера отчетливо фиксируются различия в динамике развития погребального обряда. Если на побережье Чудского озера труположения в грунтовых ямах пришли на смену труположениям на горизонте уже в XII в., то на Ижорском плато в это время еще полностью господствовал обряд

захоронения на уровне погребенной почвы, а массовый переход к грунтовым погребениям произошел не ранее XIII в.

Между курганными массивами обоих регионов известна многочисленная группа могильников в бассейне средней Плюссы, исследования которых проводил В. Н. Глазов¹⁸. Материалы показывают, что эти памятники не только территориально, но и в культурном отношении занимают как бы промежуточное положение между насыпями Ижорского плато и северо-восточного побережья Чудского озера. В некоторых памятниках XII в. бассейна Плюссы (Большие и Малые Поля, Крапивна) еще господствуют захоронения на горизонте, что соответствует развитию погребального обряда на территории Ижорского плато и совершенно не характерно для бассейна Чудского озера. В других могильниках (Заянье, Кушела, Куричок) в XII в. появляются захоронения в грунтовых ямах, что сближает эти памятники с курганами побережья Чудского озера и отличает их от насыпей Ижорского плато.

Большинство погребенных в курганах северо-запада Новгородской земли похоронено в вытянутом положении на спине, головой на запад. Однако здесь известны и так называемые сидячие захоронения. На них обратил внимание еще А. А. Спицын, который пришел к выводу, что сидячие погребения характерны для Ижорского плато¹⁹. В некоторых могильниках, раскопанных Л. К. Ивановским, сидячие захоронения даже преобладали (Таровицы, Прологи). Погребения подобного типа постоянно встречались при последующих археологических работах. Так, сидячие захоронения обнаружены в большинстве могильников, исследованных Н. К. Рерихом: в Калитине девять из 23 раскопанных курганов содержали сидячие погребения, в Лисино и Домашковицах I — три из четырех, в Рабитцах — девять из 16, в Домашковицах II — два из шести, во Введенском — один из пяти, в Роговицах — один из шести, в Торосово (лесная группа) — два из трех, в Дятлицах I — три из 13, в Дятлицах II — два из девяти, в Груше — один из двух. Кроме того, сидячие захоронения обнаружены в обеих исследованных насыпях у д. Глумилица и в одной — у д. Торосово (полевая группа)²⁰. Около десяти захоронений встречено в могильнике Даймище и три — в могильнике Бегуницы²¹. Таким образом, традиция хоронить умерших в сидячем положении была достаточно широко распространена у населения Ижорского плато.

В бассейне Чудского озера картина разительно отличается. Хотя археологическими исследованиями в этом районе затронуты практически все известные здесь древнерусские могильники (более 300 погребальных комплексов), лишь одно погребение в жальничной могиле у д. Малая Каменка можно уверенно рассматривать как сидячее²². Имеются сведения о сидячем захоронении в могильнике у д. Лахтепе, но к ним надо относиться с большой осторожностью, поскольку раскопки проведены непрофессионально²³. Кроме того, в двух курганах могильника Калихновщина обнаружены костяки с несколько приподнятыми головой и верхней частью грудной клетки, которые В. Н. Глазов назвал «полусидячими»²⁴. Следовательно, в отличие от Ижорского плато, на побережье Чудского озера сидячие захоронения не получили распространения.

Некоторые специфические черты можно отметить и в характере погребального инвентаря. В этом отношении памятники бассейна Плюссы составляют одно целое с курганами у Чудского озера. Различия между рассматриваемыми регионами проявляются прежде всего в том, что отдельные категории украшений, хорошо известные по памятникам Чудского озера, либо вовсе отсутствуют, либо очень редко встречаются на Ижорском плато, где количество раскопанных курганов значительно больше. К таким украшениям относятся дровяные гривны с круглыми или многогранными концами, заходящими друг на друга («с рыльцами»)²⁵, которые найдены в семи могильниках у Чудского озера и неизвестны на Ижорском плато. Большие браслетообразные височные кольца с одним концом, загнутым в спиральку²⁶, в бассейне Чудского

озера встречены в десяти комплексах (46 экз.); на средней Плюссе — в трех (3 экз.), а на Ижорском плато обнаружено лишь одно такое кольцо. В 18 комплексах бассейна Чудского озера и средней Плюссы на погребенных находились различные ленточные браслеты²⁷, в то время как на Ижорском плато встречено только пять подобных браслетов в четырех погребениях. Такая же картина наблюдается при сравнении находок дровяных браслетов²⁸: на северо-восточном побережье Чудского озера зафиксировано 25 браслетов в восьми могильниках, а на территории Ижорского плато — по одному браслету в трех могильниках. Вещи, широко представленные на Ижорском плато, отсутствуют на средней Плюссе. Безусловно, такое сопоставление следует проводить очень осторожно, поскольку сравнивается неадекватное число захоронений, тем не менее некоторые выводы все же можно сделать. По подсчетам Е. А. Рябикина, на Ижорском плато сельскохозяйственный инвентарь (косы, серпы) обнаружен в 337 погребениях²⁹. На Чудском озере он встречен всего в трех комплексах двух могильников (Верхоляны и Калихновщина).

Установленные отличия в характере погребального инвентаря ни в коей мере не связаны с хронологией курганных комплексов двух рассматриваемых регионов. Ведь украшения, редко встречаемые или вовсе отсутствующие в районе Ижорского плато, в курганах у Чудского озера, как правило, встречаются в одних комплексах с вещами, которые в свою очередь находят широкие аналогии в погребальных памятниках Новгородской земли, в том числе и на Ижорском плато (например, ромбоштитковыми и проволочными незамкнутыми височными кольцами, грушевидными бубенчиками, витыми браслетами, спиральными и «усатыми» перстнями и т. д.).

Итак, между курганами на северо-востоке бассейна Чудского озера и Ижорского плато существуют определенные различия в характере погребального обряда и инвентаря. Их нельзя не дооценивать, но не следует и забывать о том большом сходстве, которое существует между курганными древностями северо-западных районов Новгородской земли.

В начале II тысячелетия н. э. на рассматриваемой территории проходил сложный процесс формирования древнерусской культуры. До прихода славян северо-западные земли Великого Новгорода по историческим и этнографическим данным издревне были заселены финно-угорским племенем води. По мнению эстонских исследователей, в древности водское население было неоднородно. Водь, жившая на Ижорском плато, распадалась не менее чем на два племени, а особая группа води, названная Х. А. Моора и А. Х. Моора «южной водью», обитала в районе Гдова, т. е. в северо-западной части бассейна Чудского озера³⁰. Здесь между Гдовом и д. Замогилье, по берегу Чудского озера еще в 1815 г. Х. Шлегель зафиксировал смешанное население, которое говорило на водском языке³¹. Таким образом, пришлое славянское население в начале II тысячелетия н. э. на северо-западе Новгородской земли сталкивалось и вступало в контакты с различными этнографическими группами местных финнов. Кроме того, нельзя не учитывать, что и расселившиеся здесь славяне были, видимо, неоднородны. Совокупность этих факторов, по нашему мнению, в конечном итоге и обусловила определенные различия в материальной культуре древнерусского населения Ижорского плато и северо-восточного побережья Чудского озера.

¹ Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. — МАР, 1896, 20; *Он же*. Курганы Гдовского уезда в раскопках В. Н. Глазова. — МАР, 1903, 29.

² Спицын А. А. Курганы Гдовского уезда... с. 5.

³ Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.). — СА,

1953, XVIII, с. 190—229; *Рябикин Е. А.* Погребения с орудиями труда на северо-западе Новгородской земли. — КСИА, 1974, 139, с. 23—26; *Он же*. Новгород и северо-западная область Новгородской земли (культурные взаимодействия по археологическим данным). — В кн.: *Культура средневековой Руси*. Л., 1974, с. 56—61.

- ⁴ В число памятников северо-восточного побережья Чудского озера мы включаем не только могильники, расположенные на территории, прилегающей с северо-востока к Чудскому озеру (вплоть до бассейна р. Куесть на юге), но и близкие им по культуре немногочисленные курганные могильники северных берегов озера. Памятники бассейна р. Плюсса рассматриваются отдельно.
- ⁵ *Глазов В. Н.* Отчеты о раскопках, произведенных в Гдовском уезде С.-Петербургской губернии. Архив ЛОИА, ф. 1, 1898, д. 49; 1899, д. 50; 1900, д. 50; 1901, д. 46; *Трофимов К. Д.* Отчеты о раскопках, произведенных в Гдовском уезде С.-Петербургской губернии. Архив ЛОИА, ф. 1, 1909, д. 128, л. 53, 54; ф. 2, д. 1298, л. 9; *Висковатов П. А.* Пюхтицкое древнее кладбище Эстляндской губернии. — В кн.: *Временник Эстляндской губернии.* Ревель, 1894, I, с. 237—244; *Saadre O.* Aguanne kaevamistest Iisaku kihelk. Jõuga kl. kääbastikul 16 VI—22 VI 1938. Архив САИИЭ; *Ariste E.* Aguanne kaevamistest Jõhvimaal Iisaku v. Jõuga kl. 29 VI—20 VII 1949. Архив САИИЭ; *Moora H., Kustin A.* Aguanne Jõuga kääbaste kaevamisest 1950. Архив САИИЭ; *Гурина Н. Н.* Отчет о раскопках Нарвской археологической экспедиции и Карельского отряда торфяниковой экспедиции 1951 г. в Карело-Финской ССР, Ленинградской и Псковской областях. Архив ИА, Р-1, д. 577, л. 11—21.
- ⁶ Безусловно, к XI—началу XII в. относится также часть безымянных погребений.
- ⁷ *Фезнер М. В.* Шейные гривны. — Труды ГИМ, 1967, 43, с. 59—62; *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода. — МИА, 1959, 65, с. 250, 253, 254, рис. 9, 9, 24; 10, 7, 9; *Рындина Н. В.* Технология производства новгородских ювелиров. — МИА, 1963, 117, с. 235, 236. Все эти украшения встречены в Новгороде в пределах ярусов 22—24, что по данным дендрохронологии соответствует XI в. См.: *Колчин Б. А.* Дендрохронология Новгорода. — МИА, 1963, 117, с. 85.
- ⁸ *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, кистени, булавы IX—XIII вв. — САИ, 1966, вып. Е1-36, с. 12—15, 36—39 (по каталогу: копьа 305, 306, 308, 309—315, 348, 349; топоры 257, 258, 379—382, 399, 440).
- ⁹ Курганы с погребениями в грунтовых ямах могут быть датированы лишь суммарно XII—началом XIV в., поскольку их хронология базируется на находках украшений, которые, судя по новгородским датировкам, имеют достаточно широкие рамки бытования — XII—начало XIV в. К ним относятся витые браслеты (трехпроволочные с обрубленными концами и с петлями на концах), ложновитые с уплощенными концами, подковообразные фибулы с гвоздевидными концами, рубчатые перстни, шаровидные
- бубенчики с линейной прорезью и шаровидные с рифленным валиком, круглые решетчатые подвески и т. д. См.: *Седова М. В.* Ювелирные изделия... , с. 233, 245—249, 255, 260.
- ¹⁰ *Спицын А. А.* Курганы С.-Петербургской губернии... , с. 8, 9, 37—40.
- ¹¹ О раскопках студента Н. Рериха в Изварской казенной даче Царскосельского лесничества. Архив ЛОИА, ф. 1, 1894, д. 74; *Рерих Н. К.* Отчет о раскопках 1896 г. в Ямбургском и Петергофском уездах С.-Петербургской губернии. Архив ЛОИА, ф. 1, 1896, д. 56; *Он же.* О раскопках в Царскосельском и Петергофском уездах. Архив ЛОИА, ф. 1, 1898, д. 117; *Он же.* О раскопках Археологического института в Царскосельском и Петергофском уездах. Архив ЛОИА, ф. 1, 1899, д. 109; *Он же.* Экскурсия Археологического института 1899 г. в связи с вопросом о финских погребениях С.-Петербургской губернии. — ВАИ, 1900, XIII, с. 102—114; *Он же.* К древностям валдайским и водским. — ИАК, 1904, 1, с. 66—68; *Штоффе Н. А.* Отчет о раскопках, произведенных С.-Петербургским Археологическим институтом 13—14 мая 1900 г. — ВАИ, 1904, XIV, с. 211—218; *Мальмгерен А. Э.* Раскопки в Петергофском уезде С.-Петербургской губернии. Архив ЛОИА, ф. 1, 1897, д. 91; *Глазов В. Н.* О раскопках в Гдовском и Ямбургском уездах С.-Петербургской губернии. Архив ЛОИА, ф. 1, 1903, д. 49, л. 35—41; *Спицын А. А.* Отчет о раскопках В. Н. Глазова 1903 г. близ д. Мануйловой Ямбургского уезда. — ЗОРСА, 1905, VII, 1, с. 139—142; *Глазов В. Н.* О раскопках в Царскосельском уезде С.-Петербургской губернии. Архив ЛОИА, ф. 1, 1912, д. 60, л. 13, 14.
- ¹² *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие, вып. 2 (по каталогу копьа 396, 397; топоры 484, 485; булава 51).
- ¹³ *Седова М. В.* Ювелирные изделия... , с. 247, 252, 255.
- ¹⁴ О раскопках С. Р. Минцлова в С.-Петербургской губернии. Архив ЛОИА, ф. 1, 1913, д. 328; *Мальмгерен А. Э.* Раскопки в Петергофском уезде... ; *Штоффе Н. А.* Отчет о раскопках, произведенных С.-Петербургским Археологическим институтом... , с. 213—215.
- ¹⁵ *Рябинин Е. А., Рябинина Т. В.* Работы Ижорского отряда. — АО 1973 г. М., 1974, с. 30; *Рябинин Е. А.* Исследования в Ленинградской обл. — АО 1977 г. М., 1978, с. 32, 33.
- ¹⁶ По сообщению В. А. Кольчатова. См. также: *Лебедев Г. С., Кольчатова В. А., Розов А. А.* Раскопки курганов у д. Даймище. — АО 1975 г. М., 1976, с. 28; *Кольчатова В. А., Розов А. А.* Работы на Ижорском плато. — АО 1976 г. М., 1977, с. 17, 18.
- ¹⁷ *Рябинин Е. А.* Археологические памятники Вотской земли. — СА, 1976, № 1, с. 215—218.
- ¹⁸ *Спицын А. А.* Курганы Гдовского уезда... , с. 63—87, 89, 90.

- ¹⁹ Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии... , с. 7.
- ²⁰ Рерих Н. К. Отчет о раскопках 1896 г... , л. 18—25, 28, 29; *Он же*. О раскопках в Царскосельском и Петергофском уездах, илл. 7—9; Шгоффе Н. А. Отчет о раскопках, произведенных С.-Петербургским Археологическим институтом... , с. 212, 213, 217, 218.
- ²¹ По сообщениям В. А. Кольчатова и Е. А. Рябина.
- ²² Спицын А. А. Курганы Гдовского уезда... , с. 93, 94, рис. 90.
- ²³ Monats-Sitzung der gelehrten Gesellschaft zu Dorpat. Am. 3. September 1869. — Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. Dorpat, 1869, S. 49, 50.
- ²⁴ Спицын А. А. Курганы Гдовского уезда... , с. 97, 98, рис. 93.
- ²⁵ Там же, табл. XXIII, 9, 10.
- ²⁶ Там же, табл. XX, 10.
- ²⁷ Там же, табл. XXII, 28, 29; Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии... , табл. III, 2.
- ²⁸ Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии... , табл. IV, 17, 18.
- ²⁹ Рябинин Е. А. Погребения с орудиями труда... , с. 23.
- ³⁰ Моора Х. А., Моора А. Х. Из этнической истории води и ижоры. — В кн.: Из истории славяно-прибалтийскофинских отношений. Таллин, 1965, с. 63.
- ³¹ Моора А. Peipsimaa etnilisest ajaloost. Tallin, 1964, lk. 31.

Н. И. ПЛАТОНОВА

ДВЕ ГРУППЫ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ ВЕРХНЕГО ПОЛУЖЬЯ

Северной границей распространения древнерусских памятников Верхнего Полужья служит р. Оредеж. Ниже как по правому, так и по левому берегам р. Луга начинается болотистый край, редко заселенный в раннем и позднем средневековье. Аналогичный характер имеет граница, проходящая к западу и к югу от оз. Врево в Лужско-Плюсском междуречье. Еще во второй половине I тысячелетия н. э. между Верхним Полужьем и бассейном Плюсы существовал «мостик» в виде памятников по р. Городонька, притоку Плюсы, составляющих с лужскими единое целое (рис. 1). Однако в древнерусское время по неизвестным причинам этот район запустел, и границы рассматриваемой территории сузились, переместившись к востоку. На юге эта территория включала древний Передольский погост (в пределах современного Батецкого р-на Новгородской обл.), на востоке определялась притоками Луги — Удрайкой, Черной и Оредежом до его поворота с юга на запад (рис. 2).

Во второй половине I тысячелетия н. э. район Передольского погоста в культурном отношении отличался от более северного, лежавшего по берегам Луги приблизительно от устья Удрайки до устья Оредежа. Древнерусским памятникам Передольского района предшествовали сопки — высокие насыпи, располагавшиеся одиночно или группами, в значительном удалении друг от друга (Заполье, Речка, Ивня и пр.). Ровиков, фиксируемых до раскопок, передольские сопки не имели, зато примерно о половине из них есть сведения о поверхностной каменной обкладке в основании. Судить о конструкции этих сопок пока трудно, так как лишь одна насыпь у д. Речка в 1899 г. подверглась раскопкам траншеей, причем на материке было обнаружено скопление камней¹.

Ниже по течению Луги (назовем этот район Лужско-Оредежским) древнерусские памятники подстилает иной пласт древностей. Здесь существовали могильники с длинными курганами и наряду с ними большие сопковидные насыпи, расположенные среди борového ландшафта. Такие насыпи стояли поодиночке, группами из двух — пяти близко сооруженных курганов и, наконец, в составе могильников с курганами меньших размеров (Плюсса, Курей, Которск и пр.). На Псковщине С. А. Тараканова исследовала аналогичные памятники в одних группах с длинными курганами, причем она называла эти насыпи «сопками» и указывала на внутреннее единство их культуры и культуры длинных

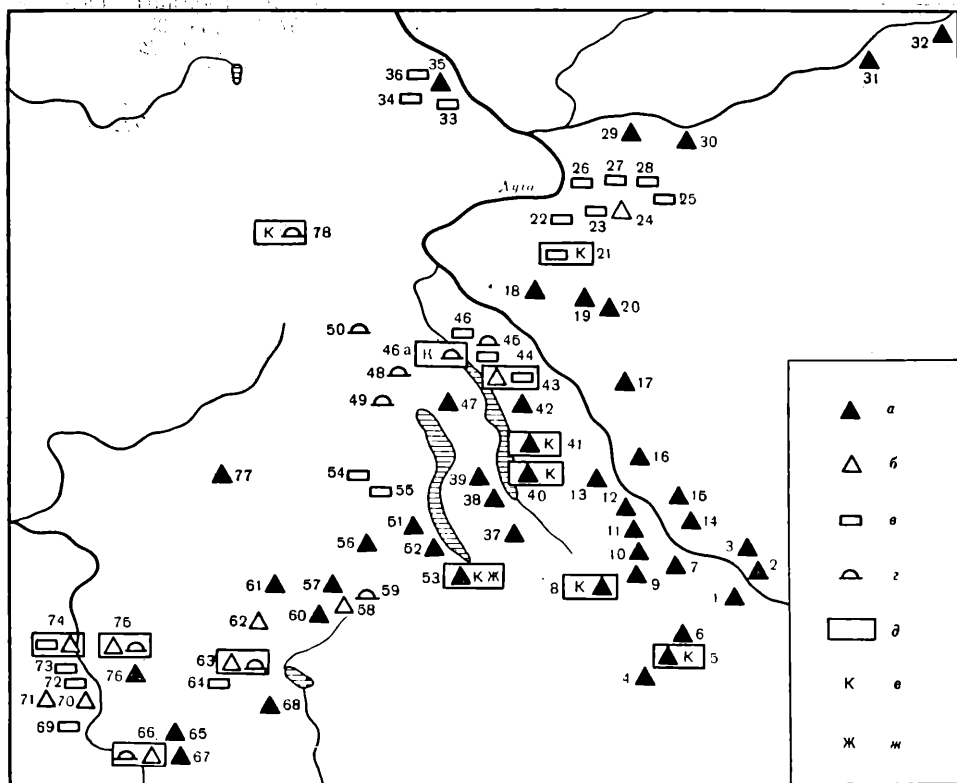

Рис. 1. Погребальные памятники Верхнего Полужья второй половины — конца I тысячелетия н. э.

a — сопки; *b* — сопковидные курганы на песчаных почвах; *c* — могильники с длинными курганами; *z* — могильники из круглых или четырехугольных курганов (IX—X вв.?). *d* — комплекс различных памятников, связанных топографически; *e* — древнерусские курганы, топографически связанные с памятниками второй половины I тысячелетия н. э.; *ж* — древнерусский жалник, топографически связанный с памятниками второй половины I тысячелетия н. э.

1 — Новое Овсино; 2 — Малый Волок; 3 — Большой Волок; 4 — Хотыни-Добрыни; 5 — Мелковичи I; 6 — Мелковичи II; 7 — Заполье; 8 — Кшева I; 9 — Кшева III; 10 — Подберезье III; 11 — Подберезье IV; 12 — Лихарева Горка; 13 — Большие Торосковичи; 14 — Княжья Гора; 15 — Речка; 16 — Холуи I; 17 — Ивня; 18 — Малая Раковно-Зобенка; 19 — Малый Удрай I; 20 — Малый Удрай II; 21 — Замошь; 22 — Мереве I; 23 — Мереве II; 24 — Берково; 25 — Поддубье; 26 — Келлы I; 27 — Келлы II; 28 — Заполье; 29 — Затулень; 30 — Паптеличи; 31 — Надбилье; 32 — Ям-Тесово; 33 — Ситенка I; 34 — Ситенка II; 35 — Ситенка III; 36 — Ситенка-Островенка; 37 — Чайково; 38 — Петровское I; 39 — Петровское II; 40 — Репьи I; 41 — Репьи II; 42 — Наволок; 43 — Боровское Купалище; 44 — Рапти-Наволок II; 45 — Рапти-Наволок I; 46 — Рапти I; 46a — Рапти II; 47 — Задубье; 48 — Раковицы; 49 — Кут; 50 — Бараново; 51 — Заполье на Врево; 52 — Люблино; 53 — Конезерье; 54 — Лопанец; 55 — Шильцево; 56 — Витово; 57 — Юбра; 58 — Паричи; 59 — Березица; 60 — Поддубье; 61 — Средние Озерцы; 62 — Бор; 63 — Которск I; 64 — Которск II; 65 — Полосы I; 66 — Полосы II; 67 — Полосы III; 68 — Крицы; 69 — Курья I; 70 — Курья II; 71 — Курья III; 72 — Курья IV; 73 — Курья V; 74 — Плюсса I; 75 — Плюсса II; 76 — Плюсса III; 77 — Серебрянка-Клобутицы; 78 — оз. Большое Ретенское

курганов². А. А. Спицын еще раньше отметил такие памятники в Себежском крае, как «сопки»³. От передольских сопок эти насыпи отличаются отсутствием поверхностных каменных обкладок и ровиками. Топография и микротопография также отличают эти курганы от далеко разбросанных в полевом ландшафте передольских насыпей.

Третьей категорией памятников второй половины I тысячелетия Лужско-Оредежского района являются сопки, по виду аналогичные передольским (Озерцы, Петровское, Затулень и др.). В последнее время среди них обозначилась спорная категория, представленная сопкой у д. Репьи. Эта насыпь содержит вещевой комплекс типа инвентаря ранних длинных курганов⁴. Отношение ее и к длинным курганам, и к сопкам — пока вопрос дискуссионный.

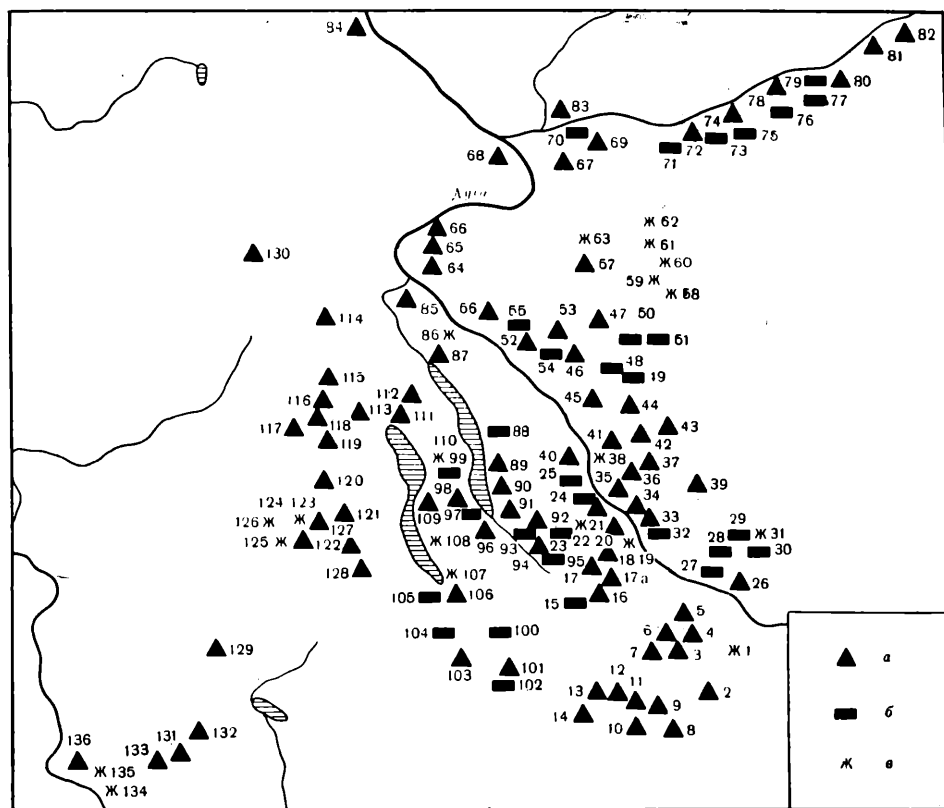

Рис. 2. Погребальные памятники Верхнего Полужья XI—XIV вв.

а — курганный могильник; б — курганно-жальничный могильник; в — жальник
 1 — Лежно; 2 — Мелковичи III; 3 — Мелковичи IV; 4 — Крючево; 5 — Крючево-Борки; 6 — Павшицы-Бляхино; 7 — Нежатицы; 8 — Комарово-Подмошье; 9 — Комарово-Людятино; 10 — Людятино-Подмошье; 11 — Подмошье-Красовицы I; 12 — Подмошье-Красовицы II; 13 — Подмошье-Красовицы III; 14 — Заклинье-Вязицы; 15 — Чуглево; 16 — Брод; 17 — Кшева I; 17а — Кшева II; 18 — Подберезье I; 19 — Подберезье II; 20 — Бор; 21 — Лихарева Горка I; 22 — Лихарева Горка II; 23 — Ретили; 24 — Ручьи; 25 — Село Второе; 26 — Большой Волок; 27 — Коломяще; 28 — Заупора; 29 — Черновицы; 30 — Столбец I; 31 — Столбец II; 32 — Речка-Княжья Гора; 33 — Бор-Речка; 34 — Бор; 35 — Холуи II; 36 — Холуи III; 37 — Холуи IV; 38 — Холуи V; 39 — Глухово; 40 — Филлимонова Горка; 41 — Ивня II; 42 — Ивня III; 43 — Ивня IV; 44 — Коломенская Горка; 45 — Онежцы; 46 — Ташино I; 47 — Ташино II; 48 — Большой Удрай I; 49 — Большой Удрай II; 50 — Малый Удрай I; 51 — Малый Удрай II; 52 — Малое Раковно I; 53 — Малое Раковно II; 54 — Касково; 55 — Зобенка; 56 — Заполье-Подгородье; 57 — Замошье; 58 — Ясковцы; 59 — Радогоши; 60 — Пневно; 61 — Горушка; 62 — Поддубье II; 63 — Мерево III; 64 — Слапы; 65 — Турово I; 66 — Турово II; 67 — Большие Изари; 68 — Старые Крупели; 69 — Колица; 70 — Каменка; 71 — Лог I; 72 — Лог II; 73 — Ворота I; 74 — Ворота II; 75 — Кашица; 76 — Боршово I; 77 — Боршово II; 78 — Ерышово I; 79 — Ерышово II; 80 — Бутково I; 81 — Бутково II; 82 — Надбыль; 83 — Пережицы; 84 — Островенка-Волок; 85 — Естомичи; 86 — Чеголи; 87 — Рапти III; 88 — Наволок; 89 — Репьи I; 90 — Репьи II; 91 — Югостицы; 92 — Лунец-Великое Село; 92 — Великое Село; 94 — Шатновичи; 95 — Рассохи; 96 — Голубково I; 97 — Голубково II; 98 — Бутковичи I; 99 — Бутковичи II; 100 — Святье; 101 — Святье-Бляхино I; 102 — Святье-Бляхино II; 103 — Хвошно; 104 — Красная Горка; 105 — Конезерье; 106 — Подберезье; 107 — Большое Конезерье; 108 — Заорешье; 109 — Жилой Брод; 110 — Пустой Брод; 111 — Скреблово I; 112 — Скреблово II; 113 — Старая Середка; 114 — Вараново-Вязицы; 115 — Дуброва-Среднее Ильже I; 116 — Дуброва-Среднее Ильже II; 117 — Дуброва-Среднее Ильже III; 118 — Ретюнь-Ильже I и II; 119 — Никольское; 120 — Волосковичи I; 121 — Волосковичи-Шильцево; 122 — Волосковичи II; 123 — Витово II; 124 — Буяны; 125 — Заозерье; 126 — Городец; 127 — Городонька; 128 — Ретенское; 129 — Которск III; 130 — Которск IV; 131 — Полосы IV; 132 — Сеглицы; 133 — Кирилково; 134 — Ретени; 135 — Вердуга II

Наконец, следует отметить, что в Лужско-Оредежском районе зафиксированы памятники IX—XI вв., пока совершенно неизвестные в Передольском районе. Это курганы с кремациями IX—X вв. и ранними ингумациями X—XI вв. (рис. 3). Причины отсутствия подобных же комп-

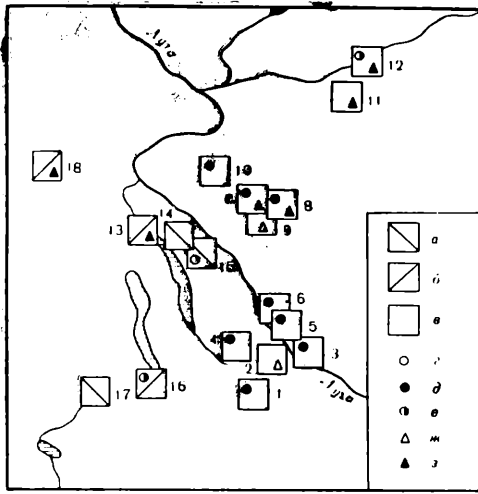

Рис. 3. Развитие погребальной обрядности в Верхнем Подлужье IX—XIII вв.

а — могильники с трупосожжениями IX—X вв. (?); б — могильники с трупосожжениями и трупоположениями; в — могильники с трупоположениями; г — своды и развитые каменные конструкции в комплексах стадии I (до начала XII в.); д — то же в комплексах стадии II (сердвина XII—XIII вв.); е — то же в комплексах обеих стадий; ж — зооморфные украшения в комплексах стадии I; з — то же в комплексах стадии II

1 — Брод; 2 — Подберезье I; 3 — Коломище; 4 — Лихарева Горка I; 5 — Речка-Княжья Гора; 6 — Бор-Речка; 7 — Малый Удрай I; 8 — Малый Удрай II; 9 — Большой Удрай II; 10 — Замошье; 11 — Боршово I; 12 — Ерышово I; 13 — Рапти II; 14 — Рапти-Наволоки I; 15 — Боровское Купалище; 16 — Конезерье; 17 — Беревица; 18 — Ретенское

лексов южнее неясны. Но дифференцированный подход к древнерусским памятникам обнаруживает и другие отличия, показывающие, что граница второй половины I тысячелетия н. э. между этими районами существовала и в древнерусское время.

Наиболее ранние круглые курганы в передольских могильниках датируются второй половиной XI—первой половиной XII в. Устройство их отличается простотой, выражающейся в полном отсутствии ровиков, сводов и внутренних каменных конструкций (имеются в виду вымостки, очаги и пр.). Обряды погребения в яме или на материке существуют одновременно, и никакой закономерности в чередовании их не наблюдается.

В дальнейшем в отдельных могильниках каменные конструкции усложняются. Это хорошо прослеживается в могильнике Речка-Княжья Гора, полностью раскопанном в 1899 г.⁵ Погребения XI—первой половины XII в. открыты в курганах диаметром 5—8 м, без каменных конструкций внутри, окруженных каменным кольцом. Найдены орудия труда, монеты X—XI вв., копоушки, перстни, лировидные пряжки и пр. Три такие насыпи стоят обособленно от основной группы, остальные расположены компактно в северной ее части. Эти курганы рассматриваются как стадия I в истории могильника. Столь же компактно, но в южной его части, расположены курганы стадии II — меньшие по размерам (диаметр 3—5 м), обложенные камнями или толстыми известковыми плитами, содержащие в насыпи каменные своды, вымостки, «печурку» (по терминологии Л. Н. Целепи) и пр. Датируются они второй половиной XII—XIII в. В могильнике Речка-Княжья Гора курганы такого типа составляют 36% от общего количества. В соседнем большом могильнике Коломище (более 230 насыпей, исследована 31 в 1899 г.) они составляют 25% от всех раскопанных⁶. Единицами они встречаются в небольших (не более десяти насыпей) курганных группах Лихарева Горка I, Бор II, Брод.

Однако тенденция к усложнению конструкции кургана не повсеместна и не абсолютна. Наряду с насыпями стадии II указанного типа во всех могильниках неизменно присутствуют комплексы XII—XIII вв. промежуточного характера, т. е. малых размеров, с каменным кольцом, но без внутренних конструкций.

Насыпи, синхронные стадиям I и II передольских могильников, представлены в Лужско-Оредежском районе. Описания комплексов стадии I сохранились для могильников Замошье и Ерышово. Как и в Передольском погосте, здесь найдены орудия труда и монеты X—XI вв., что является, по-видимому, не региональным, а хронологическим признаком.

Однако в конструкции насыпей имеются серьезные отличия. Элементы, присутствующие здесь, — ровики с перемычками, многорядовые каменные обложения — совершенно чужды передольским курганам стадии I. Последний признак в могильнике Замошье охватывает половину ранних комплексов⁷; в Ерышове, где раскопки Л. Н. Целепи затронули именно раннюю часть могильника, он отмечен суммарно, как характерный для всей группы⁸. Трехрядная обкладка в кургане 17 в Замошье сочетается с ровиком, имеющим пять перемычек; семь продольных выемок встречено вокруг кургана 15, датированного также периодом не позднее середины XII в. В могильнике на оз. Большое Ретенское ранние комплексы представлены курганами с кремацией, с концентрическими ровиками и без каменной обкладки⁹. Остальная часть могильника — насыпи с ингумацией, также окруженные ровиками, но уже с кольцом из камней — датируется в пределах XII—XIV вв. Однако отнести кремации к XI в. можно только предположительно, по аналогии с поздними трупосожжениями в Раптях и Боровском Купалище (X—XI вв.). Непрерывность использования могильника в данном случае не доказана.

Погребения XII—XIII вв. встречаются в Лужско-Оредежском районе повсеместно и представляют здесь закономерным продолжением традиций, появившихся ранее. По-прежнему применяется многорядовая обкладка по основанию, появляются своды над погребениями — каменные (Малый Удрай, 40% от числа раскопанных в 1940 г.)¹⁰ и глиняные (Замошье). Глиняные своды в курганах Замошья, не отмеченные в публикации А. А. Спицына, можно предположить на основании изучения отчетов¹¹. Спорадически встречаются другие яркие элементы обряда — например, «подушки» из органического материала в Малом Удрае¹². Параллельно в каждом из рассмотренных могильников появляются насыпи более простого устройства, мало отличающиеся от передольских.

Таким образом, можно предположить, что хотя к XII—XIII вв. обряд погребения в двух рассматриваемых районах приобрел много сходных черт (рис. 3), его развитие до тех пор шло разными путями.

Отличия между микрорайонами можно проследить на материалах женского погребального убора. Впрочем, в покрое костюма, если сравнить эти материалы и материалы соседних территорий (Гловщина, Ижорское плато), можно, напротив, предположить сходство. Выражается оно в первую очередь в полном отсутствии фибул. Правда, в Лужско-Оредежском районе этот признак распространяется только на могильники по правым притокам Луги. На левом берегу фибулы встречены в инвентаре курганов у д. Рапти¹³. Севернее, на оз. Большое Ретенское, они представлены в 17% погребений, а по мере приближения к области гдовских курганов их количество увеличивается (в могильнике Осьмино на р. Саба — до 70%)¹⁴.

Найденная у горла фибула означает, что ворот рубашки составляют два не до конца сшитых полотна, — так называемая рубашка типа I¹⁵. Носили ее с распашной верхней одеждой, которая отчетливо прослеживается в Осьмине и в других местах по наличию фибул, скреплявших ее на левом плече.

Отсутствие фибул позволяет предположить, что для Передольского и части Лужско-Оредежского районов была характерна иная одежда (возможно, так называемый комплекс с сарафаном).

По такому признаку, как комплекс женских украшений, передольские могильники представляют собой нечто особое по отношению к могильникам Лужско-Оредежского района в целом.

Их отличительной чертой в этом смысле следует, по-видимому, считать общерусский характер костюма при полном отсутствии всяких особенностей. В комплексах стадии I (могильники Речка-Княжья Гора, Подберезье, Кшева I, Лихарева Горка II) встречаются бусы, витые и проволочные браслеты, височные кольца, перстни. Почти нет нагрудных украшений (единственный экземпляр — подвеска-уточка из Подберезья)¹⁶.

Во второй половине XII—XIV в. нагрудные привески исчезают полностью.

Женский комплекс лужско-ореджежских могильников дает нам иную картину развития (рис. 3.). Для погребений стадии I его состав мало отличается от описанного выше (бусы, браслеты, перстни, монетовидные привески, височные кольца, орудия труда)¹⁷. Некоторые отличия наблюдаются только в типах вещей — бус, браслетов, а также в присутствии целых форм керамики в погребениях. Но к XII—XIII вв. здесь в большом количестве появляются зооморфные нагрудные украшения, шумящие подвески, бубенчики, цепочки и т. д.¹⁸ Впрочем, появление их в некоторых местах можно датировать и более ранним временем. Об этом свидетельствует находка привески-конька раннего типа в Удрае (XI—XII вв.)¹⁹.

В общей сложности в лужско-ореджежских могильниках представлены четыре различных типа шумящих и два типа круглых (не зооморфных) привесок, четыре типа птичьих подвесок, пять типов коньков и три типа лунниц. Встречаются в качестве привесок ложечки и клыки зверя. Появляются ожерелья, составленные из бус и спиралек. В одном случае бусы, спиральки и решетчатые подвески были нашиты на нагрудник или оплечье из материи или кожи²⁰, что позволяет реконструировать для этого случая рубашку типа II с прямым грудным разрезом на середине, прикрытым нагрудником. Аналогии такой одежде зафиксированы археологически в Верхнем Поволжье²¹ и в древнемарийских могильниках²².

К концу XIII—XIV в. из погребений исчезают вещи, и проследить по их материалам этнографические различия становится невозможно. Впрочем, один признак свидетельствует о том, что различия эти в какой-то мере нивелируются. В конце XIII—XIV в. по всей территории Верхнего Полужья распространяются своеобразные венчики или шапочки с нашитыми спереди рядами позолоченных штампованных бляшек. Ближайшие аналогии этим бляшкам происходят из каменных курганов Понеманья конца XIII—XV в.²³ В небольшом количестве они встречены на Гдовщине и на Ижорском плато.

Таким образом, можно сделать вывод, что по крайней мере до конца XIII в. между населением двух входящих в Верхнее Полужье микрорайонов существовали этнографические различия. Первоначально они сильнее проявлялись в погребальном обряде, а после некоторой нивелировки этих признаков — в погребальном костюме. Мы не можем достаточно надежно связать эти особенности с культурой субстратного населения второй половины I тысячелетия н. э. в этом районе, но общее соответствие границ этнографических ареалов в I и II тысячелетиях н. э. необходимо отметить. Правда, следует обратить внимание еще на одну деталь. На рубеже I и II тысячелетий н. э. в рассматриваемом районе происходит своеобразное «перенесение центра». Памятники второй половины I тысячелетия н. э. довольно равномерно размещаются и по течению Луги, и далее на запад, по правым притокам Плюссы (Городонька). В древнерусское время плотность населения в Передольском погосте и в бассейне озер Череменецкое и Врево (т. е. в районе, наиболее близком к Новгороду) резко возрастает, а течение Городоньки пустеет. Возможно, это происходит потому, что на первое место в качестве административно-торгового центра района выдвигается Новгород. Однако нельзя исключить и возможность притока славянского населения извне, особенно для территории Передольского погоста, где пока неизвестны памятники X—первой половины XI в. и лишь к концу XI в. появляются курганы с инвентарем общерусского характера.

Вряд ли могут быть сомнения в том, что в основе наблюдаемых различий лежат разный этнографический состав населения, различный ход этнокультурного процесса. Выявить эти различия может только очень пристальный, дифференцированный подход к древнерусским памятникам.

Считаю возможным предположить, что появление смешанной материальной культуры опережает подлинное смешение этнических групп

(если подразумевать под ним в первую очередь изживание пережитков сознания групповой обособленности и беспрепятственные браки). Чересполосно существующие этнографические признаки, по-видимому, должны служить показателями не происшедшей ассимиляции, а скорее ее текущего и незавершенного процесса.

Для Верхнего Полужья подтверждением этому служит неоднократно подчеркнутая стойкость границы между двумя ареалами этнографических признаков в древнерусское время.

- ¹ О раскопках Л. Н. Целепи в Лужском и Новгородском уездах. Архив ЛОИА, ф. 1, д. 113/1899.
- ² *Тараканова С. А.* Псковские курганы с трупосожжением. — КСИИМК, 1951, XXXVI, с. 152.
- ³ *Спицын А. А.* Разведка в Себежском крае. Архив ЛОИА, ф. 2, д. 121/1929.
- ⁴ *Лебедев Г. С.* Новые данные о длинных курганах и сопках. — В кн.: Проблемы археологии и этнографии. Л., 1977, 1, с. 42.
- ⁵ Архив ЛОИА, ф. 1, д. 113/1899.
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Спицын А. А.* Раскопки 1910 г. в Лужском уезде С.-Петербургской губернии. — ИАК, 1914, 53, с. 90—92.
- ⁸ О раскопках Л. Н. Целепи в Лужском уезде. Архив ЛОИА, ф. 1, д. 51/1905.
- ⁹ *Щитников Ф. В.* Раскопки в Лужском уезде. — Труды Псковского археологического общества, 1913, 9, № 28, 32.
- ¹⁰ *Спицын А. А.* Раскопки 1910 г..., с. 83—87.
- ¹¹ Отчеты о раскопках в Удрае и Замошье. Архив ЛОИА, ф. 5, д. 214/1911.
- ¹² *Спицын А. А.* Раскопки 1910 г..., с. 85, 87.
- ¹³ ГЭ, коллекция ОИПК, № 777.
- ¹⁴ О раскопках А. Мальмгрена в Гдовском уезде. Архив ЛОИА, ф. 1, д. 90/1893; 75/1894.
- ¹⁵ Типы одежды даны по кн.: *Гаген-Торн Н. И.* Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары, 1960.
- ¹⁶ Фотоархив ЛОИА, II, 26250-53, 1899 г.; III, 7799—7802, 1900 г.
- ¹⁷ Архив ЛОИА, ф. 1, д. 51/1905; ГЭ, коллекция ОИПК, № 693, 712.
- ¹⁸ ГЭ, коллекция ОИПК, № 689, 693, 712, 777; *Щитников Ф. В.* Раскопки в Лужском уезде, рис. 2.
- ¹⁹ Любезное сообщение Г. Н. Пронина.
- ²⁰ *Щитников Ф. В.* Раскопки в Лужском уезде, № 12.
- ²¹ Могильник Пекуново, курган 7, раскопки К. И. Комарова 1971 г.
- ²² *Архинов Г. А.* Древнемарийский женский костюм IX—XI вв. — В кн.: Вопросы истории, археологии и этнографии мари. Йошкар-Ола, 1961, с. 132.
- ²³ *Спицын А. А.* Предполагаемые древности Черной Руси. — ЗРАО, 1899, XI, 1-2, с. 309.

В. А. ЛАПШИН

РАННЯЯ ДАТА ВЛАДИМИРСКИХ КУРГАНОВ

После опубликования работы А. А. Спицына¹ название «Владимирские курганы» утвердилось за группой могильников, раскопанных в 1851—1854 гг. на территории Владимирской и Ярославской губерний А. С. Уваровым и П. С. Савельевым при участии К. Н. Тихонравова, А. Пискарева, Н. Медведева, В. Аляева². Раскопками были охвачены центральные районы Северо-Восточной Руси: Суздальское Ополе и побережье озер Неро и Плещеево.

Первостепенное значение для реконструкции социальных и этнических процессов, протекавших в данном регионе, имеют вопросы хронологии. А. А. Спицын выделил из коллекции Владимирских курганов ряд вещей неясного происхождения, датировав их VIII—IX вв. Основную часть инвентаря он разделил на две группы — X и XI—XII вв., курганы суммарно датировал X—XII вв., а начало древнерусской колонизации этого района отнес к IX в.³ Е. И. Горюнова датировала раннюю часть Владимирских курганов — могильники, включающие погребения по обряду трупосожжения, X—началом XI в.⁴

Мы попытались уточнить раннюю хронологическую границу Владимирских курганов. Предпринятая работа встретила с некоторыми трудностями.

1. Большое количество безынвентарных погребений (около половины комплексов) лишает категоричности любые связанные с хронологией выводы.

2. Коллекция Владимирских курганов в значительной степени депаспортизована. Нам удалось полностью или частично восстановить 800 курганных комплексов, что составляет 10% от общего числа раскопанных курганов или около 25% от числа погребений, инвентарь которых позволил бы датировать их с точностью до 100—150 лет в том случае, если бы он не был депаспортизован.

3. Инвентарь восстановленных комплексов с трупосожжениями датируется X в., X—XI вв. или еще в более широких пределах.

Более подробную хронологию могут наметить относительно немногочисленные погребения с монетами и со скандинавскими украшениями, типология которых хорошо разработана⁵.

Скандинавские украшения во Владимирских курганах в основном представлены серией скорлупообразных фибул. Они, судя по дневникам раскопок, найдены в 15 погребениях в составе восьми курганных групп. В шести погребениях встречено по две фибулы, а в девяти — по одной. Известны типы фибул из восьми комплексов.

В двух погребениях (Весь, курган 4; Веськово, курган 830) найдены овальные двускорлупные ажурные фибулы типа 51b по Я. Петерсену⁶. Этот тип датирован второй четвертью X в.⁷ В кургане 4 у с. Весь фибулы найдены при труположении. В четырех погребениях (Большая Брембола, курган 1460, погребения 1 и 2; курган 1488; Веськово, курган 955) найдены фибулы типа 51c, датируемые второй половиной X в.⁸ В кургане 60 (труположение) у с. Весь и кургане 140 (обряд неясен) у с. Васильки обнаружены фибулы типа 55, бытовавшие во второй половине X—начале XI в.⁹ В четырех трупосожжениях¹⁰, судя по описанию, сохранились только неопределимые обломки фибул. Три комплекса со скорлупообразными фибулами¹¹ восстановить не удалось, но среди депаспортизованного материала находятся четыре фибулы, которые можно связать с ними. Одна из фибул — типа 48a, датируемого второй четвертью X в.¹², две — типа 51b и одна — типа 51c. Две круглые фибулы типов 116 и 117 из Владимирских курганов датируются второй половиной X в.¹³

Датировка фибул разработана для памятников Северной Европы. П. Паульсен утверждает, что даты фибул, найденных в Скандинавии и за ее пределами, совпадают¹⁴. По-видимому, в пользу одновременного бытования определенных типов украшений в Скандинавии и на Руси может свидетельствовать только комплекс вещей, встречающихся в погребениях и Северной, и Восточной Европы. Такой комплекс вещей северного происхождения найден в кургане 1460 у с. Большая Брембола. Здесь при трупосожжении обнаружены две скорлупообразные фибулы (тип 51c, вторая половина X в.), круглая фибула (тип 117, вторая половина X в.) и ладьевидный шарнирный браслет.

Во Владимирских курганах имеется около 130 погребений, сопровождаемых монетами. Депаспортизована половина комплексов. Все куфические монеты, кроме двух, чеканены в X в. Составляющие исключения монеты 772 и 790 гг. происходят из курганов у с. Городище Переяславского уезда. Первая найдена в кургане 1995 в комплексе XI в., вторая — депаспортизована. Монеты, чеканенные в первой половине X в., либо старшие в комплексах, либо употреблены в качестве подвесок. Младшие монеты чеканены в 960—980-х годах. При труположениях, как правило, встречаются куфические монеты, использованные как подвески. Среди западноевропейских монет самая старшая — Генриха I (919—936), чеканенная в Баварии.

Важно отметить близость годов чеканки восточных и западноевропейских монет, найденных в одних комплексах. Например, в кургане 749 у с. Кобанское встречены две куфические монеты, младшая из которых чеканена в 973 г., и монета Оттона I (936—973).

В погребении кургана 60 у с. Весь найдены скорлупообразные фибулы (тип 55, конец X—начало XI в.) и комплекс монет, датируемый 1000 г.¹⁵: 23 куфические монеты, чеканенные между 900 и 987 гг., и

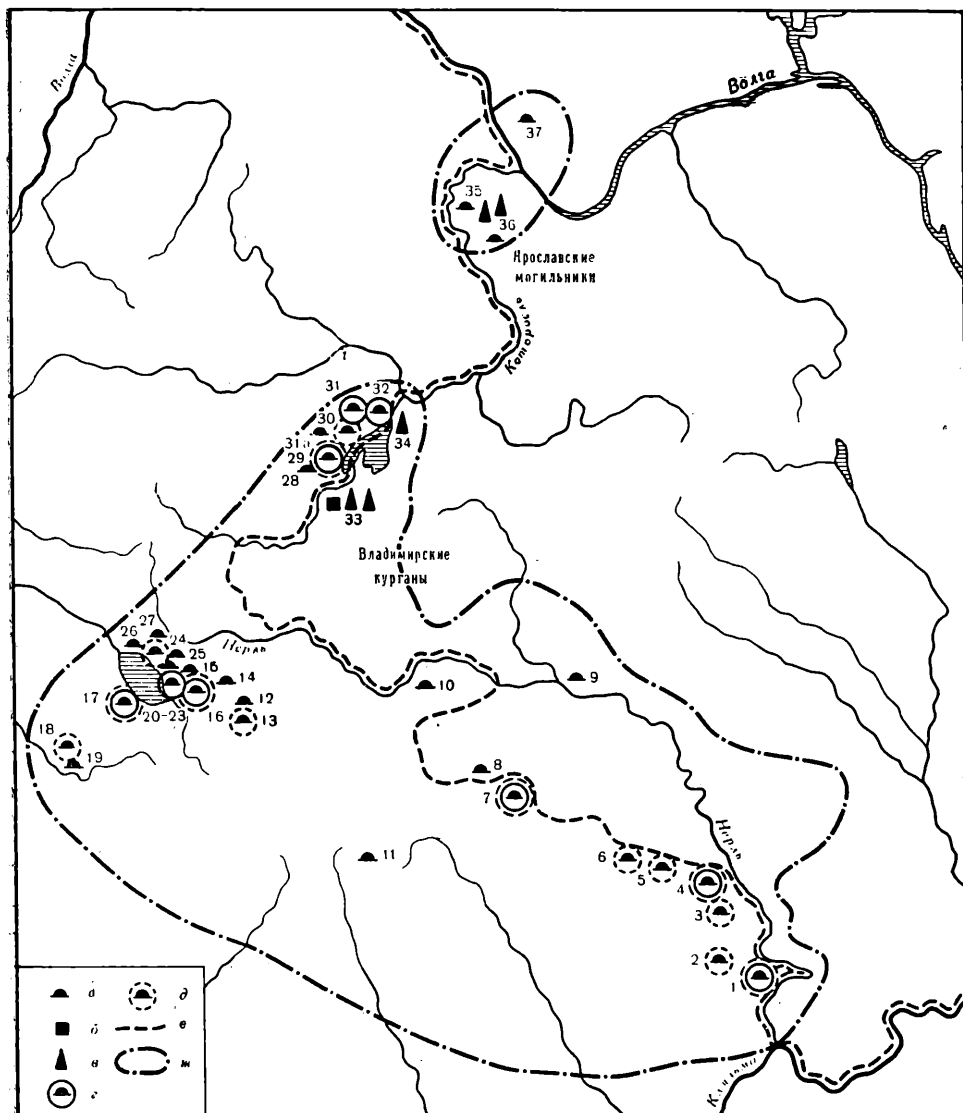

Рис. Владимирские курганы X в.

а — курганные могильники с трупосожжениями; б — городища; в — клады куфических монет IX в.; г — комплексы со скандинавскими украшениями; д — комплексы с монетами; е — Волжский путь; ж — ареалы владимирских и ярославских курганов

1 — Васильки; 2 — Гнездилово (средняя группа); 3 — Сельцо; 4 — Вель; 5 — Шокшово; 6 — Шелебово; 7 — Кубаево; 8 — Вески; 9 — Милославль; 10 — Радованье; 11 — Плоская; 12 — Дубровицы; 13 — Кобанское; 14 — Малая Брембола; 15 — Большая Брембола (Княжи); 16 — Большая Брембола (Круглицы); 17 — Вельское (группа на горе Гремяч); 18 — Осипова Пустынь, группа 1; 19 — Осипова Пустынь, группа 2; 20—23 — Городище, группы С, Е, F, G; 24 — Городище-Криушкина, группа 1; 25 — Городище-Криушкина, группа 3; 26 — Криушкина, группа 1; 27 — Криушкина, группа 2; 28 — Кустерь, группа 1; 29 — Кустерь, группа 2; 30 — Шуркала; 31 — Щугарь; 31а — Богослово; 32 — Шулец; 33 — Сарское городище; 34 — Угодичи; 35 — Тимерево; 36 — Петровское; 37 — Михайловское

монета Болеслава Богемского. Сочетание в погребении фибул и монет позволяет использовать их для датировки комплексов.

Возникает вопрос, можно ли датировать возникновение курганных могильников только временем появления привозных украшений и монет. Кажется, в данном случае на этот вопрос можно ответить утвердительно. Наиболее ранние курганные могильники возникли вдоль Волжского пути, который проходил с верхней Волги по Которосли, через озеро

Неро, по Саре (притоку Нерли Клязьменской), по самой Нерли, Клязьме, Оке (рис.)¹⁶. Ближайшей к Владимирским курганам группой памятников IX—XI вв. на этом пути являются ярославские курганные могильники. В их погребениях встречены односторонние непрорезные фибулы типа 37¹⁷, вещи северного происхождения, датируемые IX—X вв.¹⁸ Комплекс дополняется двумя кладами куфических монет, зарытых в IX в.¹⁹ Клады куфических монет, зарытые в первой трети IX в., найдены в районе оз. Неро (Угодичи; Сарское городище, находки 1854 и 1930 гг.²⁰). Некоторые вещи с Сарского городища (топор, близкий к типу С по Я. Петерсену, равноплечная фибула, булавка) находят аналогии в погребениях второй половины IX—первой половины X в. могильника Бирки²¹. Среди костяных изделий этого памятника встречаются односторонние гребни (группы I по классификации О. И. Давидан), имеющие аналогии в Старой Ладогe и Северной Европе²².

Таким образом, ареал Владимирских курганов благодаря Волжскому пути с IX в. был связан с транзитной торговлей. Отсутствие в курганах привозных вещей IX—первой половины X в. позволяет считать наиболее вероятным временем появления первых погребальных насыпей здесь вторую четверть — середину X в.

¹ Спицын А. А. Владимирские курганы. — ИАК, 1905, 15, с. 84—172.

² Дневники раскопок хранятся в Отделе письменных источников ГИМ (ф. 17, д. 209, 210, 211) и архиве ЛОИА (ф. 8, д. 2, 4, 5); коллекции — в ГИМ (колл. № 54746 и 55421) и в МАЭ (колл. № 97).

³ Спицын А. А. Владимирские курганы, с. 167.

⁴ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. — МИА, 1961, 94, с. 192.

⁵ Petersen J. Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928; Paulsen P. Studien zur Wikinger Kultur. Neumünster, 1933.

⁶ Petersen J. Vikingetidens smykker, s. 58.

⁷ Paulsen P. Studien zur Wikinger Kultur, S. 68.

⁸ Petersen J. Vikingetidens smykker, s. 58; Paulsen P. Studien Wikinger Kultur, S. 70.

⁹ Petersen J. Vikingetidens smykker, s. 72; Paulsen P. Studien zur Wikinger Kultur, S. 74.

¹⁰ Богослово, курганы 4 и 6; Кустерь, группа II, курган 42; Васильки, курган 137.

¹¹ Большая Брембола, курган 1491; Васильки, курган 224; Кубаево, курган 19.

¹² Petersen J. Vikingetidens smykker,

s. 55; Paulsen P. Studien zur Wikinger Kultur, S. 39.

¹³ Petersen J. Vikingetidens smykker; Norge. Stavanger, 1955, s. 41.

¹⁴ Paulsen P. Studien zur Wikinger Kultur, S. 70.

¹⁵ Погин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968, с. 190.

¹⁶ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, с. 174.

¹⁷ Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 82.

¹⁸ Дубов И. В. Новые раскопки Тимерева могильного. — КСИА, 1976, 146, с. 82—86.

¹⁹ Добровольский И. Г., Дубов И. В. Комплекс памятников у д. Большое Тимерево под Ярославлем. — Вестник ЛГУ, 1975, 2, с. 65—70.

²⁰ Кропоткин В. В. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе. — В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 113.

²¹ Леонтьев А. К. Сарское городище в истории Ростовской земли (VIII—XI вв.). Автореф. канд. дис. М., 1975, с. 8, 9.

²² Эдинг Д. Сарское городище. Ростов, 1928, табл. IV, 9; Давидан О. И. Гребни Старой Ладогe. — АСГЭ, 1962, 4, с. 98—108.

И. В. ДУБОВ

МИКРОТОПОГРАФИЯ ЯРОСЛАВСКИХ МОГИЛЬНИКОВ

Изучение топографии средневековых археологических комплексов — поселений и могильников — имеет большое значение для выяснения ряда вопросов исторического процесса. Тщательное исследование топографических особенностей памятников, выявление динамики их развития, взаимосвязей, закономерностей и исключений позволяют успешно

решать проблемы хронологии, этнической и социальной структуры комплексов. Важнейшим условием таких исследований является максимальное знание памятника и его материалов, включая прежде всего достаточно полную полевую изученность.

В Ярославском Поволжье к наиболее интересным средневековым памятникам относятся Тимеревский и Петровский могильники. (К сожалению, нет возможности привлечь для изучения данной темы Михайловский некрополь ввиду отсутствия единого сводного плана.) Материалы Тимеревского и Петровского поселений пока недостаточно обработаны, и сейчас можно ограничиться лишь общими замечаниями о взаимосвязи в расположении могильников и поселений в данных комплексах. Тимеревские и Петровские курганы достаточно полно раскопаны¹, а новые исследования Тимеревского могильника существенно дополняют наши знания о нем, но привлечение этих материалов возможно только после их полной публикации².

Топографические особенности Тимеревского могильника отмечались с того времени, как он стал известен исследователям. Ярославский краевед В. И. Лествидын указывал на разные по размерам группы курганов в составе этого некрополя³.

Значительное внимание топографии Тимеревского и Михайловского могильников уделила Я. В. Станкевич, которая считала, что в топографии памятников отразилось хронологическое развитие. Она четко сформулировала свою позицию: «Древнейшие курганы обоих пунктов, сохранившие сожжения, занимают возвышенные части местности, вокруг которых нарастали курганы более позднего времени. На Михайловском могильнике древнейшей является его северо-восточная часть: в дальнейшем могильник разрастался в юго-западном направлении. На Тимеревском могильнике более древние курганы расположены по возвышенной гряде, тянущейся по центральной части могильника с северо-востока на юго-запад»⁴.

В дальнейшем эти заключения были отвергнуты и не приняты во внимание новыми исследователями ярославских курганов. М. В. Фехнер, исходя из посылки, что Тимеревский могильник был некрополем нескольких деревень и первоначально делился на несколько маленьких кладбищ, приходит к выводу, что ранние курганы разбросаны в разных его частях и расчленить его на отдельные части невозможно⁵. То же самое говорится и в отношении Петровского могильника⁶. Однако в обоих случаях определяется место поздних курганов с трупосожжениями.

Таким образом, вплоть до настоящего времени вопросы микротопографии ярославских могильников не получили достаточного освещения и объяснения. В результате появления новых материалов и анализа уже известных данных возникла возможность подтвердить выводы Я. В. Станкевич о хронологической основе топографии данных могильников и уточнить хронологию и топографию Тимеревского и Петровского некрополей. Это позволяет выявить направления и особенности роста этих некрополей.

В итоге изучения хронологии ярославских курганов выделены ведущие признаки для разных периодов существования могильников. Они позволяют относить курганы к тому или иному хронологическому пласту.

Для первой группы могильников (IX—первая половина X в.) характерны следующие признаки: помещение кальцинированных человеческих костей кучкой или в разбросанном виде на материке или в насыпи — трупосожжение на стороне; лепная керамика; кости жертвенных животных; каменные конструкции; бедность погребального инвентаря; минимальные размеры насыпей (средний диаметр 7 м; высота 0,7 м). В Тимеревском могильнике в эту серию входят 69 насыпей (19,7% от общего числа датируемых), в Петровском — 15 (12,6%). В Тимереве эта серия погребений топографически выделяется в группу, составляющую древнейшее «ядро» некрополя. Это курганы, вытянутые

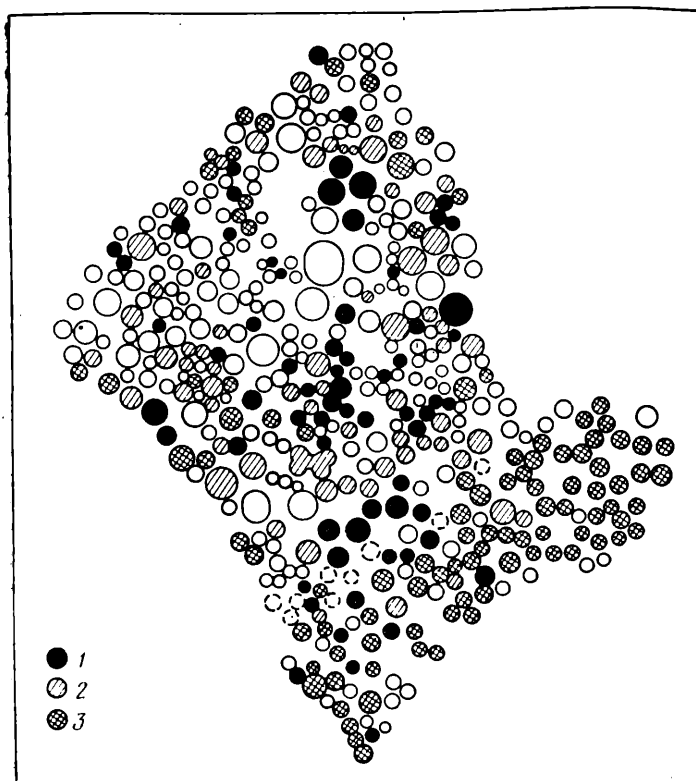
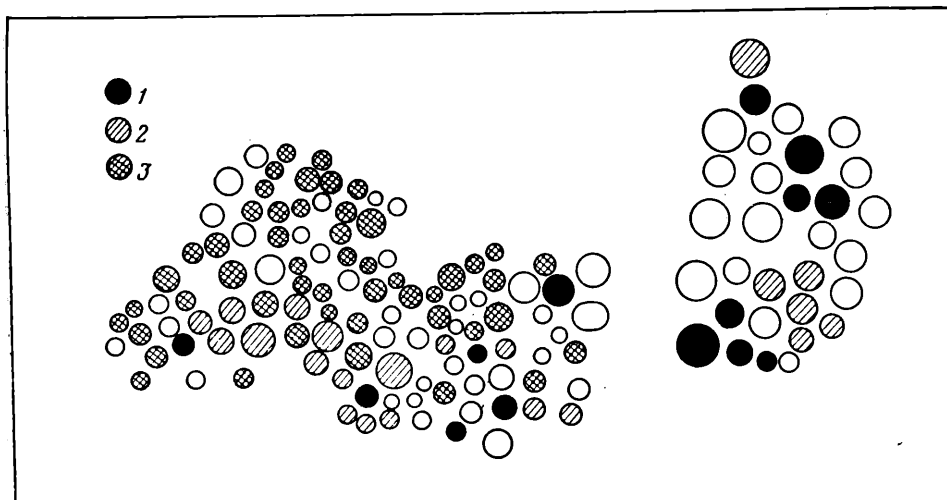

Рис. 1. Тимеревский могильник

1 — курганы IX—первой половины X в.;
2 — курганы середины X в.;
3 — курганы второй половины X—начала XI в.

Рис. 2. Петровский могильник

1 — курганы IX—первой половины X в.;
2 — курганы середины X в.;
3 — курганы второй половины X—начала XI в.

цепочкой с севера на юг через центральную часть могильника, причем основная их концентрация наблюдается в центре некрополя (рис. 1). В Петровском древнейшие курганы концентрируются главным образом в восточной части некрополя (рис. 2)⁷.

Вторая группа объединяет курганы середины X в. Для них характерны погребения по обряду трупосожжения на месте — под насыпями выявлены кострища и остатки сгоревших деревянных конструкций и камней. Курганы середины X в. достигают самых больших размеров. В Тимеревском и Петровском могильниках они составляют основную часть некрополей. На их долю приходится большинство насыпей с импортными вещами и оружием. Именно в то время особенно многообразны варианты обряда, а погребальный инвентарь разнообразен и богат. В Ти-

меревском могильнике к этому периоду относятся 69 насыпей (19,7%), а в Петровском — 24 (20%). В Тимереве курганы середины X в. занимают все поле могильника, кроме юго-восточной части (рис. 1). В Петровском — часть курганов середины X в. располагается в восточной группе, где встречены, кроме них, только насыпи IX—первой половины X в., а остальные занимают юго-западную окраину основного скопления насыпей, составляя там довольно компактную группу (рис. 2).

В конце X в. в ярославских могильниках на смену обряду кремации приходит обряд ингумации, но сохраняются и отдельные погребения по обряду трупосожжения. В Тимеревском могильнике к этой серии относятся 90 комплексов (более 25%), а в Петровском — 49 (39,4%). Такие курганы в Тимереве четко локализируются в юго-восточной части некрополя и составляют там довольно замкнутую группу (рис. 2). В Петровском они занимают северную окраину основной группы насыпей (рис. 2). Таким образом, в обоих могильниках определенно выявляются поздние части.

Топографические наблюдения, проведенные на материалах двух могильников, позволяют сделать вывод, что в основе микротопографии могильников лежат хронологические изменения. Хронологическое развитие отражает все изменения в структуре некрополей. Следующим этапом исследования должно стать аналогичное изучение топографии поселений и их соотношения с могильниками.

¹ Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963.

² Мальм В. А., Недошвина Н. Г., Полякова Г. Ф., Фезнер М. В. Тимеревский могильник близ Ярославля. — АО 1974 г. М., 1975, с. 67, 68.

³ Лествицын В. И. От Ярославля до Москвы. Поездка на съезд археологов, или древнелюбителей. Ярославль, 1869, с. 17.

⁴ Станкевич Я. В. К вопросу об этническом составе населения Ярослав-

ского Поволжья в IX—X ст. — МИА, 1941, 6, с. 60.

⁵ Фезнер М. В. Тимеревский могильник. — В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 8.

⁶ Фезнер М. В. Петровский могильник. — В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 20—23.

⁷ Дубов И. В. Ярославское Поволжье в IX столетии. — Вестник ЛГУ, 1976, 14, с. 60—66.

А. И. САКСА

ДРЕВНОСТИ КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА (по материалам Карельских могильников)

На территории нынешнего Приозерского р-на Ленинградской обл. в 80-х годах прошлого века финским археологом Теодором Швиндтом были раскопаны пять грунтовых могильников, которые относятся, по принятой в финской археологии периодизации, к эпохе крестовых походов (XII—XIV вв.). Они вошли в научный обиход как Карельские (Кексгольмские) грунтовые могильники.

Карельские могильники остаются пока единственными памятниками, по материалам которых можно изучать сельское население Карельского перешейка развитого средневековья. Это кладбища с небольшим (от четырех до 14) количеством могил. Расположены они по берегам рек и озер, на склонах небольших песчаных холмов в нижнем течении р. Вуокса. К моменту их раскопок могилы не имели никаких внешних признаков. Большинство могильников оказалось на обрабатываемых полях, и от этого часть могил была потревожена.

Материалы найденных могильников опубликованы Теодором Швиндтом в 1893 г.¹ Он остается единственным исследователем этих памятников. Во всех позднейших работах использованы уже известные материалы Т. Швиндта. В основном эти работы посвящены отдельным кате-

гориям вещей. Так, Х. Аппельгрэн² и в наше время Х. Вуолиеки³ темой своих исследований избрали топоры финского железного века. В результате был систематизирован имеющийся материал, выделены типы, дано их хронологическое определение. Найденные в Карельских могильниках топоры упоминаются и в работе западногерманского археолога П. Паулсена⁴. Предложенная им датировка (1150—1250 гг.) не расходится с хронологическими определениями упомянутых авторов.

Внимание многих исследователей привлекают украшения из Карельских грунтовых могильников. Черепаховидные фибулы стали предметом специальных работ Ю. Айлио⁵, О. Хальстрема⁶ и П.-Л. Лехтосало-Хиландер⁷. В результате были выделены 11 типов фибул, прослежены происхождение и развитие некоторых из них. О. Хальстрем отметил различия между типами и выделил две большие группы — западную и восточную. Фибулы обеих групп различаются по размерам («восточные» крупнее) и хронологически («западные» датируются XI в., а «восточные» — XII—XIII вв.). Фибулы восточной группы найдены почти исключительно в восточной Финляндии, а фибулы западной группы — в западной (соотношение 12 : 163).

П.-Л. Лехтосало-Хиландер обратилась к группе фибул с так называемым ракообразным орнаментом (тип Н по Ю. Айлио). Основываясь на различном соотношении длины и ширины фибул, исследовательница выделяет две большие группы — I (ширина составляет 55—57% длины фибулы) и II (соответственно 59—61%). Каждая группа подразделяется на три подгруппы (А, В, С). Фибулы группы I датируются XI—началом XII в., группы II — XII—началом XIII в.⁸

Подковообразным фибулам посвящена работа Х. Сальмо⁹. Среди всех финских фибул железного века он выделил две карельские группы — плоские с рантом и с выпуклой дугой — и датировал обе группы 1100—1250 гг. Карельские украшения были подвергнуты детальному анализу в монографии К. Нордмана¹⁰. Становление карельской культуры он рассматривает как результат различных влияний с запада (Готланд) и с востока (Новгород, Византия). Время существования карельской культуры К. Нордман относит к XII—XIII вв. Инвентарь из Карельских грунтовых могильников включен в атлас Е. Кивикоски, посвященный древностям железного века Финляндии¹¹.

Карельские могильники привлекали внимание и советских исследователей. В разное время к ним обращались В. И. Равдоникас¹², Х. А. Мора¹³, С. И. Кочуркина¹⁴, которых главным образом занимали проблемы социально-экономической интерпретации¹⁵.

Обратимся теперь к самим могильникам. Как уже было сказано, полагаются они по берегам рек и озер, на склонах небольших песчаных холмов. Все погребения грунтовые. Большая часть могил (33 из 35) — погребения, совершенные по обряду трупоположения. Только в двух случаях погребения совершены по обряду кремации. Инвентарь могил с сожжениями не отличается от вещей, сопровождавших погребения с костяками. Характерным признаком Карельских грунтовых могильников являются деревянные обкладки в погребениях и каменные вымостки над могилами. Наряду с одиночными погребениями встречаются и коллективные (до четырех человек внутри одного сруба).

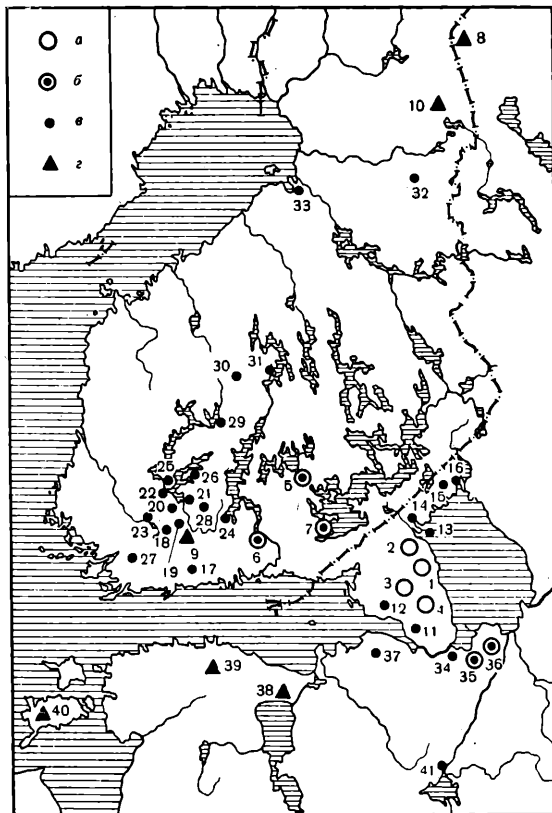
В могилу клали умершего в полном праздничном убранстве. Для мужских погребений характерны поясные наборы, кольцевые шейные фибулы, огнива, ножи и оружие. В некоторых случаях погребениям сопутствуют орудия труда — топоры, молотки, щипцы, пробойники.

Среди вещей из женских погребений в первую очередь нужно выделить металлические принадлежности убора. Эти изделия типичны для погребального инвентаря памятников, которые исследователи считают бесспорно карельскими, и определяют их своеобразие. К ним относятся серебряные застёжки для волос — сукеро, круглые шейные застёжки, шейные ленты с металлическими накладками, определенные типы черепаховидных и подковообразных фибул, крестообразные ажурные и спи-

Рис. Распространение характерных карельских форм украшений

a — карельские грунтовые могильники; *b* — комплексы, в которых карельские вещи преобладают; *в* — отдельные находки карельских вещей; *г* — клады, включающие вещи карельских типов

1 — Суотниemi; 2 — Каукола; 3 — Ховинсаари; 4 — Лапинлахти; 5 — Тууккала; 6 — Настола; 7 — Каускила; 8 — Салла; 9 — Янаккала; 10 — Куусамо; 11 — Раугу; 12 — Муола; 13 — Хийтола; 14 — Куркиеки; 15 — Яаккима; 16 — Сортавала; 17 — Туусула; 18 — Тюрванто; 19 — Калвола; 20 — Хаттула; 21 — Хаухо; 22 — Сяксмяки; 23 — Урьяла; 24 — Холлола; 25 — Акаа; 26 — Падасеки; 27 — Пернио; 28 — Туулос; 29 — Теуся; 30 — Кивиярви; 31 — Виитасаари; 32 — Суомуссалми; 33 — Кемпеле; 34 — Оршек; 35 — Мышкино; 36 — Пуниши; 37 — Ижорское плато: Волковичи, Гатчина, Ямбург (Кингисепп); 38 — Мязгагузе; 39 — Тырма; 40 — Саарема; 41 — Новгород

релевидные цепедержатели, Ф-образные пронизки, цепочки, ножи с плетеным узором на рукоятки и ножнах, копоушки и различные подвески¹⁶. Все эти вещи в комплексе характерны для убора карельских женщин XII—XIV вв. Но все ли эти вещи по происхождению карельские? На этот вопрос не существует пока исчерпывающего ответа. В литературе к типично карельским формам относят практически все перечисленные выше предметы.

Попробуем определить характер и динамику связей населения Карельского перешейка с населением соседних территорий, используя для этой цели основные категории женских украшений, весь комплекс нагрудных украшений.

Вещи, характерные для женских погребений, встречаются прежде всего по всей территории восточной Финляндии (рис.). В могильниках Тууккала¹⁷, Настола¹⁸ и Каускила¹⁹ они преобладают в составе инвентаря погребений (составляют самостоятельный убор). В других частях Финляндии это — вещи из кладов (Салла, Янаккала, Куусамо) или отдельные находки (Туусула, Тюрванто, Холлола, Руоколаhti, Акаа, Падасеки, Яаккима, Кемпеле, Соданкюля, Муола, Виитасаари, Кивиярви, Суомуссалми, Пернио, Урьяла, Сяксмяки, Хаухо, Теуся, Туулос, Хаттула)²⁰.

Таким образом, область распространения карельских вещей в восточной Финляндии, т. е. за пределами собственно Карельского перешейка, можно разделить на два района. К первому району можно отнести область Саво и восточные районы восточной Финляндии (могильники Тууккала, Настола и Каускила (рис., 5—7). Здесь большая часть вещей, аналогичных карельским, найдена в погребениях, где они являются элементами праздничного женского убора. В то же время погребальный обряд в этих могильниках отличается от карельского. Здесь нет характерных срубов и каменных вымоеток. Отличен от карельского и характер орнаментации некоторых категорий погребального инвентаря, хотя по

форме вещи совершенно аналогичны вещам из Карельских могильников. Если для памятников Карельского перешейка характерен растительный орнамент, то для памятников этого района восточной Финляндии — плетеный линейный (особенно в могильнике Тууккала)²¹. Можно предположить, что перечисленные памятники были могильниками пограничных поселений, где пришлое карельское население смешалось с местным. Этим и могут объясняться некоторые отличия от карельского материала.

Второй район — область Хяме, где вещи карельских типов, если и встречаются в погребениях, то не составляют самостоятельного убора. Большой частью это отдельные находки (рис., 17—31). Можно считать, что местное население было знакомо с карельским убором и в некоторых случаях предпочитало карельские вещи своим собственным. Данный район можно назвать зоной влияния карельской культуры. Непосредственного переселения сюда, видимо, не произошло. Далее, в западной Финляндии, карельских вещей почти нет. Для сравнения отметим, что в западной Финляндии не найдено ни одного крестообразного цеподержателя, а в Саво и Карелии — около 70. Бронзовых Ф-образных пронизок найдено соответственно две и 63, а украшенных растительным орнаментом копоушек — одна и 32²².

Еще один район находок карельских вещей — северная Финляндия. Здесь карельские вещи встречаются преимущественно вкладах и представлены изделиями из серебра (рис., 8, 10). Видимо, они попали сюда через посредство карельских купцов — торговцев мехами. Как установлено по письменным источникам, карелы выступали посредниками в торговле Новгорода с богатыми пушшиной северными районами Финляндии. Кроме того, известен торговый путь из Корелы в Оулу, описание которого сохранилось в записи XVI в.²³ По этому пути фиксируются находки начиная с эпохи викингов. Всего известно около 30 находок предметов железного века вдоль этого пути.

Кроме территории Финляндии и Карельского перешейка, карельские вещи встречаются на южном побережье Ладожского озера. Здесь, у д. Мышкино в б. Шлиссельбургском уезде²⁴ и близ д. Пуниши на левом берегу р. Волхов²⁵, встречено по одному погребальному комплексу, где вещи карельских типов входят в состав женского убора. Надо думать, что это — захоронения ижоры — родственного карелам племени (рис., 35, 36). Ближайший южный район по отношению к Карельскому перешейку — Ижорское плато. И здесь среди курганного инвентаря известны вещи, которые очень близки карельским²⁶. К ним относятся подковообразные фибулы с характерным растительным орнаментом, цеподержатели очковидной формы. Подобных вещей на плато немного. Они сосредоточены в северо-западных районах плато и могли попасть сюда через посредство личных контактов между корелой и ижорой (рис., 37). Эта территория граничит с областями расселения названных племен.

Вещи, аналогичные карельским, найдены и в Прибалтике. Но здесь перед нами предстает довольно сложная картина. К примеру, праздничный женский набор у ливов схож с карельским²⁷. Как и карельский, ливский убор включает черепаховидные фибулы, цеподержатели, цепочки и др. Правда, по форме они отличаются от карельских. Но некоторые типы черепаховидных фибул (с плетеным орнаментом) аналогичны карельским и отличаются только по размерам.

В Эстонии, вкладах на острове Сааремаа и в Вирумаа (северная Эстония) (рис., 38—40), найдено значительное количество подковообразных фибул, по форме очень похожих на карельские, но зачастую не имеющих орнамента на дужке²⁸. В Мяэтагудском и Тырмасскомкладах найдены подковообразные фибулы, и по форме, и по орнаменту аналогичные карельским²⁹. Надо думать, что они изготовлены руками карельских ремесленников. Карелы в XIV—XV вв. часто приезжали в Таллин и другие торговые пункты северной Эстонии покупать хлеб³⁰. Вероятно, в Эстонию в обмен на хлеб поступало карельское серебро. Большинство вещей, аналогичных карельским, найдено в Прибалтике в составе кладов

и в пунктах, расположенных на торговых путях, идущих в Западную и Восточную Европу (рис.).

В Восточной Европе, достаточно далеко от Карельского перешейка, есть пункт, где карельские вещи найдены в погребении в составе женского убора. В костромских курганах при раскопках у д. Пьянково найдено погребение женщины (погребение 3) в характерном для Карельских грунтовых могильников уборе³¹.

Вещи, типичные для Карельских грунтовых могильников, найдены и в Новгороде. К ним относятся черепаховидные фибулы, ножи с ножнами и бронзовыми рукоятями, очковидные цепедержатели простой и сложной формы, Ф-образные пронизки³². На Неревском раскопе, на территории усадьбы Е, наряду с вещами типа карельских (ножи с орнаментированными ножнами и бронзовыми рукоятями) найдена и грамота на карельском языке³³. Как установлено, владельцы усадьбы были тесно связаны с Карелией. Большинство находок, вещей, характерных для Карельских грунтовых могильников, в Новгороде относится к слоям XII в. и особенно XIII в., т. е. именно ко времени расцвета карельской культуры. Тот факт, что для новгородских слоев конца XII—XIII в. находки карельских вещей обычны, говорит об оживленных связях с населением Карельского перешейка.

В свою очередь в инвентаре Карельских грунтовых могильников есть предметы, попавшие сюда из Новгорода. К ним можно отнести часть круглых шейных фибул, переделанных из брактеатов, «скандинавские» крестики, зооморфные подвески, Ф-образные пронизки и др. Не исключена возможность, что некоторые типично карельские вещи изготовлялись в Новгороде новгородскими ремесленниками. Речь идет о предметах с плетеным орнаментом, который широко использовался новгородскими ремесленниками³⁴. К этим предметам в инвентаре Карельских грунтовых могильников следует отнести орнаментированные изделия из бересты, бронзовые рукоятки ножей с плетеным орнаментом, найденные в значительном количестве и в новгородских слоях. Интересна находка наколочника ножен меча в Тихвинском раскопе (1969 г., пласт 16, квадрат 48), по периметру которого идет орнамент, совершенно аналогичный растительному орнаменту на карельских плоских пластинчатых фибулах.

Возможно, к предметам, изготовленным в Новгороде, относятся и некоторые типы оружия и орудий труда. Дальнейшие исследования, несомненно, принесут новые факты, подтверждающие существование тесных связей между Новгородом и Карелией.

Таким образом, на Карельском перешейке в XII—XIV вв. развивалась яркая и самобытная культура, материальные остатки которой можно найти не только на основной ее территории, но и в Финляндии, юго-восточной Прибалтике и других более отдаленных областях.

¹ *Schwindt T.* Tietoja Karjalan rautakaudesta. — SMYA, 13, 1893.

² *Appelgren H.* Suomen kirvet pakanuuden aikana. — SM, 1897, 4, s. 17.

³ *Vuolijoki H.* Suomen rautakauden silmäkirvet. Helsinki, 1972.

⁴ *Paulsen P.* Axt und Kreuz in Nord- und Osteuropa. Bonn, 1956.

⁵ *Allio J.* Karialaiset soikeat kupurasoljet. — SMYA, 1922, 32, 3.

⁶ *Hällström O.* Lisiä suomalaisten soikeiden kupurasolkien syntyhistoriaan. — SM, 1948, 65, s. 45.

⁷ *Lehtosalo P.-L.* Rapukoristeisten solkien ajoituksesta. — SM, 1966, 73, s. 22.

⁸ *Ibid.*, s. 25, 28, 39.

⁹ *Salmo H.* Finnische Hufeisenfibeln. — SMYA, 1956, 56.

¹⁰ *Nordman C. A.* Karelska järnåldersstudier. — SMYA, 1924, 34, 3.

¹¹ *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973.

¹² *Равдоникас В. И.* Проблемы изучения культур эпохи металла в Карелии. — В кн.: Карелия. Ежегодник Карельского государственного музея за 1928 г. Петрозаводск, 1930; *Он же.* О возникновении феодализма в Карелии. — Карело-Мурманский край, 1931, № 3-4; *Он же.* Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-западном Приладожье. — ИГАИМК, 1939, 94; *Он же.* Археологические памятники западной части Карело-Финской ССР. — КСИИМК, 1940, VII.

¹³ *Моора Х. А.* Вопросы сложения эстонского и некоторых соседних народов в свете данных археологии. — В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956.

¹⁴ *Кочкуркина С. И.* Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973; *Она же.* Территория летописной ко-

- релы в XII—XIV вв. (по археологическим данным). — В кн.: Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск, 1978.
- ¹⁵ В рамках данной статьи мы вынуждены ограничиться кратким обзором сводных работ по интересующей нас теме. Более подробно разбор финляндской литературы, посвященной материалам карельских могильников, см.: *Кочуркина С. И.* Территория летописной корелы... Там же приведены комплексы с находками типичных карельских украшений в восточной Финляндии и на Карельском перешейке.
- ¹⁶ *Schwindt T.* Tietoja Karjalan rautakaudesta, s. 111—136.
- ¹⁷ *Heikel A. O.* Tuukkalan löytö. — SMYA, 1889, 10.
- ¹⁸ *Nordman C. A.* Karelska järnåldersstudier, s. 191; *Hällström O.* Lisiä suomalaisten..., s. 46.
- ¹⁹ *Salo U.* Lappeen Kauskilan varhaiskeltäiskäikainen kalmisto. — SM, 1957, 64, s. 35.
- ²⁰ В рамках данной статьи мы ограничиваемся только перечнем мест, где локализуются предметы, которые в литературе относят к характерным карельским формам. Комплексы с предметами карельских типов см.: *Кочуркина С. И.* Территория летописной корелы... Соответственно и на карте (рис.) мы указываем лишь места находок предметов, не определяя их по типам.
- ²¹ *Heikel A. O.* Tuukkalan löytö, s. 179—224.
- ²² *Hällström O.* Lisiä suomalaisten..., s. 50.
- ²³ *Lukkarinen J.* Eräs muinainen kulkutie Laatokan ja Oulunsuun välillä. — SM, 1917, 24.
- ²⁴ ОАК за 1904 г., с. 109.
- ²⁵ *Tallgren A. M.* The Prehistory of Ingria. — ESA, 1938, XII, fig. 21.
- ²⁶ *Спицын А. А.* Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. — МАР, 1896, 20, табл. X, 17; XVI, 91.
- ²⁷ *Bähr J.* Die Gräber der Liven. Dresden, 1850; *Tõnisson E.* Die Gauja-Liven und ihre materielle Kultur. Tallin, 1974.
- ²⁸ *Tõnisson E.* Eesti aardeleid 9—13 sajandist. — In: Muistsed Kalmed Jaarded, 1962, II, lk. 190, tahv. XVIII, lk. 235, 253, 260.
- ²⁹ *Hausman C. R.* Der Silberfund von Mehntack in Estland. — In: Baltische Studien zur Archäologie und Geschichte. Berlin, 1914, Taf. XIX.
- ³⁰ *Ahvenainen J.* Der Getreidehandel Livlands im Mittelalter. — Societas Scientiarum Fennica Commendationes Humanarum Litterarum, Helsinki, 1963, XXXIV, 2, s. 36 sqq.; *Моора Х., Луги Х.* Хозяйство и общественный строй народов Прибалтики в начале XIII в. (к вопросу о возникновении феодальных отношений). Таллин, 1969, с. 22.
- ³¹ *Трегьяков П. Н.* Костромские курганы. — ИГАИМК, 1931, т. X, вып. 6-7.
- ³² Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность коллективу Новгородской экспедиции за предоставленную возможность ознакомиться с описями предметов новгородских коллекций. Глубоко признателен М. В. Седовой за информацию о находках ювелирных изделий в Новгороде.
- ³³ *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... М., 1975, с. 69.
- ³⁴ *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Резное дерево. — САИ, 1971, вып. Е1-55.

А. В. ЧЕРНЕЦОВ

ОБ ИЗОБРАЖЕНИЯХ КЕНТАВРА, ОБНАЖАЮЩЕГО МЕЧ

Изображение крылатого коронованного кентавра, вынимающего меч из ножен, оттиснутое изнутри на дне ритуального сосуда (для елеса, оставшегося после соборования) из погребения в Московском Кремле, неоднократно издавалось (рис. 1, 1) ¹. Изображения кентавра, обнажающего меч, встречаются также на монетах XIV—XV вв. На городенской монете великого князя тверского Ивана Михайловича (1389—1425) иконография кентавра в короне с крыльями аналогична (рис. 1, 2, 3) ². На других монетах — Владимира Андреевича Серпуховского (1358—1410) ³, Бориса Александровича Тверского (1425—1461) ⁴ и Василия Михайловича Кашинского (ранее 1426) ⁵ — короны и крыльев у кентавра нет. Тем не менее сходная многозначительная поза объединяет все эти изображения в одну группу. Возможно, отсутствие короны и крыльев на некоторых монетах объясняется миниатюрностью изображений. Часть еще одного аналогичного изображения (видны голова в короне, характерное положение рук, схематизированное крыло, передняя нога и острие меча) обнаружена на украшенном штампованным орнаментом фрагменте

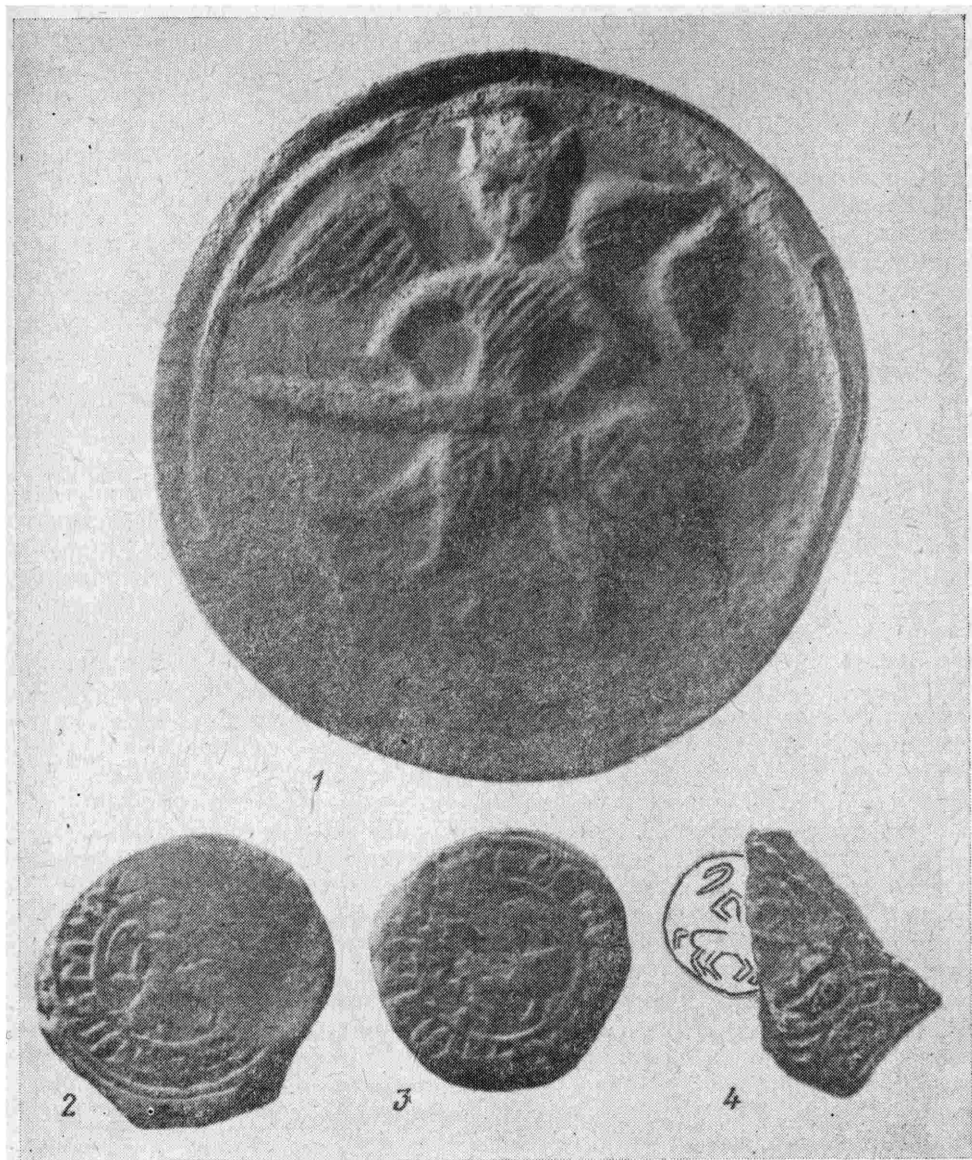

Рис. 1. Изображения кентавра, обнажающего меч

1, 4 — керамика; 2, 3 — городенские монеты великого князя тверского Ивана Михайловича (1 — увеличено в полтора раза; 2, 3 — в два раза; 4 — натуральная величина)

керамики XV—XVI вв. с Кунцевского городища (рис. 1, 4)⁶. Многочисленность подобных изображений на монетах и наличие одного из них на ритуальном сосуде, связанном с христианским культом, дают основание предполагать их важное значение. Вместе с тем символика образа (особенно — угрожающей позы кентавра) и его литературный источник не вполне ясны.

Древнерусские изображения кентавров и литературные произведения, с которыми они связаны, неоднократно привлекали внимание исследователей.⁷ По сравнению с образами других фантастических существ кентавр находит наиболее подробные и определенные соответствия в древнерусской литературе. Однако истолкование каждого отдельного изображения представляет значительные трудности.

Известно, что крылатый коронованный кентавр на золоченых дверях 1336 г. изображает известный литературный персонаж — апокрифиче-

ского Китовраса. Однако связывать с этим образом все изображения кентавров с коронами и крыльями нет достаточных оснований. В виде кентавров с коронами и крыльями в рукописи конца XVI в. изображена апокалиптическая саранча (рис. 2, 2)⁸. От Китовраса дверей 1336 г. ее отличает только хвост, заканчивающийся змеиной головой (вместо упоминающегося в тексте хвоста скорпиона). Крылья у существ, близко напоминающих кентавров, имеются и на миниатюрах, изображающих «дивих людей», побежденных Александром Македонским (рис. 2, 3)⁹.

Средневековая иконография тех или иных фантастических существ во многих случаях не отличается устойчивостью. Сходные изображения могут соответствовать разным литературным персонажам. Аллегорические изображения созвездия Стрельца далеко не всегда имеют вид кентавра¹⁰. Известны западноевропейские миниатюры и гравюры, на которых онокентавр (разновидность кентавра, фигурирующая в тексте Библии по переводу 70 толковников и Физиологе) представлен в виде человека с ослиной головой (1)¹¹.

Учитывая сложность интерпретации средневековых изображений фантастических существ, представляется весьма интересным сопоставить рассматриваемые изображения кентавров, обнажающих меч, с материями древнерусских миниатюр¹², в частности с одним изображением, имеющим вполне аналогичную иконографию (рис. 2, 1)¹³. Рукопись, в которой оно находится, точно датируется по двум записям, сделанным 28 января 1490 г. и 20 октября 1491 г. Это изображение давно известно исследователям¹⁴, однако до сих пор не сопоставлялось с изображениями на сосудах и монетах. Миниатюра не является в прямом смысле иллюстрацией к определенному месту рукописи, однако связана с ее контекстом, что облегчает истолкование сюжета. Рядом с изображением кентавра находится монограмма переписчика рукописи Ефросина.

Ефросин — монах-переписчик из Кирилло-Белозерского монастыря, рукой которого переписана значительная часть нескольких рукописей. Очевидно, состав этих рукописей-сборников определялся им самим. На обороте имеющейся в той же рукописи миниатюры с изображением Александра Македонского есть подпись, указывающая, что рисунок сделан художником для Ефросина, выступающего в роли заказчика. Рукописи Ефросина занимают особое место в древнерусской письменности. В них содержатся древнейшие списки Задонщины и Сказания о Дракуле воеводе. Состав этих сборников отражает энциклопедический характер интересов Ефросина со значительным светским элементом, возможным лишь в ту эпоху. Позднее, как указывает Я. С. Лурье, «жесткая унификация русской культуры» делает подобные явления уже невероятными¹⁵. Время деятельности Ефросина в истории церкви — это время возникновения и распространения новгородско-московской ереси. В Кирилло-Белозерском монастыре это также время борьбы группировок монахов и борьбы монастыря с его духовным начальством¹⁶. Ефросин, по-видимому, не был рядовым монахом — в одной приписке он упоминает, что выезжал куда-то на игуменство¹⁷.

Место изображения кентавра в рукописи не вносит полной ясности в вопрос о смысловом значении этого образа. В состав сборника входят апокрифические сказания, в том числе два варианта апокрифа о Соломоне и Китоврасе: один — представляющий собой почти дословный перевод из Талмуда, и другой — краткий, известный только в этой рукописи¹⁸. Однако изображение кентавра, обнажающего меч, находится в другой части рукописи, с ним соседствует текст Александрии. Соседняя с изображением страница (л. 128) упоминает людей с конскими ногами, которые вошли в войско Александра в качестве мечников. В тексте о них сказано: «О челоуецах от пояса конь, а горе человек, исполини наричуться... и ту челоуеци и на них восташа — от пояса конь, а горе человек, ниже суть исполини». Победив их, «Александр повеле оружия створити и с стрелами и с мечи научи ходити и много ему на рати помогаху». Те же «исполины» на миниатюре рукописи Александрии XVII в.

Рис. 2. Изображения кентавроподобных существ на миниатюрах рукописей XV—XVI вв.

1 — ГПБ, сборник К-Б, 11/1088, л. 127 об.; 2 — ГПБ, лицевой апокалипсис из собрания Ф. И. Буслаева, Q. 1 № 1138; 3 — БАН, хронографический сборник, 17.17.9, л. 780; 4 — там же, л. 702

представлены в виде отряда кентавров-лучников без корон и крыльев¹⁹. Таким образом, изображение кентавра с мечом, очевидно, навеяно текстом на прилежащей странице. Однако важнейшие особенности иконографии кентавра, изображенного на миниатюре в короне и с крыльями, никак не вытекают из текста Александрии. Зато они соответствуют данным апокрифических сказаний о Китоврасе и бесспорному изображению этого персонажа на новгородских дверях 1336 г.

Краткая легенда о Китоврасе в рукописи Ефросина имеет важные отличия от основной версии. Во-первых, про Китовраса говорится: «Глаголют его, яко царев сын Давидов». Такое представление на Руси существовало в более раннее время — на дверях 1336 г. Китоврас назван братом Соломона. Царственное происхождение, очевидно, объясняет корону на голове кентавра. В позднейшей рукописи XVII в., в которой Китоврас фигурирует в особом сюжете, он назван братом Соломона и царем соседнего царства, правившим не только людьми, но и зверями²⁰. Уникально в версии Ефросина упоминание о неверной жене Китовраса и о том, что он ее «в ухе носил». В связи с последней подробностью можно вспомнить о чудовищных звериных ушах ряда античных изображений кентавров²¹. Описание внешнего облика Китовраса в краткой легенде — «человек, а ноги коровии» — находит аналогию в некоторых западноевропейских изображениях кентавров²², однако на Руси «парнокопытные» кентавры неизвестны. Эти сведения не соответствуют и рассматриваемой миниатюре, на которой кентавр имеет явно конские ноги и хвост. Ноги кентавра изображены конскими в противоречии с прямым и единственным указанием на его облик в текстах апокрифа. Однако едва ли это влияние текста Александрии, скорее — следование существующей иконографической традиции: Китоврас дверей 1336 г. также имеет конские ноги и хвост. У кентавра на сосуде из Московского Кремля, судя по изгибу передних ног, они не конские, явно не конский и хвост с кисточкой. Вероятно, эти детали считались несущественными.

Можно было бы предположить, что конские ноги кентавра и меч в его руках отражают текст Александрии, а корона и крылья взяты из апокрифа, причем такая «комбинированная» иконография возникла в результате случайного соединения в одной рукописи двух литературных произведений, герои которых показались миниатюристу сходными. Но против этого предположения свидетельствует устойчивость такой иконографии, известной и по более ранним изображениям (монеты Ивана Михайловича). Очевидно, на миниатюре представлен герой апокрифа. Характерно, что героизированный образ Китовраса не является при этом буквальной иллюстрацией определенного текста.

Если попытаться связать образ обнажающего меч кентавра с определенным отрывком апокрифа, то наиболее вероятно, что кентавр, представленный в угрожающей позе, иллюстрирует заключительные слова апокрифа про «страх китоврашь», который охватывал Соломона по ночам.

Важная особенность изображения кентавра в рукописи — монограмма переписчика рядом с ним. Монограммы, составленные из букв личных имен, известны в прикладном искусстве XV в. Это, в частности, монограммы митрополита Фотия, новгородских архиепископов Евфимия и Ионы²³. К концу XV в. относится книжный знак игумена Соловецкого монастыря Досифея²⁴. Монограмма Ефросина, подобно монограмме Ионы, вписана в очертания *омеги*, приближающейся по внешнему контуру к окружности.

Соседство изображения кентавра с монограммой Ефросина (кроме них, на этом листе рукописи нет никаких других надписей и изображений) дает основание предполагать, что изображение носит характер личной эмблемы. Такое использование изображения кентавра на Руси известно. Об этом свидетельствуют печать наместника Феликса (Новгород, первая половина XIV в.)²⁵ и изображения на монетах, очевидно, также носившие эмблематический характер.

Значение образа кентавра в роли эмблемы не вполне ясно. Литературный прототип русского Китовраса в Талмуде — демон Асмодей. Едва ли, однако, демонический характер образа мог быть причиной его избрания монахом Ефросином в качестве личной эмблемы. По-видимому, на вопрос о причине привлекательности образа Китовраса отвечает краткий вариант сказания о нем, известный только по данной рукописи. Этот вариант кончается следующим эпизодом. Соломон спрашивает приведенного к нему Китовраса: «Что есть узорчней в свете сем?» «Он же рече: всего есть лучши своя воля. Абие крянулся и все переломал и поскочил на свою волю». Таким образом, важнейшей чертой образа Китовраса оказывается свободолюбие.

В заметке, посвященной символике новгородских врат 1336 г., мною было высказано предположение, что расправа Китовраса с царем Соломоном, изображенная на них, является аллегорией независимости Новгорода от власти великого князя²⁶. Изображение кентавра в рассматриваемой рукописи также отражает представление об этом существе как о могущественном враге Соломона, а один из текстов рукописи непосредственно связывает этот образ с любовью к свободе.

Возможность того, что литературный персонаж библейских времен мог олицетворять какие-то идеи, относящиеся к современности, сомнений не вызывает. В рукописи Ефросина есть яркий пример восприятия библейских событий как актуальных. В одном из переписанных им текстов противники библейского богатыря Самсона названы не филистимлянами, а татарами, — наиболее опасными врагами Руси того времени²⁷. Интересно повышенное внимание Ефросина к злободневному памфлету того времени — Сказанию о Дракуле²⁸. Переписчик специально отметил, что переписывает его вторично.

Избрание Ефросином Китовраса в качестве личной эмблемы (возможность того, что это наследственная эмблема, кажется маловероятной) представляет особый интерес, так как получается, что в роли эмблемы образованного монаха выступает герой отреченной книги. Ефросина нельзя оправдать тем, что он не знал об этом, так как в его рукописях есть список книг истинных и ложных. Создается впечатление, что личная эмблема Ефросина является также отражением его вольнодумства.

Можно ли связывать содержание рукописей Ефросина с еретическим движением рубежа XV—XVI вв.? Я. С. Лурье полагает, что для этого нет достаточных оснований, и считает, что содержание рукописей Ефросина «отражает не его убеждения, а круг его интересов»²⁹.

Отметим два момента, существенные для характеристики убеждений Ефросина. Первый — сознательный интерес к запретной литературе, развившийся в переписывании отреченных книг. При одном из таких сочинений характерная приписка Ефросина: «Сего во сборе не чти, ни многим являй».

Второй момент — только в рукописях Ефросина до нас дошли два списка так называемой Псалтыри Федора Еврея (на самом деле это вовсе не псалтырь, а перевод иудаистского молитвенника Махазор). Ряд исследователей полагают, что это — те самые «псалмы», по которым еретики молились «по-жидовски»³⁰. Другие ученые не видят оснований связывать это сочинение с ересью. Однако никакой другой памятник, к которому можно было бы отнести сведения об особых еретических псалмах, неизвестен. Заглавие русского перевода «Псалтырь царя Давида...» скорее всего — сознательная мистификация, равно как и имеющееся в одном списке предисловие, в котором говорится, что перевод был сделан по повелению митрополита Филиппа (1464—1473).

Апокриф о Соломоне и Китоврасе не содержит определенных еретических богословских положений. Однако изображение крылатого кентавра может быть связано с идеологической борьбой времени еретического движения. Стремление Китовраса к «своей воле» можно сопоставить с интересом в эпоху Реформации и предшествующий ей период к богословскому вопросу о «свободе воли». Вопрос этот волновал и русских ерети-

ков. Об этом, в частности, свидетельствует начало Лаодикийского послания: «Душа самовластна, заграда ей вера...»³¹.

Монахи Кирилло-Белозерского монастыря принимали участие в дискуссии, развернувшейся по поводу борьбы с еретиками. Из их среды вышло письмо, резко критикующее призывы к репрессиям против еретиков, которые исходили из лагеря воинствующих церковников во главе с новгородским архиепископом Геннадием и Иосифом Волоцким³².

Таким образом, если рукописи Ефросина и не вышли из еретических кругов, то они отражают тот круг литературных интересов, ту культурную среду, в которой ересь возникла и распространилась. Отметим, что и изображение кентавра на дверях 1336 г. связывалось с тем культурно-историческом фоном, на котором возникла ересь стригольников³³.

Трудно объяснить, почему изображение кентавра, обнажающего меч, попало на сосуд, предназначенный для ритуальных целей, христианского соборования и погребения. Изображение кентавра на сосуде нельзя назвать второстепенным декоративным элементом, так как оно занимает центральное место и является единственным. Другие сосуды такого типа лишены всяких изображений. Уникально для древней Руси изображение внутри сосуда. Вполне вероятно появление такого изображения в связи с распространением ереси или религиозного индифферентизма. В письменных источниках упоминается использование еретиками культовых предметов с нецерковными изображениями³⁴. Не противоречит предположению о еретической принадлежности сосуда и место находки — Московский Кремль. Известно, что в конце XV в. и до 1504 г. Москва была крупным центром ереси, затронувшей самые высшие слои населения. Такая дата не противоречит археологической датировке сосуда и несколько ее уточняет.

¹ Рабинович М. Г. О древней Москве. М., 1964, с. 160, 161, рис. 72, 2; Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XIII—XVIII вв. — САИ, 1968, вып. Е1-39, с. 111, табл. 17, 13.

² Орешников А. Русские монеты до 1547 г. М., 1896, табл. VI, 263—265.

³ Там же, табл. XII, 581—584.

⁴ Там же, табл. II, 54.

⁵ Спасский И. Г. Русская монетная система. Л., 1962, с. 80, рис. 56, 7. Кроме того, известны две неатрибутированные древнерусские монеты с изображением крылатого кентавра с обнаженным мечом. См.: Орешников А. Русские монеты..., табл. XVII, 817; Он же. Материалы к русской нумизматике допетровского периода. — Труды Московского нумизматического общества, 1901, II, 3, с. 339, табл. XII, 72.

⁶ Пользуюсь случаем выразить благодарность А. Г. Векслеру, любезно предоставившему находку для публикации.

⁷ Веселовский А. Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. — В кн.: Веселовский А. Н. Собр. соч. Пг., 1921, т. 8, вып. 1; Окладников А. П. Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на о. Фаддея. — СА, 1950, XIII; Вагнер Г. К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Юрьев Польской. М., 1964, с. 111—116; Чернецов А. В. Древнерусские изображения кентавров. — СА, 1975, № 2. Помимо указанных в последней публикации изо-

бражений необходимо учитывать также: Иванов П. Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в архиве министерства юстиции. М., 1858, табл. XI, 71; XIII, 148 (ср. также: табл. IX, 27); Кондаков Н. П. Русские клады. СПб., 1896, с. 103, рис. 63; Лабугина И. К., Кондрагьева О. А. Пластины с изображением кентавра и фантастического животного из раскопок в Пскове. — СА, 1975, № 4; Жегалова С. К. Русская народная живопись. М., 1975, с. 31, 38—41, 49, 51. Крылья, встречающиеся на древнерусских изображениях кентавров, всегда связаны с плечевым поясом человеческого корпуса. Кентавры с подобным расположением крыльев мне известны только в декоре итальянской мебели XV в., более поздней, чем древнейший русский крылатый кентавр (1336 г.). См.: Molinier E. Histoire generale des arts appliques à l'industrie. Paris, 1896, v. II, p. 82.

⁸ Буслаев Ф. И. Свод изображений из лицевого Апокалипсиса по русским рукописям с XVI по XIX в. СПб., 1884, т. II, табл. 82; Герчук Ю. Я., Домшляк М. И. Художественные памятники верхней Волги. М., 1975, с. 66.

⁹ Хронографический сборник. — БАН, 17.17.9, л. 780. Соответствует тексту «О зверях неизвестных»: «...До пояса имуща образ человек, роги же на главе оленя, прочее же от пояса зверино тело имуща, ноги же прежнии птицы, заднии же коневе иже нари-

- цаются телорозе... иные же звери мнози — овы человекообразны крылаты, овы же многи главы имуще...» Ср. также л. 702 (рис. 2, 4): «Половину человек, половину пес, им же имя тигрис».
- ¹⁰ *Редин Е. К.* Христианская топография Космы Индикоплова по греческим и русским спискам. М., 1916, с. 178, рис. 177, 179; табл. IV, 2; Материалы для истории письмен восточных, греческих, римских и славянских. М., 1855, табл. V.
- ¹¹ *Wegener H.* Die Deutsche Handschriften bis 1500. Leipzig, 1928, S. 129, Abb. 115; Ortus sanitatis. Gart der Gesundheit von allen Thieren, Fögeln, Fischen... Strassburg, 1529, S. XXXVII, Cap. CVII.
- ¹² Пользуюсь случаем выразить благодарность В. В. Морозову, обратившему мое внимание на материалы миниатюр.
- ¹³ ГПБ, сборник К-Б 11/1088, л. 127 об.
- ¹⁴ *Русский Н. В.* Сведения о рукописях, содержащих в себе Хождение в святую землю русского игумена Даниила в начале XII в. — ЧОИДР, 1891, кн. III, отд. II, с. 27; *Лурье Я. С.* Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРЛ, 1961, XVII, с. 140, 141.
- ¹⁵ Там же, с. 168.
- ¹⁶ ПСРЛ, 1965, т. 12, с. 189, 190.
- ¹⁷ *Лурье Я. С.* Литературная и культурно-просветительная деятельность... с. 142.
- ¹⁸ Там же, с. 159; *Lour'e Ia. S.* Une legende inconnue de Salomon et Kitovgas dans un manuscrit du XVe siècle. — Revue des études Slaves, 1964, t. 43, f. 1—4, p. 7—11.
- ¹⁹ *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861, т. II, с. 370, 371, рис. 5.
- ²⁰ *Пыпин А. Н.* Ложные и отреченные книги русской старины. — В кн.: Памятники старинной русской литературы, изданные Г. Купшелевым-Безбородко. СПб., 1862, с. 59, 60.
- ²¹ *Furtwängler A.* Illustrierter Katalog der Glyptothek Königs Ludwig's I zu München. München, 1907, S. 32, N 222.
- ²² *Seznec J.* The Survival of the Pagan Gods. N. Y., 1953, p. 33; fig. 7; p. 63, fig. 13; *Mode H.* Stwory mityczne i demony. Warszawa, 1977, s. 93.
- ²³ *Невострюев К.* Монограмма всероссийского митрополита Фотия на окладе Владимирской чудотворной иконы. — В кн.: Сборник на 1866 г., изданный Обществом древнерусского искусства. М., 1866; *Николаева Т. В.* Произведе-
- ния русского прикладного искусства с надписями XV—первой четверти XVI в. — САИ, 1971, вып. Е1—49, с. 45, табл. 15, 1 (ср.: с. 76, табл. 45, 3—6); *Бочаров Г. Н.* Прикладное искусство Новгорода Великого. М., 1969, илл. 40.
- ²⁴ *Розов Н. Н.* Когда появился в России книжный знак? — В кн.: Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963, с. 89, рис. 1, 2.
- ²⁵ *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси X—XV вв. М., 1970, II, с. 121, 219, № 701.
- ²⁶ *Чернецов А. В.* К изучению символики новгородских врат 1336 г. — КСИА, 1975, 144.
- ²⁷ *Лурье Я. С.* Литературная и культурно-просветительная деятельность... с. 161.
- ²⁸ Нельзя согласиться с исследователями, считающими, что в повести о Дракуле отсутствует ясная авторская оценка главного героя. В самом начале повести сказано: «Дракула влашеским языком, а нашим диавол. Толико зломудр, яко же по имени его, тако и житие его» (Изборник. М., 1969, с. 432). О вероятности связи повести о Дракуле с еретическими кругами см.: *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.; Л., 1955, с. 180—182.
- ²⁹ *Лурье Я. С.* Литературная и культурно-просветительная деятельность... с. 155.
- ³⁰ *Сперанский М. Н.* Псалтырь жидовствующих в переводе Федора еврея. — ЧОИДР, 1907, т. II, отд. II. Ср.: *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения... с. 316.
- ³¹ *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения... с. 265.
- ³² Там же, с. 510—513.
- ³³ *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М., 1948, с. 649, 650, 770; *Вагнер Г. К.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси, с. 115; *Чернецов А. В.* К изучению символики...
- ³⁴ *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения... с. 312, 313. «А се zde обретох икону у Спаса на Ильине улице — преображение з деянием, ино в праздницех обрезание писано — стоит Василией Кисарийский, да у Спаса руку да ногу отрезал, а на подписи написано: обрезание господа нашего Иисуса Христа. Да с Ояти привели ко мне попа да дьяка, и они хрцтианину дали крест телник, древо плакун, да на кресте том вырезан сором женской да и мужской».

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. Н. НОСОВ

ПОСЕЛЕНИЕ И МОГИЛЬНИК КУЛЬТУРЫ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ НА ОЗЕРЕ СЪЕЗЖЕЕ

В последние десятилетия проведены широкие раскопки могильников с длинными курганами, а в 1974 г. В. В. Седовым разработана их новая общая систематизация¹. Вместе с тем поселения, где жили люди, соорудившие длинные курганы, остаются почти неисследованными. В ареале длинных курганов псковско-новгородской группы большинство могильников с насыпями такого рода расположено в стороне от водоемов, на песчаных возвышенностях, в сухих сосновых борах. Таким образом, могильники и поселения были удалены друг от друга на расстояние до нескольких километров, что и затрудняет поиски селищ, обычно, к тому же, имеющих слабовыраженный культурный слой. Не случайно несколько известных сейчас поселений открыто рядом с теми курганными группами, которые находятся поблизости от берегов рек и озер (селища на оз. Крюково, Кобылья Голова, Полиши, Лезги и др.)².

В связи с недостаточной изученностью поселений культуры длинных курганов представляют несомненный интерес материалы, полученные при раскопках в 1975 и 1976 гг. Новгородским отрядом ЛОИА селища и могильника на оз. Съезжее в Хвойнинском р-не Новгородской обл. Первое описание курганной группы на оз. Съезжее было сделано краеведом из г. Боровичи Г. И. Ивановским, который в 1958 г. совместно с С. Н. Поршняковым обследовал группу карстовых озер³. В 1967 г. Г. И. Ивановский рядом с могильником открыл древнее поселение⁴.

Поселение площадью около 1 га находится на восточном берегу карстового озера (Съезжее), на перешейке, образованном котловиной озера Стахина лужа и оврагом, по которому протекает ручей. Такое расположение поселка не случайно. Дело в том, что в самом озере Съезжее вода темная, болотистая, а в ручье рядом с поселением — чистая родниковая.

В 210 м к северо-западу от селища на берегу озера в сухом сосновом лесу находится курганная группа, состоящая из девяти насыпей. Большинство курганов округлой в плане формы диаметром 8—15 м и высотой 0,5—1,7 м; один курган — прямоугольный в плане размерами 10×15 м и высотой 1,3 м; один — длинный. Были раскопаны длинный курган (5) и два круглых (7, 8). Все они насыпаны из песка.

Курган 5 имел размеры 7,25—8×23,3 м и высоту 0,54—0,56 м (рис. 1). Под всей насыпью прослежен гумусированный песок толщиной 0,04—0,05 м — древняя погребенная почва. Курган был окружен со всех сторон ровиком шириной 1,1—1,5 м и глубиной 0,5 м. Поскольку курган находился на небольшом склоне к озеру, то в целом искусственная насыпь создавала впечатление более значительной. Удалось установить три этапа ее сооружения. Первоначально был насыпан курган размерами 8×11,5 м. При раскопках четко прослеживались ровики этой первой насыпи по их заполнению (желтый песок с включениями гуму-

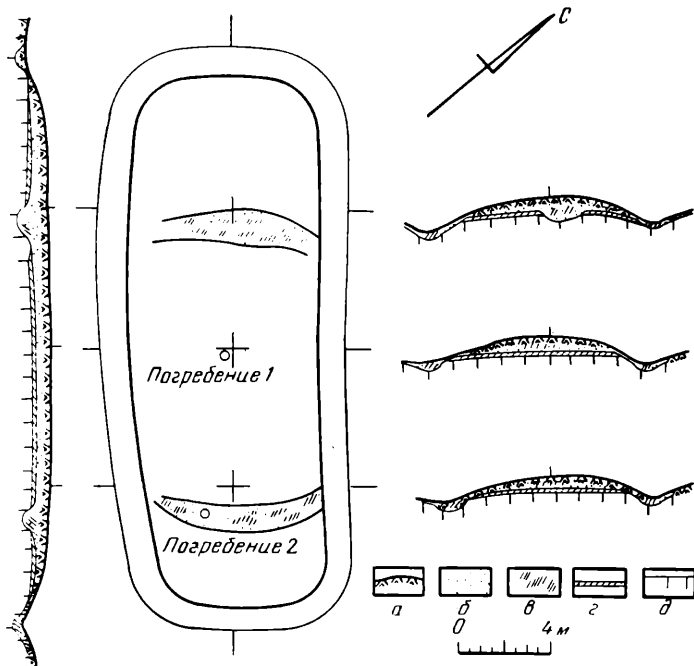

Рис. 1. План и разрезы длинного кургана на оз. Съезжее

а — дерновый слой; б — песок; в — гумусированный песок; г — погребенная почва; д — материк

сированного песка) и по отсутствию на их месте непрерывного слоя погребенной почвы. В центре кургана, на глубине 0,15 м от его поверхности, обнаружена ямка глубиной 0,2 м и диаметром 0,4 м с кальцинированными костями, очищенными от углей, — остатки трупосожжения на стороне. Вещи не найдены. Первое захоронение было впущено в заранее подготовленную насыпь. В дальнейшем с южной стороны к кургану сделали присыпку, в которую также было впущено погребение. Остатки трупосожжения на стороне (кальцинированные кости) находились в небольшой глиняной урне, помещенной на 0,1 м ниже поверхности присыпки. Среди костей обнаружены обломки серебряного колечка. Присыпка к кургану была сделана и с северной стороны, но погребение в ней не встречено. Оба захоронения из кургана 5 относятся к типу 9 по классификации, предложенной В. В. Седовым. Погребения, впущенные в насыпь, — одни из наиболее распространенных в длинных курганах, известны на широкой территории⁵.

Полусферический курган 7 (диаметр 9,4 м, высота 0,76 м) и блинообразный курган 8 (диаметр 12,1 м, высота 0,44 м) были окружены ровиками шириной 1—2 м и глубиной 0,2—0,6 м. Под насыпями отчетливо прослеживались прослойки гумусированного песка толщиной 0,04—0,08 м — древняя погребенная почва. Погребения не обнаружены. Курган 8 имел лишь небольшие повреждения. У кургана 7 вся вершина была скрыта и сброшена на северо-восточную полу насыпи.

Рядом с курганной группой открыт примыкающий к ней грунтовой могильник с погребениями по обряду трупосожжения. Вскрыто семь захоронений. Кальцинированные кости помещались в глиняные лепные урны (два захоронения) или небольшие ямки в материке (пять). В шести погребениях кальцинированные кости были очищены от углей, и лишь в одном (4) кости находились вместе с угольками. Четыре грунтовые ямки имели уплощенное дно, и одна — вогнутое. Диаметры ямок 0,2—0,3 м, глубина — 0,1—0,3 м. Верхние части некоторых из них развезены. От глиняных урн сохранились лишь нижние части. Погребальный инвентарь встречен в трех захоронениях (2, 3 и 7). Во всех них обнаружены спекшиеся синие бусы, а, кроме того, в погребении 7 — же-

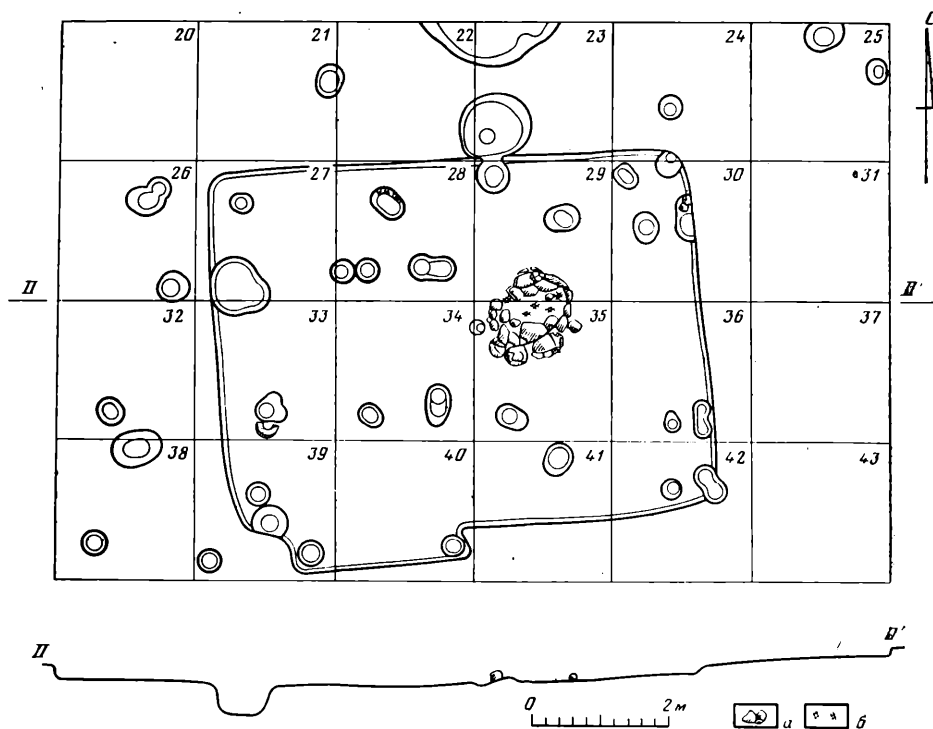

Рис. 2. Поселение на оз. Съезжее. План и профиль раскопа с жилой постройкой
 а — камни; б — обожженная глина

лезный нож, и в погребении 2 — фрагменты бронзовых пластинок, часть бронзового пластинчатого браслета и оплавленные кусочки бронзы.

Сочетание в одном могильнике курганных насыпей культуры длинных курганов и грунтовых погребений симптоматично. В последние годы такая взаимосвязь этих типов захоронений прослеживается исследователями все более явственно. В нижнем течении Мсты, между деревнями Полосы и Самокража, в урочище Кобылья Голова С. Н. Орлов раскопал грунтовые ямки с остатками трупосожжений, располагавшиеся рядом с курганной группой, в которую входили удлиненные насыпи⁶. Г. П. Гроздилов открыл такое же грунтовое захоронение с инвентарем, типичным для культуры длинных курганов, рядом с удлиненными курганами («вне насыпи, под дерном») в могильнике Лезги поблизости от Изборска⁷. Бескурганные погребения с вещевым комплексом длинных курганов обнаружены Е. А. Шмидтом в могильниках Заозерье, Шугайлово и Кислая, входящих в смоленскую группу длинных курганов⁸. На основе изучения погребального обряда населения культуры длинных курганов на территории юго-восточной Эстонии М. Э. Аун пришла к заключению, что в этом районе длинные курганы пришли на смену грунтовым захоронениям на специальных погребальных площадках⁹. По моему мнению, все эти наблюдения позволяют заключить, что на обширной территории лесной зоны Восточной Европы курганным погребениям предшествовали грунтовые захоронения. Следовательно, длинные насыпи как тип погребального памятника сложились непосредственно в этом районе, а не были привнесены сюда из других областей. Эта мысль уже высказывалась Е. А. Шмидтом и В. В. Седовым¹⁰, но теперь она находит новые подтверждения в конкретном материале.

На нераспахиваемой слабозадернованной и поросшей молодым сосняком поверхности селища еще до раскопок отчетливо выделялось несколько скоплений крупных пережженных валунов. В раскопе на месте одного из таких скоплений обнаружено хорошо сохранившееся основание наземного жилого дома (рис. 2).

Основание постройки было углублено в материк на 0,05—0,18 м, имело в плане правильную прямоугольную форму и размеры 5,32×6,92 м. Дом был ориентирован стенами по сторонам света, а его длинная ось — по линии запад — восток. В центре дома открыты остатки отопительной конструкции овальной в плане формы и размерами 1,1×1,3 м. Ее основу составляли крупные валуны размерами 25—30×40—50 см, несколько возвышавшиеся над окруженным ими подом. Под был выложен из плоских камней, на некоторых из них сохранилась обмазка — слой обожженной глины толщиной 2—3 см. Под подом материковый песок был прокален на 0,1—0,15 м. Судя по отсутствию небольших валунов в заполнении основания дома, отопительная конструкция представляла собой массивный очаг — каменку без свода. Очаг-каменка возвышался над уровнем пола на 0,3—0,35 м. Перед ним расчищена ямка от столба диаметром 0,3 м и глубиной 0,2 м.

К южной стене дома, ближе к юго-западному углу, примыкал уступ, углубленный в материк на ту же глубину, что и основание постройки. Его ширина 0,5 м, длина вдоль дома 2,5 м. У коротких стен уступа зафиксировано по столбовой ямке диаметром 0,3—0,35 м и глубиной 0,16—0,2 м. Вероятно, здесь находился вход в дом.

В полу постройки расчищены столбовые ямки (рис. 2). Их обычный диаметр 0,25—0,50 м, глубина 0,25—0,36 м. Некоторые ямки оказались двойными — из более глубокой ямы и примыкающей к ней мелкой. Ямы такой формы образовывались, когда массивный столб при установке сначала заносили в ямку наклонно, а затем ставили вертикально.

В расположении столбовых ям в доме можно уловить определенные закономерности. Четыре ямы находились в северо-восточном углу постройки, по углам как бы небольшого прямоугольника со сторонами 0,6 и 0,8 м. Соответствующие им четыре ямы располагались в таком же порядке в юго-восточном углу. Две ямы зафиксированы в юго-западном углу дома, а одна — в северо-западном. В полу постройки западнее очага-каменки прослеживаются две линии столбовых ямок, отстоящие от южной и северной стен соответственно на 1,4 м. Столбы, местоположение которых установлено по раскопанным ямкам, частично, видимо, поддерживали конструкции крыши, а частично — внутренние конструкции дома. Возможно, с пристройками у стен дома связаны обнаруженные рядом с ними столбовые ямки.

Внутри дома у его западной стены открыта хозяйственная яма диаметром 0,84—0,90 м и глубиной 0,4 м. Такая же яма диаметром 1 м и глубиной 0,16 м примыкала и к северной стене, но уже с наружной стороны.

Заполнение постройки насыщено кусками глиняной обмазки (около 2400), среди которых 52 оплакованы. За пределами основания дома на площади раскопа встречено всего 26 кусков глиняной обмазки. Судя по форме большинства кусков, напоминающих в сечении большие треугольники с вогнутыми сторонами, обмазкой промазывали пазы между бревнами. Это позволяет предполагать, что стены дома были срубными.

При разборке заполнения постройки найдено 206 фрагментов лепных сосудов, аналогичных керамике из культурного слоя поселения, а также половина каменного жернова, сланцевый оселок, обломок лезвия железного ножа, каменное грузило с отверстием и два обломка железных предметов неясного назначения.

Жилища населения, оставившего длинные курганы, практически не изучены, а поэтому ответить на вопрос о том, насколько обнаруженная нами постройка типична для культуры длинных курганов, пока сложно. Можно отметить, что она, безусловно, имеет определенные параллели с постройкой, раскопанной С. Н. Орловым на селище Кобылья Голова, рядом с группой, включающей удлиненные насыпи, в нижнем течении Мсты¹¹. На фоне светло-желтого материка С. Н. Орловым были прослежены контуры жилища по темному гумусированному заполнению его основания. Приблизительные размеры дома 6×8 м. Как и на поселении

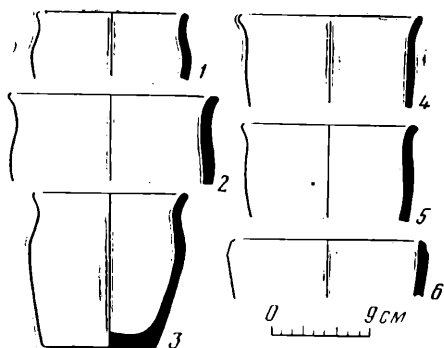

Рис. 3. Лепная керамика с поселения (1, 2, 4—6) и из длинного кургана (3) на оз. Съезжье

стройка, обнаруженная на поселении Съезжье, имеет и с домами из нижних горизонтов Старой Ладogi¹².

В культурном слое поселения и в заполнении основания дома, хозяйственных и столбовых ям найдена исключительно лепная керамика. Цвет керамики в большинстве случаев желтовато-коричневый и сероватый. В тесте сосудов имеются примеси дресвы, песка и иногда охры. Несмотря на заглаживание, поверхность горшков, как правило, шероховатая, с выступающими зернами дресвы. Встречено несколько фрагментов сосудов с плотным, хорошо промешанным тестом. Края венчиков уплощены, редко — округлы, очень часто — оттянуты наружу, и в таких случаях толщина края венчика больше толщины стенок. Днища плоские. При переходе к стенкам на многих из них имеется выступ. Орнаментация не характерна для керамики поселения. Лишь на одном фрагменте сосуда у плечиков встречен орнамент из кружков, которые были нанесены полой трубочкой, вероятно костью.

По характеру профилировки верхних частей все сосуды делятся на два вида. Основная масса керамики представлена единообразными слабопрофилированными горшками с несколько отогнутой наружу шейкой, плавно переходящей к пологому плечу. У большинства сосудов этого вида наибольшее расширение приходится на уровень плечиков (рис. 3, 1, 2). Лепная урна, найденная в длинном кургане, аналогична керамике первого вида с поселения (рис. 3, 3). Ко второму виду керамики относятся баночные сосуды со слегка отогнутым наружу краем венчика и прямыми стенками. Эти горшки имеют наибольшее расширение на уровне горла (рис. 3, 4, 5). Кроме горшков двух описанных видов, найден фрагмент сосуда с прямыми, конически суживающимися стенками и невыделенной горловиной (рис. 3, 6), а также несколько миниатюрных сосудов.

Наиболее близкие аналогии посуде с поселения Съезжье мы находим среди керамики из длинных курганов псковско-новгородской группы — из могильников у оз. Крюково в бассейне Мсты¹³, у деревень Подсоное и Липицы в бассейне Поля¹⁴, у д. Жеребятино в бассейне Желчи, впадающей в Чудское озеро¹⁵, у д. Дорохи в верховьях Ловати¹⁶ и др. Такая же керамика найдена при раскопках селища Кубылья Голова в нижнем течении Мсты¹⁷. С другой стороны, прослеживаются определенные параллели с керамикой Акатовского грунтового могильника V—VII вв. на Смоленщине¹⁸ и посудой из верхнего горизонта культурного слоя городища Тушемля¹⁹.

Помимо керамики и уже упомянутых находок из заполнения основания дома, на селище найдены глиняные биконические пряслица, каменная литейная формочка для отливки бляшек, обломки тигельков, шлаки, фрагменты двух синих стеклянных бусин, железный стерженек, обломок серпа и часть плоской глиняной плитки.

На поселении, в курганах и грунтовых захоронениях вещи, поддающиеся достаточно точной датировке, не встречены. Судя по общему характеру керамики и наличию в могильнике длинного кургана, археологический комплекс памятников на оз. Съезжее может быть в целом отнесен ко второй половине I тысячелетия н. э.

- ¹ *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей. — САИ, 1974, вып. Е1-8.
- ² *Картотека НИМ; Орлов С. Н.* Отчет о раскопках 1964—1965 гг. Архив ИА, Р-1, д. 3027 и 3027а; *Он же.* Археологические исследования в низовьях реки Мсты. — СА, 1968, № 3, с. 160—174; *Он же.* Отчет о раскопках 1971 г. в Новгородской обл. Архив ИА, Р-1, д. 4517 и 4517а; *Гроздилов Г. П.* Археологические памятники Старого Изборска. — АСГЭ, 1965, 7, с. 77—88; *Мильков В. В.* Отчет об охранных раскопках в районе Полиши—Кулотино в 1974 г. Архив НИМ.
- ³ *Ивановский Г. И.* Экспедиция Боровичского краеведческого музея по обследованию Хвойнинских карстовых озер в 1958 г. Библиотека Боровичского краеведческого музея, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 22.
- ⁴ *Картотека НИМ.*
- ⁵ *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей, с. 19—23, табл. VI—VIII.
- ⁶ *Орлов С. Н.* Отчет о раскопках 1963—1965 гг.; *Он же.* Археологические исследования. . ., с. 166, 167.
- ⁷ *Гроздилов Г. П.* Археологические памятники. . ., с. 81.
- ⁸ *Шмидт Е. А.* Раскопки в Смоленской обл. — АО 1968 г. М., 1969, с. 64.
- ⁹ *Аун М. Э.* Об исследовании длинных курганов в д. Рысна-Сааре. — Изв. АН ЭССР, Обществ. науки, 1978, 4, с. 340, 341.
- ¹⁰ *Шмидт Е. А.* Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Смоленской обл. — МИСО, 1963, V, с. 128; *Седов В. В.* Славяне и племена юго-восточного региона Балтийского моря. — In: *Berichte über den II. Internationalen Kongress für Slawische Archäologie.* Berlin, 1970, S. 11—23; *Он же.* Длинные курганы кривичей, с. 41.
- ¹¹ *Орлов С. Н.* Археологические исследования. . ., с. 161, 164, 165, рис. 2.
- ¹² *Снегальский Ю. П.* Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. Л., 1972, с. 18—30.
- ¹³ Фонды НИМ (из раскопок С. Н. Орлова).
- ¹⁴ Фонды Государственного Эрмитажа, коллекция № 851 (из раскопок П. А. Садикова).
- ¹⁵ Фонды Государственного Эрмитажа, коллекция № 878 (из раскопок К. В. Кудряшова).
- ¹⁶ Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1972, II, с. 20, 22, 23, рис. 8.
- ¹⁷ Фонды НИМ (из раскопок С. Н. Орлова).
- ¹⁸ *Шмидт Е. А.* Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тысячелетия н. э. — МИА, 1963, 108, с. 59—61, рис. 11, 1, 2.
- ¹⁹ *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963, с. 67—69, рис. 29.

И. К. ЛАБУТИНА, В. И. КИЛЬДЮШЕВСКИЙ, А. Ф. УРЬЕВА

ДРЕВНЕРУССКИЙ НЕКРОПОЛЬ ПСКОВА (по раскопкам 1976 г.)

Открытие в 1974 г. в Пскове курганных захоронений под культурным слоем в раскопе у Педагогического института¹ позволяло ожидать подобной ситуации на близлежащих участках. Раскоп 1976 г. на ул. Ленина, находившийся в 50 м от этих погребений, дал новые материалы для характеристики псковского некрополя (рис. 1, 1)².

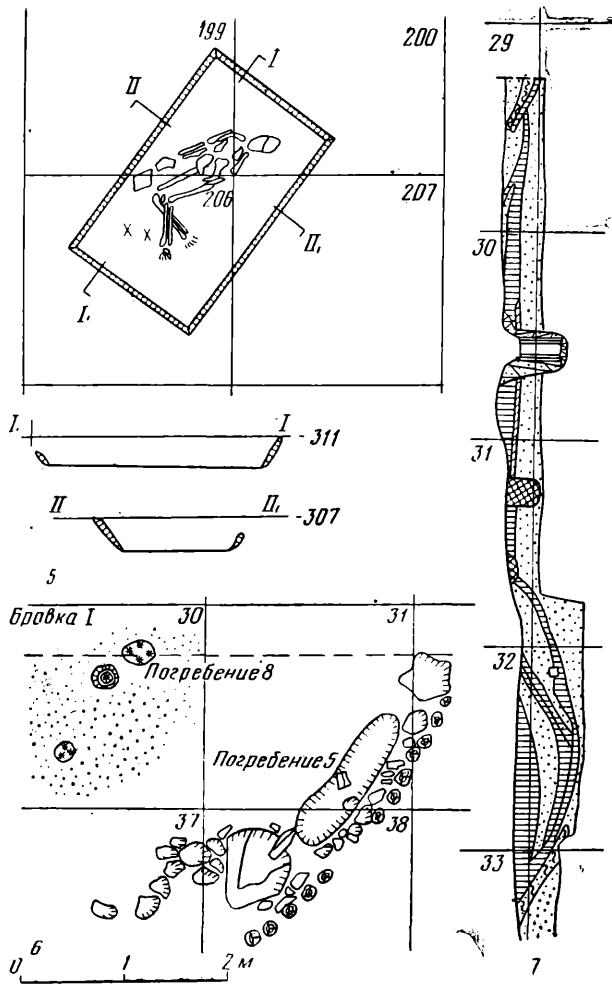
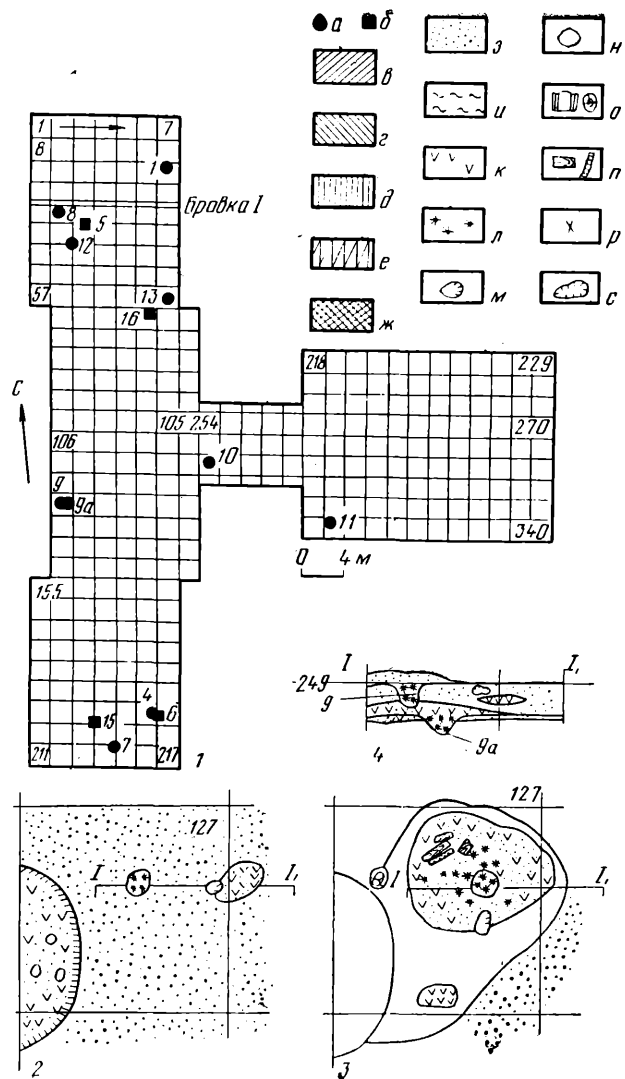
Мощность культурного слоя на участке раскопа колебалась в пределах 276—380 см от поверхности. Дата средневековых отложений — XI (может быть, рубеж XI—XII) — XVII вв. Культурный слой подстилался песком, отложения которого имели послеледниковое происхождение.

При зачистках и регулярном снятии песка открывались погребения. Насыпи почти нигде не прослеживались в плане. Бровки, оставленные с уровня нижней части слоя или поверхности песка, и профили раскопа позволили зафиксировать остатки некоторых насыпей, подвергшихся нарушениям в период существования кладбища и при заселении участка. На ряде участков удалось проследить и зачистить несколько прослоек

Рис. 1. Погребения из раскопок 1976 г.

1 — расположение погребений в границах раскопа;
 2 — план погребения 9;
 3 — план погребения 9а;
 4 — разрез погребений 9 и 9а;
 5 — план и разрез погребения 15;
 6 — остатки кольцевой оградки и каменных конструкций юго-восточной части кургана с погребениями 8 и 5;
 7 — профиль бровки 1, прошедшей через остатки кургана с погребением 8

а — трупосоожения;
 б — труположения;
 в — темно-коричневая земля;
 г — коричневая земля;
 д — погребенный гумус (дёрн);
 е — серая сусесь;
 ж — черная углистая земля;
 з — песок;
 и — глина;
 к — уголь древесный;
 л — кальцинированные кости;
 м — булыжник, валун;
 н — известняк;
 о — бревно, столб;
 п — доска (план и разрез);
 р — место находки при погребении 15;
 с — яма

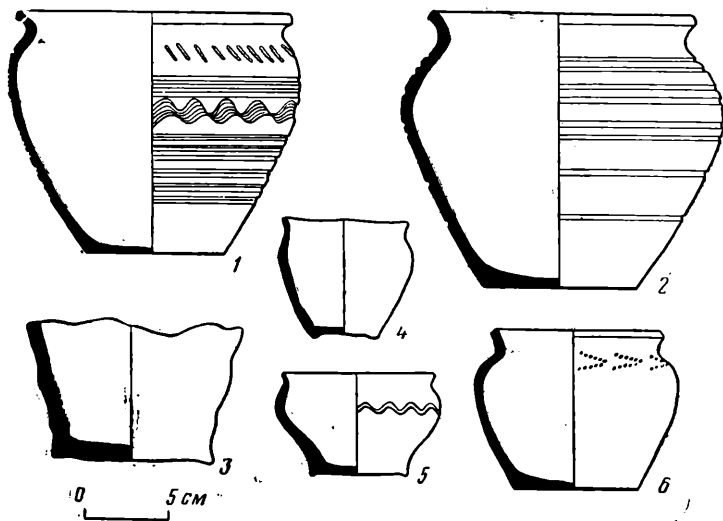

Рис. 2. Керамика

1 — из погребения 1; 2 — из погребения 10; 3 — из погребения 8; 4 — из кострища с костями животных; 5 — из погребения 6; 6 — из погребения 12

погребенной почвы, которые являлись следами 1) погребенного подкурганного дерна, 2) дерна, отражающего травяной покров межкурганых участков, 3) дерна, покрывавшего насыпи курганов. Обычно древний дерн был представлен коричневой плотной мелкоструктурной однородной землей. Мощность прослоек колебалась от 2 до 25 см, в основном в пределах 5—10 см.

Ниже дается описание погребений в порядке их нумерации³.

Погребение 1 — трупосожжение на стороне с помещением останков в урну. Обнаружено при снятии нижней прослойки погребенного дерна, в ямке в материке (диаметр 30 см, глубина около 30 см). Кальцинированные кости находились в круговом горшке с комбинированным орнаментом (рис. 2, 1), заполняя его доверху. Они принадлежали взрослому человеку и собаке.

Место захоронения было перекрыто слоем песка типа предматерикового толщиной 2—8 см. Выше шел слой гумуса (верхняя прослойка погребенного дерна). Как верхняя, так и нижняя прослойки — углистого цвета, мелкоструктурные, толщиной 2—4 см. Выше — слой песка, перемещенного, видимо, при нивелировке насыпей. Тонкий слой песка между двумя прослойками погребенного гумуса отмечен и в соседних квадратах: видимо, раскопом захвачена часть полы кургана с совершенным под ней захоронением. Возможно, дерн перед насыпкой кургана выжигали.

Сосуды, близкие по тесту, пропорциям, профилировке, орнаментации, известны по древнерусским памятникам — например, по курганам Гнездова и Тимерева, где круговая посуда появляется в первой половине — середине X в.⁴ Но форма, которую представляет урна из погребения 1, до середины X в. неизвестна. Видимо, ее применение могло бы быть распространено и на XI в.⁵ Учитывая способ погребения⁶, считаем более вероятной датой захоронения середину X—начало XI в.

Погребение 4 — трупосожжение. Курганная насыпь была сnivelирована в древности. В предматериковом песке обнаружены кальцинированные кости человека (подросток? ребенок?), угли — остатки разрушенного еще в древности погребения⁷. При разборке его найдено несколько мелких фрагментов лепной и гончарной керамики с многорядным волнистым орнаментом, а также парные овальные цельнолитые односторонние фибулы скандинавского типа с геометрическим орнаментом размерами 11,3×7,3 см. (рис. 3, 12). Они сходны с фибулами типов 55, 56:

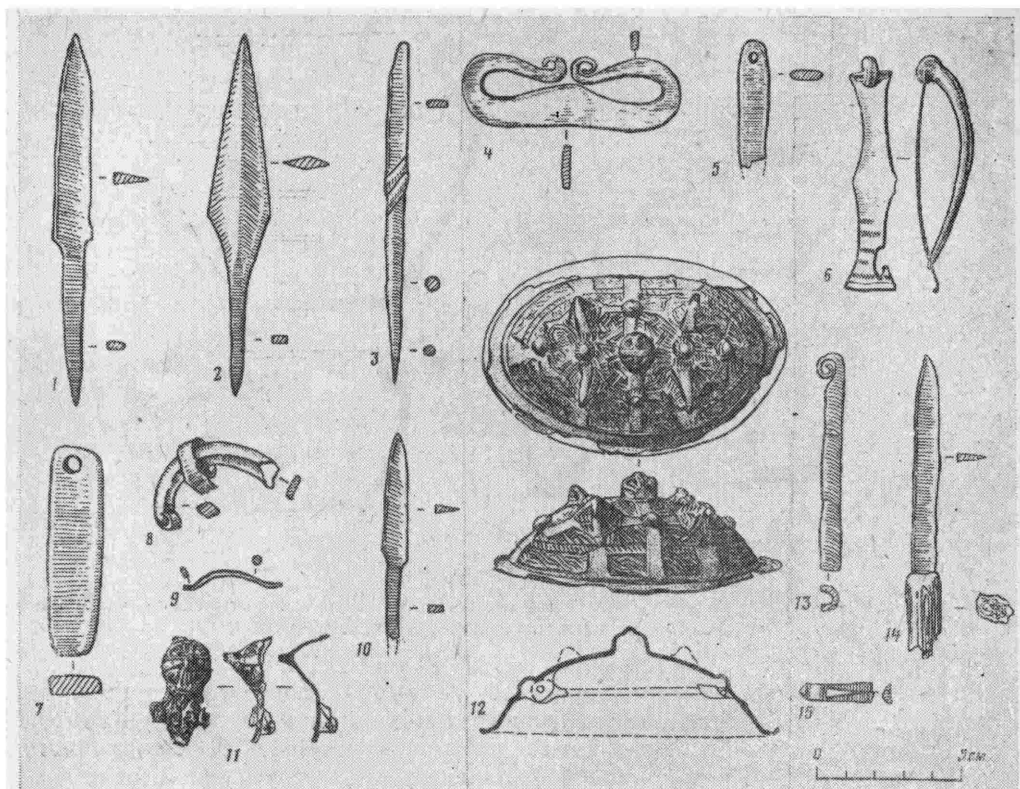

Рис. 3. Вещевые находки

1—5, 8 — погребение 9; 6, 13, 14 — погребение 15; 7, 9 — погребение 9а; 10 — погребение 6; 11 — из разрушенного погребения (квадрат 47); 12 — погребение 4; 15 — погребение 12; 1, 10 — железные ножи; 2 — железный наконечник стрелы; 3 — железная поделка; 4 — кресало; 5, 7 — точильные камни; 6 — дуговидная бронзовая фибула с железной иглой; 8 — подковообразная бронзовая фибула; 9 — бронзовая игла от фибулы; 11 — обломки равноплечной бронзовой фибулы; 12 — скорлупообразная бронзовая фибула; 13 — железный футляр для трута; 14 — железный нож с остатками деревянной рукояти; 15 — обломок костяной накладки от одностороннего гребня

по Я. Петерсену, но отличаются от них некоторыми деталями. Я. Петерсен датирует появление этих фибул серединой — второй половиной X в.⁸ П. Паульсен считает, что такие застежки вошли в употребление в конце X в. Большинство из них найдено в Швеции. В конце X — начале XI в. они появляются на Готланде. В Прибалтике и на территории древней Руси они также многочисленны и встречаются еще в XI в.⁹ По мнению П. Паульсена, датировка фибул, найденных вне пределов Скандинавии, в том числе и на территории Руси, совпадает со временем их распространения в скандинавских странах¹⁰. В. С. Дедюхина считает, что поздняя дата фибул на территории Восточной Европы может быть отнесена к середине XI в.¹¹ Но верхняя дата наших фибул, учитывая способ погребения, не может быть столь поздней. Некоторые отличия в исполнении орнамента фибул из погребения 4 от скандинавских типов 55, 56, а также то, что репы отлиты вместе с фибулами, позволяет датировать их концом X — началом XI в. и предположить возможность нескандинавского производства. Дата фибул принимается и как дата погребения. Характер костных остатков и находки фибул позволяют считать, что здесь была погребена девочка-подросток.

Погребение 5 — труположение под слоем песка в небольшой овальной яме (длина 150 см, ширина 34 см, глубина от уровня песка около 30 см), ориентированной с юго-запада на северо-восток. Заполнение по цвету слабо отличалось от окружающего грунта (песок с кусками дре-

весного угля, принесенного со стороны, и мелкий известняк). На дне за-
легли мелкие кости (конечности?), принадлежавшие предположительно
ребенку младшего возраста, обращенному головой к юго-западу. По вза-
имоположению этой могильной ямы и остатков насыпи кургана с погре-
бением 8 устанавливается, что описываемое погребение было впускным
в полу этого кургана (рис. 1, 6). Ориентировка могильной ямы повто-
ряла направление кольцевой оградки и каменной обкладки в основании
насыпи кургана. Захоронение могло быть совершено лишь после на-
сыпки кургана с погребением 8. Дата его может быть близка крайней
верхней дате существования некрополя.

Погребение 6 — труположение в слое красного материкового песка
под погребением 4, в долбленной, плохо сохранившейся колоде (длина
117 см, ширина 60 см). Костяк не сохранился, но в восточной части ко-
лоды обнаружены детские зубы, так что, видимо, ориентировка погре-
бенного — восточная, с небольшим отклонением на север. Там же расчи-
щены два небольших камня. В середине колоды, видимо в области таза,
обнаружен маленький нож (рис. 3, 10), а в ногах — половинка неболь-
шого раннегончарного сосуда с невысоким слабоотогнутым венчиком и
зигзагообразным орнаментом по тулову (рис. 2, 5). Горшок был слабо
обожжен и не имел следов нагара. Возможно, его изготовили специаль-
но и разбили при захоронении. По соотношению с погребением 4 и ке-
рамике погребение 6 датируется X в.

Погребение 7 — трупосожжение. Погребение было нарушено. Незна-
чительные фрагменты кальцинированных костей человека (подростка?)
обнаружились в слое предматерикового песка выше слоя древнего по-
гребенного дерна. Здесь же встречались единичные угли. Кроме костей,
было собрано несколько мелких фрагментов гончарной керамики.

Погребение 8 — трупосожжение на стороне. Кальцинированные кости
собраны в глиняную лепную урну (рис. 2, 3), которую поместили под
насыпью в ямке диаметром около 20 см, вырытой с уровня древнего
дерна на глубину 15—20 см. Верхняя часть сосуда не сохранилась. Не-
смотря на сильную поврежденность насыпи, удалось выяснить некото-
рые особенности ее конструкции. Покрывавший ее дерн был срезан в пе-
риод застройки. Насыпь состояла из песка желто-серого цвета с редкими
мелкими углистыми включениями и камнями. Выявленная прослойка по-
гребенного гумуса имела мощность 5—18 см. Дерн вокруг ямки с урной
выжгли. Поблизости от ямки с урной встречены еще два небольших ско-
пления кальцинированных костей (рис. 1, 6), которые могли быть
вынесены при повреждении урны. Кости предположительно детские.

Судя по уклону слоя погребенного дерна, для насыпки кургана вос-
пользовались небольшим естественным холмиком. Вдоль юго-восточной
полю кургана прослеживались остатки столбовой оградки, представлен-
ной 12 столбами очень плохой сохранности, диаметром 10—15 см (рис. 1,
6). Расстояние между столбами 3—15 см, высота сохранившихся частей
30—52 см. Столбы подпирали собой полосу из валунов (60—80 см в по-
перечнике), мелкой и средней известняковой плиты и булыжников.
Камни залежали в слое погребенного дерна. В поле насыпи обнаружи-
лось впускное погребение 5.

Вдоль юго-восточной полю кургана, вне оградки, удалось проследить
ровик, отраженный, в частности, в профиле бровки 1 (рис. 1, 7). Ши-
рина ровика приближалась к 170 см, он был относительно неглубок.
В гумусе на дне его встречены отдельные кальцинированные косточки.
По профилю бровки 1, где видно, что погребенный дерн под насыпью
кургана переходил на дно ровика, можно предположить, что функцию
ровика выполняла западина в материке.

Размеры насыпи точно не установлены. Если предположить, что она
была круглой с центром в месте погребения 8, то диаметр ее должен
быть близок к 6 м. Но малая изогнутость дуги столбовой оградки может
говорить и о большем (до 10 м) диаметре или о продолговатости на-
сыпи. Высота насыпи была не меньше 40 см.

Сочетание каменной круговой обкладки со столбовой оградкой в псковских курганах пока не встречалось. Возможная верхняя дата погребения — середина X в.

Погребение 9а обнаружено на уровне древней погребенной почвы. Захоронение взрослого человека совершено по способу трупосожжения с помещением останков в ямке диаметром 28—30 см и глубиной 20 см. Вокруг ямки расчищено кострище 100×120 см с большим количеством угля, золы, остатков сгоревших плах и кальцинированных костей. В нем найдены обломок тонкой, круглой в сечении бронзовой иглы от фибулы (рис. 3, 9), точильный камень из сланца с отверстием для подвешивания (рис. 3, 7), фрагменты сгоревшей тонкой ткани. Вероятно, сожжение было совершено на месте на горизонте. Верхняя дата, учитывая способ погребения и соотношение с впускным погребением 9, — конец X в.

Погребение 9 — трупосожжение на стороне с захоронением останков в ямке (диаметр 22—24 см, глубина 18 см), врезанной в насыпь на 26 см выше погребения 9а. Погребение перекрыто слоем чистого песка (рис. 1, 4). В ямке обнаружено большое количество кальцинированных костей взрослого человека, в которые были воткнуты железные предметы: нож, ромбовидный наконечник стрелы новгородского типа, калачевидное кресало с язычком (рис. 3, 1, 2, 4). Видимо, из погребения происходит и железный круглый в сечении и заостренный стержень, уплощенный и перевитой в верхней части (рис. 3, 3). Среди костей в ямке были найдены также небольшой сланцевый точильный камень с отверстием для подвешивания (рис. 3, 5), фрагмент гири с бронзовой оковкой, обломок бронзовой подковообразной спиралеконечной фибулы с ромбическим сечением дуги (рис. 3, 8). Такие фибулы известны по погребениям X—XI вв.¹² В этом же хронологическом диапазоне существовали калачевидные кресала с язычком¹³, а для ромбовидных наконечников стрел период наиболее широкого употребления определяется IX—XI вв.¹⁴ Способ погребения, а также распространение весов и гирек для малых взвешиваний с середины X в.¹⁵ определяют дату погребения — середина X — начало XI в. Погребение мужское.

Погребение 10 — трупосожжение ниже дна ямы, углубленной в песок с уровня культурного слоя. Пятно песка со значительной примесью гумуса и обильными включениями угля имело неправильную форму, приближающуюся к овалу, расположенному длинной осью по направлению северо-восток — восток — юго-запад — запад. Размеры его 60×20—30 см. Погребение, видимо, разрушено. В песке найдены разбросанные кальцинированные кости, разбитый гончарный сосуд из глины с примесью дресвы (рис. 2, 2) и фрагмент донца лепного сосуда. На дне кругового горшка имелось немного костей. Он был орнаментирован широкими линиями. Подобную керамику из Новогрудка М. В. Малевская относит к разновидности общеславянской посуды X в., находит ей аналогии на Волыни и датирует второй половиной X в.¹⁶ Сочетание лепной и гончарной керамики в комплексе указывает на это же время¹⁷.

Погребение 11 — трупосожжение на несколько сантиметров выше слоя погребенного гумуса. Пятно, выявленное по обильной примеси древесного угля в грунте, имело форму, приближающуюся к прямоугольнику со сторонами, ориентированными по сторонам света, и с вытянутым северо-западным углом. Размеры его 80×90 см. В составе пятна — жевательные кости и разрозненные обломки гончарного сосуда. Судя по венчику, он более всего схож с сосудами типа IV вида А по классификации Г. П. Смирновой; дата их в Новгороде — X в.¹⁸ Видимо, захоронение совершено не ранее середины X в.

Погребение 12 — трупосожжение в слое песка над дерном, перекрывавшим насыпь кургана с погребением 8. Кальцинированные кости были рассеяны в пределах небольшой площади (170×30—64 см). Здесь же было обнаружено несколько фрагментов лепного горшка с примесью большого количества дресвы в тесте, а также фрагмент костяной орнаментированной накладки (деталь расчески?; рис. 3, 15). Горшки, подоб-

ные найденному, известны из раскопок на северо-западе Восточной Европы, в том числе по находкам в Пскове и его округе¹⁹. Г. П. Смирнова выделяет их в тип III новгородской лепной керамики и находит аналогии в керамике поселения Прость, горизонтов E₂ и E₁ Старой Ладogi, Городка на Ловати²⁰. Хронологический диапазон бытования сосудов приходится на IX—X вв. Расчески с накладками, аналогичными найденной в погребении 12, происходят из Шестовиц²¹, Тимерева (курган 422, начало XI в.)²² и Гнездова²³. Подобные старолadoжские расчески с геометрическим орнаментом из слоя Д датируются, по-видимому, концом IX в.²⁴ Таким образом, время погребения определяется ориентировочно первой половиной — серединой X в.

Погребение 13 — небольшое скопление кальцинированных костей и угольков в темном слое погребенного гумуса на площади размерами 15×30 см. Место погребения — дно западины. В песке над погребением обнаружен крупный фрагмент кругового сосуда. Погребение предположительно детское.

Погребение 15²⁵ — труположение в материковой яме размерами 250×140 см (рис. 1, 5). Яма корытообразной формы, в нижней части с четырех сторон облицована досками шириной 30—40 см. При расчистке костяка обнаружены следы бересты, которой, видимо, был обернут покойник. Погребенный, мужчина 25—30 лет, лежал на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на северо-восток. Руки были сложены в области таза. В районе грудной клетки найдена бронзовая пластинчатая дуговидная застежка с железной иглой, с ромбовидным расширением в средней части (рис. 3, 6). Около приемника она украшена пятью рядами зигзагообразных линий или треугольников. Близкие по устройству дугообразные фибулы, отличающиеся, однако, деталями формы, орнаментом, материалом (преобладают целиком железные), встречаются в могильнике Бирки (17 экз.)²⁶, на Аландских островах (две находки, одна включает 2 экз.)²⁷, в Гнездове (1 экз., интерпретирован как бронзовый ключ)²⁸. В ногах погребенного обнаружены нож с остатками деревянной рукоятки (рис. 3, 14) и железный футляр для трута (рис. 3, 13). Подобные футляры известны в погребениях Бирки²⁹, Шестовиц³⁰ и Приладожья³¹. В курганах Ярославского Поволжья они обнаружены в девяти мужских погребениях X в., совершенных исключительно по обряду кремации³². Деревянные сооружения в составе могильных ям отмечались на широкой территории в Поднепровье, южном Приладожье³³, но четко зафиксированные деревянные конструкции в виде обкладок стен могильных ям в древнерусских погребениях крайне редки. Они известны по некрополю Киева (погребение 114)³⁴, в Гущине³⁵, Шестовицах³⁶, Жилинах³⁷. В последнее время высказано мнение о принадлежности погребения 114 из Киева скандинаву³⁸. Псковское погребение отличается от названных погребений в Киеве, Шестовицах и Гущине не только размерами и инвентарем, но и конструктивно: облицовка лишь в нижней части ямы, отсутствие угловых столбов и скошенность стенок могильной ямы книзу. Последняя черта отмечена в других погребениях киевского некрополя и в кургане 95 Гнездова³⁹. Ориентировочная дата — X—начало XI в.

Погребение 16 — труположение в сером песчано-глинистом слое. Младенец, от которого сохранились череп и кости грудной клетки, был погребен на левом боку и ориентирован на юг — юго-запад.

Заслуживает специального изучения слой периода существования кладбища, из которого происходят предметы из разрушенных погребений, остатки тризн (рис. 2, 4; 3, 11).

Всего раскопками 1976 г. открыто 14 погребений, что увеличило число известных погребений псковского некрополя до 16. Четыре погребения из 14 — труположения (5, 6, 15, 16), остальные — трупосожжения. Среди последних четыре отражали обряд трупосожжения на стороне (1, 8—10) с помещением останков в урну (1, 8, 10), в ямку в насыпи (9). Урну зарывали в ямку в материке (1, 8), в том числе под курганной на-

сыпью (8). Трупосожжение на месте представляли погребения 9а, 11. Четыре погребения по обряду трепосожжения не являются достаточно чистыми комплексами, чтобы судить о соотношении места сожжения и захоронения.

Все определяемые по способу захоронения труположения относились к захоронениям в ямах (6, 15 — в материке, 5 — в поле кургана).

Из десяти определяемых по возрасту погребенных четверо были взрослыми (1, 9, 9а, 15), остальные — детьми (4—6 — твердо; 7, 8, 13 — предположительно). Разница в обряде погребения в зависимости от возраста не устанавливается. То же касается и пола погребенных. Половая принадлежность определяется лишь для четырех погребений: 4 — женщина, 9, 9а, 15 — мужчины.

Четкое хронологическое различие между погребениями по способу ингумации и кремации не прослеживается. По имеющимся данным некрополь существовал в X—начале XI в. Из десяти датированных погребений два имеют широкую дату (6, 15), шесть относятся ко второй половине — концу X—началу XI в. (1, 4, 9, 9а, 10, 11), два — к середине или первой половине X в. (8, 12). К концу X—началу XI в. соседство некрополя и поселения стало близким⁴⁰ и мешало росту посада в междуречье. Со временем это обстоятельство наряду с упрочением христианства повлияло на прекращение использования некрополя.

Об этническом составе некрополя в целом в начале его изучения судить преждевременно. Но и на данном этапе очевидно, что материал открытых погребений в основном сходен со славянскими древностями Пскова и соседних областей. Находки скорлупообразных и равноплечной фибул говорят о контактах со скандинавами. Раскопки каждого сезона в микрорайоне некрополя открывают новые погребения этого уникального археологического памятника — одного из немногих сохранившихся ранних городских некрополей древней Руси.

¹ Лабугина И. К. Раскопки в Пскове. — АО 1974 г. М., 1975, с. 22.

² Лабугина И. К., Кильдюшевский В. И., Шапова Ю. Л. Раскопки в Пскове на ул. Ленина. — АО 1976 г. М., 1977, с. 24.

³ Нумерация погребений соответствует полевой. Пропуски номеров говорят о том, что определение объекта как погребения не подтвердилось. Определение кальцинированных костей и остального костного материала выполнено Е. Г. Андреевой и В. И. Хартановичем.

⁴ Мальм В. А. Культовая и бытовая посуда из ярославских могильников. — В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 49; Авдусин Д. А. Гнездово и днепровский путь. — В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 162, 166; Каменецкая Е. В. Керамика IX—XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. Автореф. канд. дис. М., 1977, с. 17.

⁵ Пользуемся возможностью поблагодарить за консультацию Г. П. Смирнову.

⁶ Начальная дата захоронений по способу трепосожжения — преимущественно X—начало XI в. См., например: Фехнер М. В. Тимеревский могильник. — В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 14; Недошвина Н. Г. Михайловский могильник. — Там же, с. 30; Седов В. В.

Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, с. 111; Авдусин Д. А. Гнездово и днепровский путь, с. 161; Кочуркина С. И. Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973, с. 13; Булкин В. А., Дубов И. В. Тимерево и Гнездово. — В кн.: Из истории феодальной России. Л., 1978.

⁷ Костные остатки из слоя погребенного гумуса, принятые за погребения 2 и 3 (труположения), принадлежали, по определению Н. М. Ермоловой, собакам.

⁸ Petersen J. Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928, s. 72, fig. 55, 56.

⁹ Paulsen P. Studien zur Wikinger Kultur. Neumünster, 1933, S. 74, Taf. XXX, 3.

¹⁰ Ibid., S. 70.

¹¹ Фехнер М. В. Внешнеэкономические связи по материалам ярославских могильников. — В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 79, примеч. 14; Дедюхина В. С. Фибулы скандинавского типа. — Труды ГИМ, 1967, 43, с. 206.

¹² Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы. — Труды ГИМ, 1967, 43, с. 155, 156, рис. 22; Нукшинский могильник. Рига, 1957, с. 82, табл. VII, 11; Седов В. В. Мальский курганно-жальничный могильник близ Изборска. — КСИА, 1976, 146, с. 90, 93, рис. 2.

- ¹³ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. — МИА, 1959, 65, с. 99—100, рис. 85; *Недошивина Н. Г.* Предметы бытового назначения. — В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 51.
- ¹⁴ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (дуг и стрелы, самострел). VIII—XIV вв. — САИ, 1966, вып. Е1-36, с. 67, 68, тип 46.
- ¹⁵ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, с. 140; *Недошивина Н. Г.* Торговый инвентарь. — В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963.
- ¹⁶ Малевская М. В. Некоторые исторические связи Новгородка в X в. (по материалам керамики). — КСИА, 1972, 129, с. 14—16, рис. 5, 1; 6, 7.
- ¹⁷ Мальм В. А. Культовая и бытовая посуда из ярославских могильников, с. 49; *Авдусин Д. А.* Гнездово и днепровский путь, с. 166.
- ¹⁸ Смирнова Г. П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода. — МИА, 1956, 55, с. 231, 235, 237, рис. 3, 5А.
- ¹⁹ Белецкий С. В. Керамика городища Камно Псковской обл. — КСИА, 1977, 150, с. 93, рис. 1, 3.
- ²⁰ Смирнова Г. П. Лепная керамика древнего Новгорода. — КСИА, 1976, 146, с. 5—7, рис. 2, III; 3, III-1.
- ²¹ Станкевич Я. В. Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946 г. — КСИА, 1962, 87, рис. 8, 2.
- ²² Фезнер М. В. Изделия косторезного производства. — В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 40, 41, рис. 23, 10.
- ²³ Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. — МАР, 1902, 28, табл. VI, 6, 8.
- ²⁴ Давидан О. И. Гребни Старой Ладуги. — АСГЭ, 1962, 4, с. 99, рис. 3; *Она же.* Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки. — АСГЭ, 1976, 17, с. 116, 117, рис. 9.
- ²⁵ Кострище с кальцинированными костями, принятое за погребение 14, не содержало человеческих останков. При зачистке материка под кострищем выявилось несколько мелких столбовых ямок, располагавшихся полукругом. Над одной из них в кострище находился маленький лепной горшочек (рис. 2, 4).
- ²⁶ *Arbman H. Birka I.* Die Gräber. Tafeln. Stockholm; Uppsala, 1940, Taf. 57; *Idem.* Birka I. Die Gräber. Text. Stockholm; Uppsala, 1943, Abb. 40, 2; 44, 15; S. 71, 132, 170, 183, 203, 230, 271, 282, 439, 448, 457, 462, 469.
- ²⁷ *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Helsinki, 1973, Taf. 76, 686.
- ²⁸ *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии, табл. VI, 18.
- ²⁹ *Arbman H. Birka I.* Taf. 186, 11; 187, 2.
- ³⁰ *Блифельд Д. И.* Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977, табл. XXXVI, 1, 12.
- ³¹ *Седов В. В.* Новгородские сопки. — САИ, 1970, вып. Е1-18, табл. XIV, 2.
- ³² *Недошивина Н. Г.* Предметы бытового назначения, с. 51.
- ³³ *Русанова И. П.* Курганы полян X—XIII вв. — САИ, 1966, вып. Е1-24; *Кочкуркина С. И.* Юго-восточное Приладожье..., с. 18.
- ³⁴ *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1958, I, с. 185—187.
- ³⁵ *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова. — МИА, 1949, 11, с. 22, 26, рис. 5.
- ³⁶ *Блифельд Д. И.* Давньоруські пам'ятки..., с. 20—23.
- ³⁷ *Русанова И. П.* Курганы полян..., с. 33, 34.
- ³⁸ *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники древней Руси IX—XI в. Л., 1978, с. 112.
- ³⁹ *Голубева Л. А.* Киевский некрополь. — МИА, 1949, 11, с. 112, № 2 (ср.: *Каргер М. К.* Древний Киев, с. 178, 179, № 112, табл. XX, 1); *Каргер М. К.* Древний Киев, с. 192, 193, № 118; *Авдусин Д. А.* Отчет о раскопках в Гнездове в 1957—1960 гг. — МИСО, 1970, VII, с. 238.
- ⁴⁰ *Лабугина И. К.* Итоги изучения культурного слоя Пскова. — КСИА, 1981, 164.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ОКРЕСТНОСТЕЙ НОВОГРУДКА

Древний Новогрудок был окружен курганными могильниками, среди которых есть памятники, насчитывающие 100 и более насыпей (рис.). До настоящего времени сохранились лишь те курганные группы, которые находятся в лесах. К числу таковых относятся могильники у деревень Бретянка¹, Ботаревка², Городиловка³, расположенные в непосредственной близости к Новогрудку, и могильники у деревень Ладеники⁴, Мольниччи⁵, Селец⁶, Сулятичи⁷, удаленные от Новогрудка на 4—6 км. До недавнего времени небольшие курганные группы стояли на окраинах Новогрудка, у д. Коростово⁸, вдоль Минского шоссе⁹, на поле между деревнями Селец и Городиловка¹⁰, около хут. Экономия. Ныне они уничтожены распашкой или поглощены городской застройкой.

Начало изучению курганных могильников в окрестностях Новогрудка положено Ф. Д. Гуревич в 1956 г. Ею осмотрены и обмерены почти все ныне известные в этом районе могильники и проведены пробные раскопки некоторых курганных групп, что дало возможность установить принадлежность памятников славянам и датировать их XI—XII вв.¹¹

С 1963 по 1972 г. отрядом Новогрудской археологической экспедиции под руководством автора проводились плановые раскопки погребальных памятников в окрестностях Новогрудка. Раскопано около 80 курганов в шести группах (Бретянка, Ботаревка, Городиловка, Мольниччи, Селец и Сулятичи) и 103 захоронения в бескурганном могильнике окольного города древнего Новогрудка¹².

Цель настоящей работы обобщить накопленные материалы. Все курганы раскопаны на снос. Для исследования выбирались в каждом могильнике курганы разной величины в разных частях могильника. В первую очередь раскапывались курганы, которым угрожали распашка или снос в связи с хозяйственным строительством. Большое внимание уделялось антропологическому материалу. Все более или менее сохранившиеся черепа и скелеты изучены антропологами и врачом-палеопатологом¹³.

Могильники в окрестностях Новогрудка располагаются обычно на высоких коренных берегах небольших речек или в лесу. Курганы стоят кучно, беспорядочно. Но в некоторых местах (Бретянка, Городиловка, Сулятичи) наблюдаются цепочки из крупных курганов, составляющие, как правило, центральную часть могильника. Вокруг наиболее крупных курганов в этих цепочках и между ними группируются курганы меньшей величины.

Курганы имеют полушаровидную форму, диаметр 6—10 м, высоту от 70 до 1,5 м. Они, за редким исключением, состоят из мелкого песка. У основания насыпей песок обычно бывает более темным за счет примеси гумуса. Такие гумусированные прослойки достигают толщины 30—50 см. Погребения по обряду трупоположения, как правило, залегают в этих гумусных прослойках, в основном в их нижней части.

В насыпях многих курганов встречаются в большем или меньшем количестве небольшие булыжные или единичные крупные валунные камни. По погребальному обряду курганы под Новогрудком делятся на три типа: 1) с погребениями по обряду сожжения; 2) с погребениями по обряду трупоположения на уровне древней поверхности (на горизонте); 3) с погребениями в могильных ямах (табл.).

Кроме того, могильники окрестностей Новогрудка можно дифференцировать на две группы. В первую входят могильники, в курганах которых встречается погребения по обряду сожжения и по обряду трупоположения на горизонте (Бретянка, Городиловка, Селец, Ладеники, Мольниччи).

Вторая, меньшая, группа объединяет могильники, под курганами которых встречаются погребения по обряду труположения на горизонте, но большую часть в них составляют погребения в могильных ямах (Ботаревка, Каменка, Сулятичи).

Погребения по обряду сожжения составляют около 6% от общего количества исследованных. Зафиксированы сожжения на месте и на стороне. В первом случае (Бретянка, курганы 3, 7) у подошвы курганной насыпи имелись остатки погребального костра в виде слоя золы и угля толщиной 3—6 см, в котором встречены мелкие обломки кальцинированных костей, фрагменты изделий из железа, бронзы и гончарной керамики. Слой золы и угля в этих курганах располагался обычно в середине курганной площадки и занимал площадь 4—5 кв. м. В курганах с сожжением на стороне (Бретянка, курган 10) остатки кремации были сложены в могильную ямку, вырытую в материке. Кальцинированные кости тщательно отобраны и ссыпаны на дно ямки.

В курганах с погребениями по обряду сожжения не найдено вещей, по которым можно было бы определить время захоронений. Поэтому их время определяется, исходя из общей датировки могильника, — конец X—XI в.

В курганах с погребениями по обряду труположения покойники лежали у подошвы насыпи на уровне древней поверхности в вытянутом положении на спине, головами на запад, северо- или юго-запад, причем преобладала юго-западная ориентировка, что позволяет говорить о повышенной смертности населения в весенне-летние месяцы. Восточная ориентировка обнаружена только в одном кургане (Городиловка, курган 1, мужское погребение).

Золистые подсыпки встречены в 70% курганов с труположениями на горизонте. В некоторых насыпях слой золы лежит под погребением. Иногда это тонкая, едва уловимая прослойка, которая могла образоваться при подготовке погребальной площадки как результат сжигания растительности на месте будущего кургана. На это указывают следы обожженности на погребальных площадках (Бретянка, курганы 6, 7; Мольничи, курган 1). Но в большинстве случаев золистый слой под погребениями достигает толщины 10—12 см без каких-либо признаков разведения огня на погребальной площадке. По-видимому, зола в этих случаях была принесена к месту погребения в холодном виде. Золистая прослойка, как правило, не занимает всю погребальную площадку, а образует на ней пятно диаметром 3—5 м. Толщина и интенсивность золистого слоя всегда больше в середине пятна. У его краев зола, постепенно выклиниваясь, становится менее заметной. Во многих курганах зола оказывается не только под погребениями, но и над ними, причем нередки случаи, когда в насыпи таких курганов, на 20—30 см выше погребения и немного в стороне от него, четко прослеживаются остатки небольших кострищ в виде золисто-углистых прослоек толщиной 3—5 см. Эти прослойки иногда имеют округлые, чаще неправильные очертания диаметром от 0,7 до 1,5 м. Иногда эти кострища краями заходят на погребения. Особенно ярко такие кострища, по-видимому ритуального назначения, выражены в могильниках у деревень Городиловка (курганы 1, 4, 7 и 8) и Мольничи (курганы 1, 2). В кургане 4 у д. Городиловка слева от погребения и на 20 см выше его обнаружены остатки сгоревшего деревянного настила.

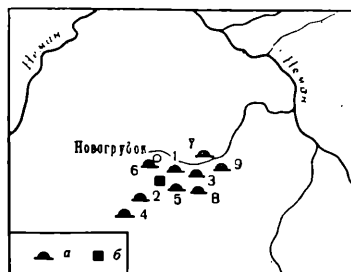

Рис. Распространение курганов в окрестностях Новогрудка

а — курганы;	4 — Каменка;
б — бескурганный могильник	5 — Коростово;
1 — Бретянка;	6 — Ладеники;
2 — Ботаревка;	7 — Мольничи;
3 — Городиловка;	8 — Селец;
	9 — Сулятичи

Таблица
Погребальные памятники окрестностей Новотурки

Могильники	Количество курганов	Количество погребений				Обряд погребения						Особенности ритуала					
		всего	парные	впускные	сожжение на месте	сожжение на стороне	труположение на горизонте	труположение в яме	зола под погребением	зола или кострище над погребением	песок под погребением	домовина или гроб	единичные камни в насыпи	камни вокруг погребения	керамика около погребений	черепки в насыпи	
Бретянка	30	30	—	—	6*	2	22	—	10	5	4	—	7	6	9	6	
Городиловка	8	8	—	—	—	—	8	4	4	4	3	—	8	4	5	2	
Мольнич	8	7	—	?	—	—	7	3	5	4	—	—	—	—	1	—	
Селец	5	5	—	—	—	—	5	2	2	2	—	—	—	—	—	—	
Ботаревка	6	8	2	—	—	—	3	1	1	—	—	—	5	—	—	3	
Судятычи	20	25	4	1	—	—	8	17	2	6	1	—	8	3	4	3	

Таблица (окончание)

Могильники	Погребальный инвентарь														Датировка (века)		
	топоры	ножи	кресала	неопределенные железные предметы	височные кольца со спиральным завитком	височные кольца трехбусинные	перстневидные височные кольца	бусы мелкие стеклянные	бусы сердликовые	бусы серебряные зеренные	бубенчики-пуговки	перстни проволочные	перстни спиралевидные	перстни рубчатые		кольца поясные	пряжки
Бретянка	1	10	2	3	4	1	—	2	2	1	—	2	1	1	1	1	Конец X—XI
Городиловка	2	2	—	—	—	—	—	—	—	1	—	3	—	—	—	—	Конец X—XI
Мольнич	—	1	—	—	—	—	—	1	1	1	—	1	1	—	—	—	Конец X—XI
Селец	—	—	—	—	1	—	—	—	1	1	—	1	1	—	—	—	Конец X—XI
Ботаревка	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	XII—XIII
Судятычи	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—	1	3	—	—	—	—	XII—XIII

* Цифры в графах означают количество случаев.

Подсыпки из песка (под погребениями), отличного по цвету и структуре от насыпи, отмечены в нескольких курганах (Бретянка, курганы 26, 29, 30; Экономия, курган 14; Городиловка, курганы 2—5). Эти подсыпки, как и подсыпки из золы, занимали не всю курганную площадку, а лишь небольшой ее участок, непосредственно под погребением и вокруг него. Толщина слоя песка не превышала 10—12 см.

Остатки сгоревших домовин открыты только в двух курганах (Мольничи, 1, 4). Это были своего рода деревянные ящики прямоугольной формы, покрытые бревенчатым накатом. В обоих случаях они были обожжены.

В могильниках первой группы на вершинах курганов под дерном найдено по одному-два камня (Бретянка, курганы 6, 7). Они завершали эти насыпи и, вероятно, несли какую-то определенную функцию. В некоторых курганах Бретянки и Городиловки камни лежали на погребальных площадках. Чаще это было два-три камня, назначение которых неясно. Но в отдельных случаях (Городиловка, курганы 3, 8) по одному большому камню лежало у ног и головы погребенных. В курганах 4 и 6 Городиловского могильника большое количество крупных камней было набросано вокруг погребений на погребальной площадке. Каково бы ни было назначение этих камней, совершенно ясно, что в ряде случаев камни в курганах — не случайное явление, а положены преднамеренно, что может быть связано с пережитками или влиянием традиций погребального обряда культуры каменных курганов. Однако найти истоки этих пережитков довольно трудно, поскольку какая-либо закономерность в расположении камней в новгородских курганах не прослеживается. Возможно, здесь имели место пережитки традиций балтских племен.

Все описанные особенности погребального ритуала отмечены в основном в могильниках первой группы. Наибольшим разнообразием в погребальном ритуале отличается могильник у д. Бретянка. Это обусловлено, несомненно, тем, что могильник у Бретянки был некрополем древнего Новогрудка конца X—XI в., население которого, как и многих других городов древней Руси того времени, было гораздо более смешанным, чем в окрестных поселках.

В погребальном обряде могильников второй группы повторяются некоторые черты погребального ритуала кладбищ первой группы. В частности, в курганах с труположениями на горизонте также встречаются золистые подсыпки под погребениями и над ними. В курганах этой группы относительно чаще попадают зола или кострища над погребениями, и выражены они более четко. Но основная особенность могильников этой группы — погребения в могильных ямах и парные погребения. Так, в Сулятичском могильнике из 20 раскопанных курганов парные захоронения найдены в пяти, в том числе в четырех курганах с погребениями в могильной яме (курганы 2, 4, 5, 19) и в одном с погребениями на горизонте (курган 9). В трех из них (курганы 5, 9, 19) захоронения были одновременны, в кургане 4 одно погребение впускное, в кургане 2 последовательность захоронений неясна. В Ботаревке из шести раскопанных курганов в двух (1, 4) были парные захоронения (женщина и ребенок).

Погребения в ямах в могильниках окрестностей Новогрудка до последнего времени не были известны, за исключением одного погребения в небольшом углублении, обложенном камнями, на поле между деревнями Селец и Городиловка. Все могильные ямы вырыты в материковом суглинке, имели прямоугольную в плане форму, вытянуты с запада на восток, иногда с отклонением преимущественно к югу. Размеры ям варьируют незначительно: длина — в пределах 190—220 см, ширина — 65—90 см, глубина — 30—90 см. Если в кургане было одно погребение, то яма располагалась в середине курганной площадки; если — два, то в северной и южной половинах курганной площадки, ближе к ее середине. Покойники лежали на дне ямы, иногда на подсыпке из песка, в обычном положении головами на запад или с отклонениями к юго- или северо-западу. В кургане 1 в Ботаревке имелись четкие остатки гроба.

В некоторых курганах Сулятического могильника (1—3) у краев могильных ям лежало по одному-два камня, чаще у ног или у изголовья покойника. В кургане 1 этого могильника куча небольших булыжных камней находилась на дне ямы за черепом.

В трех курганах Ботаревского могильника (1, 4, 6) ямы сверху были заложены камнями, осевшими впоследствии в верхнюю часть заполнения ям.

Курганы с захоронениями на горизонте более крупные. В могильнике у д. Сулятичи они составляли центральную ось. Среди курганов с погребениями в могильных ямах также имеются довольно крупные — диаметром до 8—10 м при высоте 1—1,5 м, но большая часть — насыпи диаметром 3—3,5 м, высотой 30—50 см.

Погребальным инвентарем курганы обеих групп могильников бедны, однако и в этой бедности есть некоторые различия. Инвентарь женских погребений курганов обеих групп состоит из немногочисленных предметов личного убора. В могильниках первой группы в составе женских украшений встречаются в основном небольшие перстнеобразные височные колечки, немногочисленные бусы, среди которых имеются единичные зерновые дреговичского типа, проволочные или пластинчатые перстни. Более богатыми наборами украшений отличаются некоторые погребения могильника у д. Бретьянка. Здесь преобладают круглопроволочные височные кольца больших размеров с характерными спиральными завитками на концах, височные кольца с полыми шаровидными напускными бусами, реже — кольца со сцепленными концами. Ожерелья Бретьянских курганов состоят из мелких цветных бусин с добавлением к ним единичных сердоликовых, хрустальных или серебряных зеренных. Серебро- и золотостеклянные бусы в новгородских курганах редки.

В женских погребениях в могильниках второй группы доминируют небольшие полутораоборотные височные кольца с загнутым в обратную сторону одним концом, рубчатые перстни, бубенчики-пуговицы с линейной прорезью. В мужских погребениях могильников первой группы иногда встречаются ножи, кресала, топоры. В могильниках второй группы эти предметы не попадались. В могильниках первой группы около погребений, у изголовья или у ног покойника часто стояли целые глиняные горшки или лежали дужки и оковки от небольших деревянных ведерок. В могильниках второй группы в насыпях курганов встречались обломки керамики в разрозненном состоянии. В некоторых Сулятических курганах (1, 5, 9) около погребений или на краях могильных ям найдены отбитые нижние части гончарных сосудов. По погребальному инвентарю могильники первой группы четко датируются концом X—XI в.; второго типа — XII—XIII вв.

Среди женских украшений могильников окрестностей Новгорода нет таких предметов, которые были бы присущи только одному славянскому племени. Женские украшения юго-западной группы восточного славянства имеют много общего, и различия, которые пытались уловить исследователи, можно считать второстепенными¹⁴. Основным критерием для определения племенной принадлежности того или иного могильника на этой территории выступает обряд погребения. Работами И. П. Русановой, В. В. Седова, Е. И. Тимофеева и других¹⁵ установлено, что в погребальном обряде и инвентаре юго-западной группы славян имеется много общих черт, но есть и различия. Погребения в могильных ямах в курганах юго-западной группы летописных славян X—XIII вв. служат не хронологическим, а этническим признаком. Они появляются здесь очень рано и сосуществуют с трупоположениями на горизонте, образуя в большинстве случаев обособленные группы курганов¹⁶. Погребения на горизонте различаются между собой по расположению золистой прослойки относительно погребения и по характеру дополнительных погребальных сооружений (колоды, теремки, домовины, гробы, обкладывание покойника бревнами или досками).

Для курганов дреговичей характерны золистые или песчаные подсыпки под погребениями, а также домовины¹⁷. Золистые прослойки и кострища в насыпях курганов выше погребений или на одном уровне с ними характерны для курганов древлян¹⁸. Воляняне хоронили своих умерших в могильных ямах под курганами¹⁹.

В новогрудских могильниках первой группы, относящихся к концу X—XI в., наиболее часты погребения на горизонте с золистыми или песчаными подсыпками под ними и зольными прослойками или небольшими кострищами выше погребений. Есть погребения в домовинах. Здесь наиболее четко выступают погребения древлян и дреговичей. Однако погребения на горизонте с зольными прослойками над погребениями известны и на основной территории волянян²⁰. Таким образом, в новогрудских могильниках первой группы (X—XI вв.) основную массу погребений составляют погребения древлян и дреговичей, погребения волянян выступают не столь четко. В Бретянке встречаются единичные погребения кривичей. Следовательно, основную массу населения в окрестностях Новогрудка в X—XI вв. составляли древляне, дреговичи и воляняне, которые переселились сюда, по-видимому, во второй половине X в. Примерно ту же картину рисуют и антропологические данные по материалам могильников Бретянки и Новогрудка²¹. Южные традиции прослежены и в домостроительстве древнего Новогрудка на ранних этапах его существования²². А в керамике Новогрудка и Волковыска прослежены черты, сходные с керамикой Волини²³.

В могильниках второй группы, относящихся к XII—XIII вв., наиболее четко и в большем количестве выступают погребения волянян (Сулятичи) и носителей культуры каменных курганов Бужско-Неманского междуречья (Ботаревка).

Могильники второй группы отражают вторую волну расселения славянских племен в Верхнем Понеманье.

¹ Павлова К. В. Раскопки могильника близ Новогрудка. — КСИА, 1965, 104, с. 99.

² Павлова К. В. Раскопки курганов у деревень Селец и Ботаревка. — КСИА, 1977, 148, с. 87—90.

³ Павлова К. В. Раскопки курганов у д. Городиловка. — КСИА, 1973, 135, с. 56.

⁴ Гуревич Ф. Д. Древности белорусского Понеманья. М.; Л., 1962, с. 99.

⁵ Павлова К. В. Могильники у деревень Мольнич и Сулятичи. — КСИА, 1974, 139, с. 59 и сл.

⁶ Павлова К. В. Раскопки курганов у деревень Селец и Ботаревка, с. 85, 86.

⁷ Павлова К. В. Могильники у деревень Мольнич и Сулятичи, с. 63.

⁸ Гуревич Ф. Д. Древности ..., с. 166.

⁹ Цыбишева М. А. Раскопки в конце 1892 г. некоторых курганов близ г. Новогрудка Минской губернии. — В кн.: Каталог предметов, доставленных на археологическую выставку при IX АС в Вильне в 1893 г. Вильно, 1893, с. 73.

¹⁰ Гуревич Ф. Д. Древности ..., с. 185.

¹¹ Там же, с. 97—112.

¹² Павлова К. В. Могильник на территории окольного города древнего Новогрудка. — КСИА, 1967, 110, с. 36.

¹³ Саливон И. И., Тезако Л. И., Микулч А. И. Очерки по антропологии Белоруссии. Минск, 1976, с. 30; Казей Л. М. Аб палеопаталогіі чалавека як гістарычнай крынцы (по матэрыялам археалагічных раскопак). —

Весці Акадэміі навук БССР, Серыя грамадскіх навук, 1973, 4, с. 116—121.

¹⁴ Тимофеев Е. И. Расселение юго-западной группы восточной части славян по материалам могильников X—XIII вв. — СА, 1961, № 3, с. 56; *Он же*. Славянские языческие могильники X—XIII вв. Волини. — Учен. зап. Хабаровского пед. ин-та, 1961, VI, с. 103, 104.

¹⁵ Русанова И. П. Территория древлян по археологическим данным. — СА, 1960, № 1, с. 63—69; *Седов В. В.* О юго-западной группе восточнославянских племен. — В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962, с. 97, 98; *Он же*. Курганы ятвягов. — СА, 1964, № 4, с. 36 сл.; *Тимофеев Е. И.* Расселение ..., с. 56—87; *Он же*. Славянские языческие могильники ..., с. 86—104; *Он же*. Юго-западная группа восточных славян по археологическим данным. — Учен. зап. Хабаровского пед. ин-та, 1961, VI, с. 105—127.

¹⁶ Тимофеев Е. И. Расселение ..., с. 57, 63, 64.

¹⁷ Рыбаков Б. А. Радзімічы. — Праці сэкцыі археалогіі Інстытута гісторыі Беларускай Акадэміі навук, 1932, III, с. 85—88.

¹⁸ Русанова И. П. Территория древлян ..., с. 65—67; *Тимофеев Е. И.* Расселение ..., с. 56, 57.

¹⁹ Тимофеев Е. И. Расселение ..., с. 64.

²⁰ Там же, с. 56—58.

²¹ Саливон И. И., Тезако Л. И., Микулич А. И. Очерки по антропологии... с. 30.

²² Гуревич Ф. Д. Два этапа в истории древнерусских городов Понеманья. —

КСИА, 1976, 146, с. 25.

²³ Малевская М. В. Некоторые исторические связи Новогрудка в X в. (по материалам керамики). — КСИА, 1972, 129, с. 17.

Н. В. ГУСЛИСТОВ

КУРГАНЫ И ЖАЛЬНИК У ДЕРЕВЕНЬ ТИМОШКИНО И ЯРЦЕВО ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Курганы и жальник у деревень Тимошкино и Ярцево Бабаевского р-на Вологодской обл. впервые описаны в связи с паспортизацией памятников археологии директором Устюженского краеведческого музея Б. М. Яковцевским¹. В 1967 г. они были осмотрены А. В. Никитиным². В 1975 г. Вологодской археологической экспедицией под руководством А. В. Никитина и при участии автора здесь проведены раскопные работы. Вскрыты 23 кургана и восемь могил под каменными обкладками. В следующем году автором закончены раскопки этой группы памятников. Вскрыты 16 курганов и шесть могил под каменными обкладками. За два года работы выявлены 77 погребений и восемь курганов. 54 могилы оставлены нераскопанными³.

Группа памятников у деревень Тимошкино и Ярцево расположена в 60—200 м от правого берега речки Сницы, левого притока Колпи, в лесу, на естественной песчаной гряде, возвышающейся над окружающей местностью на 2 м (рис. 1). Восемь курганов, находящихся на значительном расстоянии друг от друга (до 60 м), составляют группу у д. Ярцево. Форма насыпей здесь полусферическая, окружающие ровики прослеживаются только при близком расположении курганов. Высота насыпей от 0,6 до 1 м, диаметр — от 7 до 9 м, только курган 6 имел диаметр 18 м и высоту 1,8 м.

В 25 м к востоку находится жальник, представляющий собой 65 кучно расположенных каменных обкладок. Большинство обкладок (44) четырехугольной формы, размерами 1×2 м, ориентированы с запада на восток. У восьми обкладок форма эллипсоидная, диаметр до 3 м. Эти обкладки возвышаются над уровнем земли до 30 см и составляют центр могильника. На южной границе жальника имеется небольшой курган (9).

Ближе к д. Тимошкино, в 140 м к востоку от жальника, расположена группа из 38 курганов и трех могил под каменными обкладками. Насыпи в группе полусферической формы, расположены кучно, отделены друг от друга явно выраженной канавкой. Диаметр курганов от 6 до 10 м, высота — от 0,3 до 1 м. По размерам выделяется лишь одна насыпь высотой до 2 м и диаметром до 17 м.

При раскопках группы памятников у деревень Тимошкино и Ярцево получен значительный материал, характеризующий население данной местности. Задачей этой работы является выделение типов погребений, определение их хронологических рамок с целью выяснения эволюции погребального обряда.

Для выделения типов погребений был составлен список признаков, характеризующих конструкцию погребального сооружения (четыре признака), положение останков погребенного (22 признака), состав и размещение инвентаря (19 признаков). Кроме того, учитывались пол и возраст погребенного. По признакам, носящим диагностический характер и составляющим статистически достоверные серии, вычислен показатель близости каждого погребения к остальным 76. Использовалась

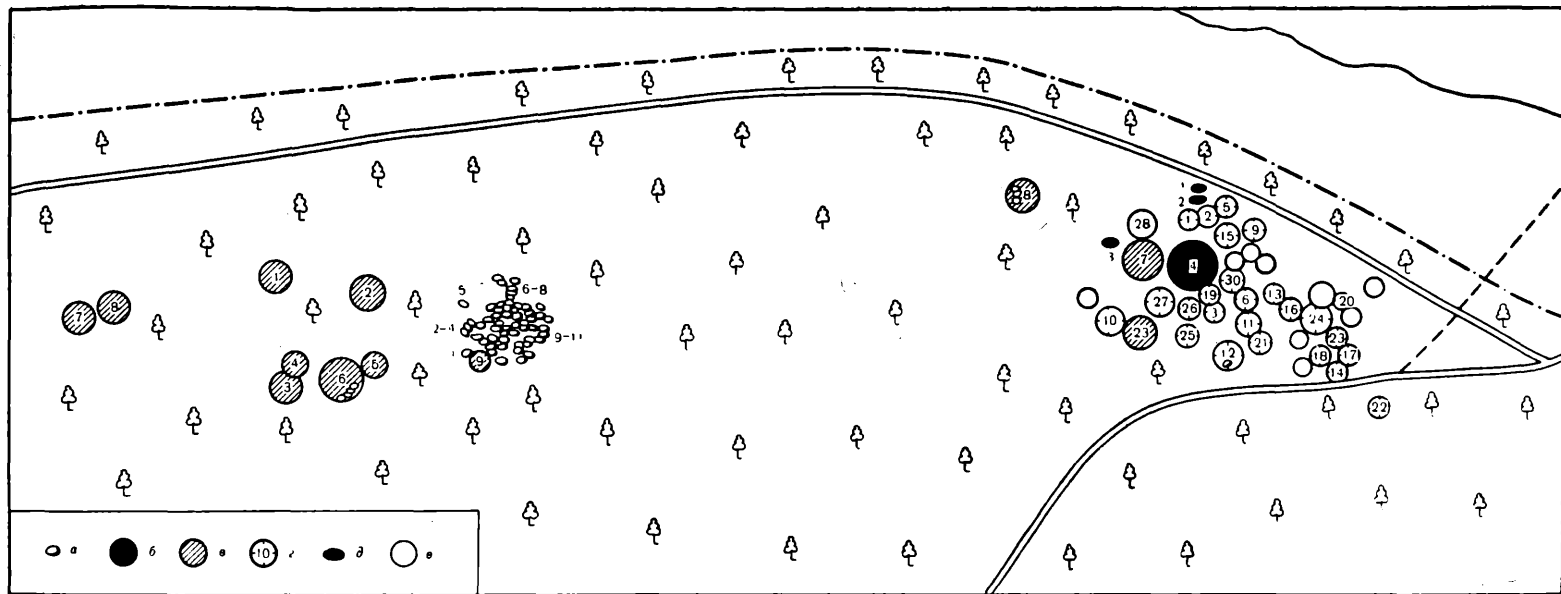

Рис. 1. Ситуационный план могильников у деревень Ярцево и Тимошкино

а — каменные обкладки; б — курганы с погребениями типа I; в — курганы с погребениями типа II; г — курганы с погребениями типа III; д — курганы с погребениями типа IV; е — нераскопанные курганы и могилы

формула $f = \frac{s^2}{Kl}$, где f — показатель близости, s — количество общих признаков, K — количество признаков, характеризующих другое погребение.

В результате размещения погребений по показателям близости четко выделяются четыре типа.

Погребения первого типа (5) размещены в курганной насыпи высотой до 2 и диаметром до 17 м (Тимошкино, курган 4). Насыпь окружена канавкой, которая могла образоваться и позднее, в результате сооружения близко расположенных курганов. В основании насыпи — кострище. Захоронения совершены по способу трупосожжения на стороне. Одно погребение — в лепном сосуде слабого обжига, остальные четыре — в насыпи. Инвентарь: лепной сосуд, каменный брусок, железные рыболовные крючки с бородкой, бронзовый пластинчатый овальнощитковый перстень с завязанными концами. Почти полное отсутствие инвентаря делает возможным датировку этого типа погребения главным образом на основании существующих представлений о распространении обряда трупосожжения в данном регионе. Это X—начало XI в.⁴ Такой дате не противоречит и находка оплавленного перстня. Перстни подобного типа были распространены в конце X—начале XII в., а наиболее широко бытовали в XI в.⁵ Правоммерно предположить, что данные погребения относятся к самому концу X—началу XI в.

Погребения второго типа (14±2) размещены в курганной насыпи высотой от 0,6 до 1 м, диаметром от 7 до 10 м. Окружающая канавка прослеживается только в том случае, если рядом расположены другие насыпи. Курганы этого типа значительно удалены друг от друга. В основании насыпей — зольные прослойки. Захоронения — на кострище, по обряду трупоположения, без колоды. Умершие обращены головой на запад с отклонениями до 30° (в одном случае — на юго-восток). Руки преимущественно вытянуты вдоль тела. В курганах 1 и 5 у д. Ярцево встречены парные захоронения, одно из которых впускное. В кургане 9 у д. Ярцево — детское погребение. Почти во всех захоронениях найдены лепные сосуды слабого обжига. В ногах расположен очаг из трех прокопченных камней. В захоронениях мужчин встречены поясные наборы из одной лировидной бронзовой пряжки и двух бронзовых колец, пластинчатые кресала и кремни, железные рыболовные блесны, топоры, ножи. В захоронениях женщин обнаружены височные кольца, стеклянные бусины, накидки, шитые бисером и свинцово-оловянистыми накладками (рис. 2; 3). Ножи встречаются как в мужских, так и в женских погребениях. Расположены они чаще у левого или правого бедра. В двух женских погребениях ножи с цепочками находились на правой стороне груди.

Погребения второго типа датируются бусами: дынеобразными желтого глухого и густо-синего стекла (X—XI вв.)⁶; лимоновидными желтого глухого стекла двойными, тройными и одинарными (X—начало XI в.)⁷; лимоновидными светло-серого стекла с орнаментом из темных продольных полос (X—начало XI в.)⁸; зонными густо-синего стекла двойными, тройными и одинарными (X—XI вв.)⁹; густо-синими лимоновидными (X—первая половина XI в.)¹⁰; цилиндрическими синего прозрачного стекла (X—XI вв.)¹¹; глазчатыми гладкими круглыми и зонными глухого стекла (X—XI вв.)¹². Встреченные в погребениях второго типа бронзовые и серебряные перстнеобразные и браслетообразные загнутоконечные височные кольца имеют более широкую датировку¹³. Топор из кургана 7 у д. Тимошкино с широким лезвием, с выемкой и проушиной относится, по Б. А. Колчину, к первому типу, доживающему до середины XII в. Ножи, которыми сопровождаются $\frac{2}{3}$ погребений, имеют узкое клиновидное лезвие, прямую или чуть закругленную спинку. Они выходят из употребления к середине XII в.¹⁴ Таким образом, погребения второго типа в целом датируются в рамках XI—первой половины XII в.

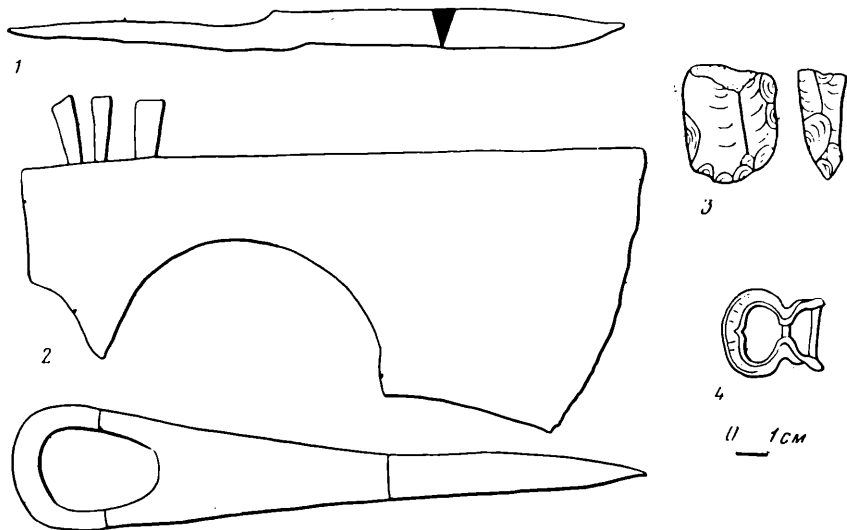

Рис. 2. Вещи из кургана 7 у д. Тимошкино

1, 2 — железо; 3 — кремьень; 4 — бронза

Погребения третьего типа (31) характеризуются курганной насыпью высотой от 0,3 до 0,6 м и диаметром от 5 до 9 м. Насыпи расположены кучно, окружены явно выраженной канавкой. В основании курганов прослеживается прослойка зольного цвета. Погребения совершены по способу труположения в подкурганной яме, в колодах. За исключением двух, умершие обращены головой на запад с отклонением до 30°. Руки преимущественно согнуты в локтях, кисть лежит в области таза. В пяти курганах встречены парные захоронения. Зависимость расположения в определенном секторе кургана от пола погребенного не прослеживается. Трижды встречены детские погребения. Все мужские и детские погребения — без инвентаря, только два раза встречен нож у бедра. Часть женских захоронений сопровождается серебряными, бронзовыми и свинцово-оловянистыми височными кольцами, накладками ворота, браслетами, перстнями, ножом у бедра или на груди. В одном погребении встречены стеклянные бусы.

Погребения третьего типа датируются ромбоцитковым височным кольцом с крестообразной фигурой на щитке, выбитой пунсоном (конец X—XII в.), и ромбоцитковым бронзовым височным кольцом нечеткой формы без орнамента (до XIV в.)¹⁵; витым браслетом с завязанными концами (XI—XII вв.)¹⁶; битрапецеидной бусиной зеленого стекла (XI—XII вв.)¹⁷; многобусинными височными кольцами и кольцами со сканью по шву бусин (XII—XIII и XIV вв.)¹⁸; пластинчатым узкоконечным браслетом с валиком посредине (XI—XIV вв.)¹⁹; бронзовым рубчатым перстнем (X—XIII вв.)²⁰. Для женских погребений третьего типа характерен комплекс украшений из свинцово-оловянистых сплавов: медальоны со стилизованным изображением дерева и двух птиц, медальоны с изображением птицы, ложнобусинные височные кольца, браслеты, накладки ворота, бусины с ложной сканью и зернью. Имитационные украшения из свинцово-оловянистых сплавов появляются в 70-х годах XII в. в Новгороде и наиболее характерны для XIII в.²¹ Ножи, встречающиеся в погребениях, имеют широкое лезвие и длинный клинок. Они датируются XII—XIII вв.²² Все это позволяет определить период совершения захоронений третьего типа XII—XIII вв.

Четвертый тип составляют захоронения под каменными обкладками в могильных ямах (15 погребений) и в насыпи курганов (11 погребений). Предполагается, что в нераскопанных могилах под каменными обкладками находится еще до 60 погребений этого типа. Захоронения

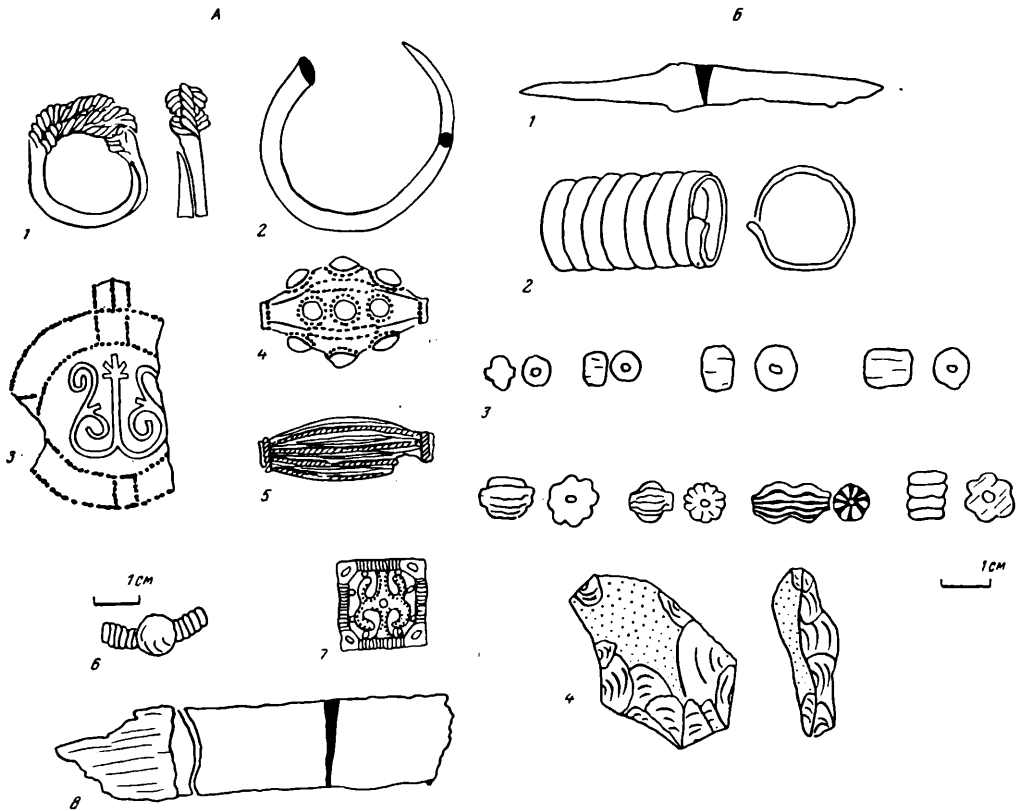

Рис. 3. Вещи из курганов

А — из кургана 13 у д. Тимошкино: 1 — 7 — свинцово-оловянистые сплавы, 8 — железо;
 Б — из кургана 1 у д. Ярцево: 1 — железо, 2 — бронза, 3 — стекло, 4 — кремнь

совершены по обряду труположения в колодах. Умершие обращены головой на запад с отклонением до 45° . В двух случаях встречены очаги в ногах. За редким исключением, погребения — без инвентаря. Встречены серьги в виде знака вопроса, датирующиеся XIV—XV вв., и серебряная серьга-лунница.

Погребения, впущенные в насыпь курганов, представляются вариантом данного типа. Во всех случаях они сопровождаются каменными выкладками по всей поверхности кургана или по его части. Погребения безинвентарны. Только погребение 1 в кургане 12 у д. Тимошкино (руки умершей разведены в стороны и подняты вверх, в области ног, рук и под головой найдены кованые гвозди) сопровождается инвентарем: серьгами в виде капли и крестика, нательным крестом, бусинами прозрачного желтого и темно-синего стекла.

Если начальная дата погребений под каменными обкладками более или менее ясна, то поздняя требует уточнения. Дело в том, что население данной местности с XVIII в. хоронит умерших на кладбище у д. Лебедево-Новинки, в 2,5 км от Ярцева и Тимошкина. На этом кладбище есть могилы и с каменными обкладками, что дает возможность высказать предположение о сравнительно долгом бытовании здесь жальничных погребений, по крайней мере до XVII в.

Особняком стоит погребение 4 кургана 2 у д. Тимошкино, выходящее за рамки четырех описанных типов. Это детское захоронение в гробике, склоченном гвоздями, впущенное в насыпь кургана.

Таким образом, в группе памятников у деревень Ярцево и Тимошкино выделяются четыре типа погребений. Внутри типов основные признаки погребального сооружения, положения останков погребенного, характер инвентаря — общие. Различия между типами касаются этих

основных признаков. Связь между ними выражена расположением погребений разного типа во всех трех частях некрополя, наличием переходных форм погребений, отдельными признаками, характерными для погребений как раннего, так и более позднего типа, и хронологической последовательностью в их смене. Такая преемственность может быть объяснена отсутствием резких социально-экономических, этнических и культурных сдвигов и постепенностью исторического развития населения данной местности. С другой стороны, соответствие изменений в погребальном сооружении, положении останков погребенного и инвентаре тенденциям, действующим на всей территории северо-запада Восточной Европы, говорит об отсутствии исторической изоляции.

- ¹ Материалы паспортизации 1949 г. — в Устюженском краеведческом музее, ф. 7.
- ² *Никигин А. В.* Отчет 1967 г. Архив ИА, р-1, № 3530.
- ³ *Никигин А. В.* Отчет 1975 г. Архив ИА, р-1, № 3000; *Гуслястов Н. В.* Отчет 1976 г. Архив ИА, р-1, № 5844.
- ⁴ *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере. М., 1973, с. 21—24; *Тухтина Н. В.* Этнические особенности веси X—XII вв. Автореф. канд. дис. М., 1976, с. 3.
- ⁵ *Недошивина Н. Г.* Перстни. — Труды ГИМ, 1967, 43, с. 256, 257.
- ⁶ *Шапова Ю. Л.* Стекланные бусы древнего Новгорода. — МИА, 1956, 55, с. 175, 176; *Фехнер М. В.* К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. — Труды ГИМ, 1959, 33, приложение V, 10, 13.
- ⁷ *Шапова Ю. Л.* Стекланные бусы ..., с. 173, 174; *Фехнер М. В.* К вопросу..., приложение V, 1.
- ⁸ *Шапова Ю. Л.* Стекланные бусы ..., с. 175; *Фехнер М. В.* К вопросу..., приложение V, 2.
- ⁹ *Шапова Ю. Л.* Стекланные бусы ..., с. 168, 169; *Фехнер М. В.* К вопросу..., приложение V, 4, 5.
- ¹⁰ *Шапова Ю. Л.* Стекланные бусы ..., с. 174.
- ¹¹ Там же, с. 171.
- ¹² *Шапова Ю. Л.* Стекланные бусы ..., с. 177, 178; *Фехнер М. В.* К вопросу..., приложение V, 26.
- ¹³ *Левашова В. П.* Височные кольца. — Труды ГИМ, 1967, 43; *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода. — МИА, 1959, 65, с. 224.
- ¹⁴ *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. — МИА, 1959, 65, с. 25, 48, 49.
- ¹⁵ *Левашова В. П.* Височные кольца..., с. 23, 24; *Седова М. В.* Ювелирные изделия..., с. 223, 224.
- ¹⁶ *Левашова В. П.* Браслеты. — Труды ГИМ, 1967, 43, с. 218, 219 и приложения.
- ¹⁷ *Фехнер М. В.* К вопросу..., приложения IV, 1; VI, 4.
- ¹⁸ *Левашова В. П.* Височные кольца, с. 19; *Седова М. В.* Ювелирные изделия..., с. 224.
- ¹⁹ *Левашова В. П.* Браслеты, с. 233—235; *Седова М. В.* Ювелирные изделия..., с. 250.
- ²⁰ *Недошивина Н. Г.* Перстни, с. 264.
- ²¹ *Седова М. В.* Ювелирные изделия..., с. 226; *Левашова В. П.* Височные кольца, с. 23; *Седова М. В.* Имитационные украшения древнего Новгорода. — В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 156—158.
- ²² *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло..., с. 48, 51.

В. Я. КОНЕЦКИЙ

ХРОНОЛОГИЯ И ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФЕДОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Вопрос об эволюции погребальных памятников VII—XIII вв. в Новгородской земле пока не решен. Согласно одной точке зрения, развитие шло от сопок к индивидуальным курганам с сожжением и труположением и далее к жальникам¹. Недавно была выдвинута гипотеза о прямом переходе от сопок к жальникам и грунтовыми могильникам². Все это обуславливает интерес к материалам Федовского могильника — наиболее крупного из исследованных грунтовых могильников древнерусского времени в рассматриваемом регионе. Его материалы имеют значение не только для проверки упомянутых гипотез, но и как иллюстрация к одной из возможных линий дальнейшего развития погребальных памятников.

Федовский могильник располагался рядом с сопками около д. Федово в верховьях Мсты. Этот памятник был открыт и раскопан в 1903 г. А. А. Ширинским-Шихматовым, который вскрыл 84 погребения по обряду ингумации и опубликовал полученный материал³.

А. А. Спицын, заинтересованный открытием, откликнулся статьей, где были затронуты различные вопросы, связанные с этим памятником. Крупнейший русский археолог-славист увидел в подобных могильниках альтернативу древнерусским курганам, которые, как тогда уже выяснилось, в Новгородской земле восточнее линии Ловать—Волхов встречаются крайне редко. В статье также анализировался вещевой материал, определялось время могильника. По мнению А. А. Спицына, памятник относился к середине XI—XII в. Оговаривалось, что «точное хронологическое определение пока невозможно». Большое место уделялось рассмотрению необычной для древнерусских погребальных памятников ориентировке погребенных, большинство которых было направлено головами на восток и север. А. А. Спицын охарактеризовал этот факт как «неожиданное явление, которому мы не имеем мерки. Если наблюдения безусловно точны, — продолжал он, — то придется признать, что в XI—XII вв. мстинские новгородцы не держались определенного правила при ориентировке своих могил»⁴.

Т. Н. Никольская считает, что Федовский могильник возник в XI—XII вв. Несколько погребений она относит к первой стадии древнерусских погребальных памятников в бассейне верхней Волги⁵. Вслед за А. А. Спицыным исследовательница полагает, что подобные могильники характерны для Новгородской земли. Необычность ориентировки не была принята во внимание⁶.

Неоднократно обращался к материалам Федовского могильника В. В. Седов. Он расценивал господство восточной и северной ориентировки погребенных как наследие балтского или финно-угорского субстрата⁷.

В действительности ориентировка была несколько иной, чем считалось до сих пор. Причиной недоразумения является использование А. А. Ширинским-Шихматовым нестандартных обозначений сторон света и некритическая интерпретация материала при снятии копии отчета в Археологической комиссии. В результате при описании были перепутаны запад и восток⁸.

С учетом предлагаемой поправки оказывается, что из 44 погребенных похоронены головой на запад 51,2%, на север — 27,3%, на восток — 21,4%. Это уточнение лишает Федовский могильник уникальности, которая выражалась в почти полном отсутствии западной ориентировки. Однако то обстоятельство, что почти половина умерших похоронена головой на север и восток, до сих пор вряд ли может быть объяснено.

Вещевой материал Федовского могильника не сохранился, но в архиве ЛОИА, кроме копии отчета и плана могильника, хранятся фотографии всех вещей⁹. Предметы на фотографиях разделены А. А. Спицыным (судя по почерку) на комплексы по погребениям. Сопоставление комплексов по фотографиям и по тексту отчета убеждает в их идентичности, за крайне редким исключением.

Комплексы вещей Федовского могильника разделены нами на четыре хронологические группы. За основу взята хронология древностей Новгорода¹⁰, а также курганов Северо-Западной и Северо-Восточной Руси¹¹. Оговоримся, что датировка погребений Федовского могильника осложнена бедностью и однообразием наборов вещей. Хронология типов украшений укладывается порой в широкие рамки.

К первой хронологической группе (XI в.) относятся 11 погребений (табл.; рис.). Основой для ее выделения послужили находки в пяти погребениях бус (мозаичных пастовых, многочастных лимоновидных, сердоликовых призматических), верхняя граница существования кото-

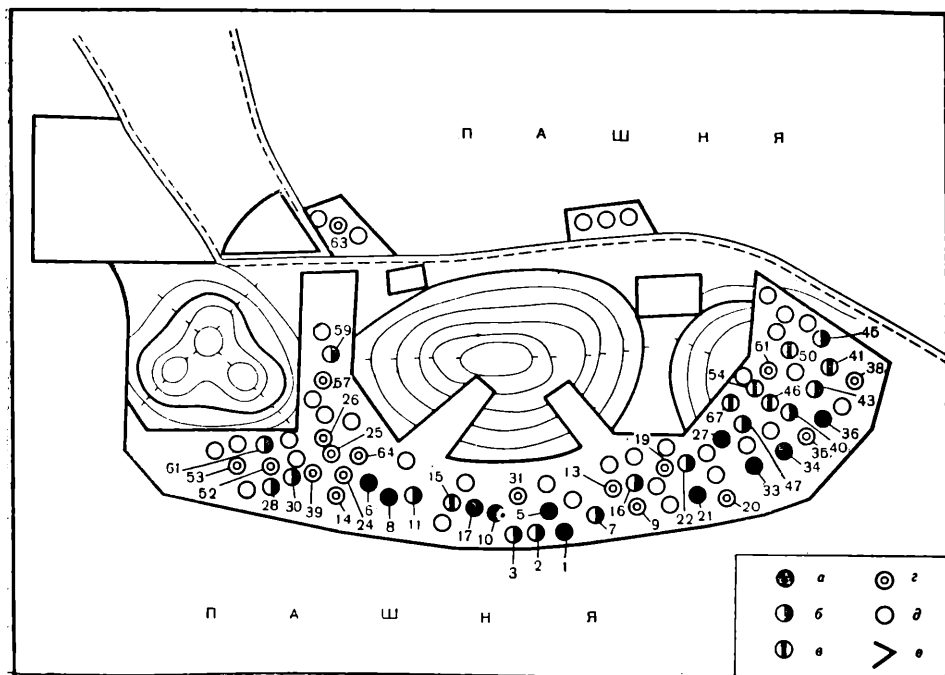

Рис. План Федовского могильника (по А. А. Ширинскому-Шихматову) и расположение погребений

а — погребения группы I (XI в.); б — погребения группы II (XI—середина XII в.); в — погребения группы III (XII в.); г — погребения группы IV (XI—XII вв.); д — безынвентарные погребения; е — граница раскопов

рых, по данным М. В. Фехнер, не выходит за пределы XI в.¹² В двух погребениях (1 и 10) встречены совместно два их типа.

В семи погребениях Федовского могильника отмечены находки привесок, сделанных из арабских дирхемов X в., в двух случаях (погребения 1 и 34) — вместе с упомянутыми выше бусами.

В литературе указывалось на длительное употребление в быту привесок-монет¹³. Это заставляет более критически подходить к оценке возможностей данной категории находок при датировании. Тем не менее, находки привесок-дирхемов в комплексах XII в. практически неизвестны. Поэтому отнесение погребений, содержащих привески-дирхемы X в., ко времени не позднее конца XI в. представляется вполне вероятным.

В эту же группу следует включить и погребение 8, откуда происходит топор XI в.¹⁴

Таким образом, верхняя граница комплексов первой группы определяется рубежом XI—XII вв. Этому не противоречит и остальной сопутствующий материал. Сложнее обстоит дело с установлением ее нижней границы, а следовательно, и времени возникновения могильника. Какие-либо формальные основания сузить нижнюю границу в пределах XI в. отсутствуют.

Вторая хронологическая группа (XI—середина XII в.) включает в себя 14 погребений, которые сопровождалась вещами, бытовавшими до середины XII в. Из бус для этой группы характерны цилиндрические и бочонкообразные золотостеклянные, которые Ю. Л. Щапова разделяет в зависимости от технологии производства на три типа. Самые поздние из них — бусы русского производства — известны в Новгороде в слоях всего XII в. и даже позднее¹⁵.

Конечно, по фотографиям золотостеклянные бусы Федовского могильника трудно разделить на типы. Но поскольку подавляющее большинство таких бус в Новгороде происходит из слоев до середины

XII в.¹⁶, а по материалам погребальных памятников они не выходили за пределы начала XII в.¹⁷, мы датировем погребения с золотостекляными бусами временем не позднее середины XII в.

Доживают только до этого времени или исчезают несколько раньше и многочисленные металлические предметы женского убора: гривны гладкие и витые¹⁸, литые лунницы¹⁹, перстни с завязанными концами²⁰, крестопрорезные грушевидные бубенчики²¹.

Возможно, в дальнейшем будет уточнена датировка круглых монетообразных привесок, украшенных розеткой из ложной зерни (погребение 59) и изображением головы быка (погребение 11), встречающихся совместно в курганах радимичей²². Хотя аналогии привесок первого вида известны из слоев конца X в. в Новгороде²³, у нас нет достаточных оснований сузить верхнюю границу их бытования, которая определяется суммарно для различных типов сходных привесок серединой XII в.²⁴

Видимо, к этой же группе следует отнести погребение 22, содержащее бляшки-накладки от поясного набора. Полная аналогия малым бляшкам известна из материала кургана XI в. у д. Устьека²⁵.

Третья хронологическая группа (XII в.) состоит из семи комплексов, в которых есть вещи моложе рубежа XI—XII вв. Для ее выделения большое значение имеют рубчатые перстни. По многочисленным находкам в Новгороде они датируются XII—первой половиной XIII в.²⁶ Эта датировка подтверждается и курганным материалом окрестных территорий²⁷. Показательна совместная находка в погребении 41 рубчатого перстня с эллипсоидными бусами, украшенными спиральным узором, которые были распространены в XII в.²⁸

Дата погребения 67 определяется началом XII в. по совместной находке рубчатого перстня с крестопрорезным бубенчиком.

Погребение 54 также относится к этой группе. Из него происходит проволочное височное кольцо, аккуратно завязанное на один конец. Такие кольца в Смоленском Поднепровье встречаются в курганах конца XII—начала XIII в.²⁹ Для XII в. они известны и по памятникам, географически более близким к Федову³⁰. Однако дату погребения следует ограничить первой половиной XII в. из-за находки в нем же литых ширококорых лунниц.

Ко времени не ранее XII в. нужно отнести и погребение 15, поскольку ножи с широким лезвием, подобные найденному здесь, появляются в Новгороде лишь в начале XII в.³¹

Скорее всего к этой же группе принадлежит погребение 46, в котором встречены литые шаровидные бубенчики со щелевидной прорезью и тройным рельефным валиком. Одни исследователи датируют их периодом позднее рубежа XI—XII вв.³², другие считают возможным включить в эти рамки и конец XI в.³³, оговаривая, что временем наибольшего распространения таких бубенчиков был XII век³⁴.

Верхняя граница погребений третьей группы не выходит за рамки XII в. Это подтверждается отсутствием в Федовском могильнике вещей, характерных для более поздних периодов, а также незначительным количеством погребений третьей группы.

В четвертую группу включены погребения, дату которых нельзя определить точнее, чем XI—XII вв., в которых встречены только проволочные височные кольца³⁵ или другие хронологически неопределенные вещи. Сюда же условно отнесены погребения, в которых по тексту отчета указан какой-либо инвентарь (украшения, ножи, горшки), отсутствующий на фотографиях.

Таким образом, судя по вещевому материалу, Федовский могильник существовал в XI—XII вв. А. А. Спицын считал, что этот памятник «едва ли заходит в XIII в.»³⁶. С этим нельзя не согласиться, хотя нужно иметь в виду, что наиболее поздние погребения вполне могли оказаться среди погребений безынвентарных.

Переходя к рассмотрению этапов формирования могильника, прежде всего необходимо проанализировать его топографическую ситуацию, которая сложилась к началу XX в. Основным источником здесь является описание автора раскопок А. А. Ширинского-Шихматова³⁷, а также материалы И. А. Тихомирова, который несколько ранее по поручению Археологической комиссии проводил разведку в верховьях Мсты³⁸.

Могильник располагался на краю террасы, рядом с сопками (рис.). Центральная сопка имела высоту 6,3 м, диаметр — 30—40 м. Вокруг основания ее прослеживался неглубокий ровик с оплывшими склонами. Подступы к сопке были значительно изрыты. В 25—35 м к северо-западу от центральной сопки, скорее всего уже вне пределов могильника, была расположена малая сопка, сильно поврежденная выборкой песка. Высота ее составляла около 3 м, диаметр — около 20. К западу и востоку от центральной сопки находились еще две насыпи, которые А. А. Ширинский-Шихматов называет малыми курганами. Размеры их в отчете не указаны. Однако по рисунку, изображающему внешний вид могильника³⁹, высота восточного кургана могла составлять 1—1,5 м. Диаметр обеих насыпей, как это видно по плану могильника, достигает 25 м. Западный курган более поврежден выборкой песка. На плане он показан как возвышенность с тремя вершинами.

Итак, источники отчетливо указывают на существование на территории могильника, кроме центральной сопки, еще двух насыпей искусственного происхождения, расположенных в один ряд с центральной сопкой.

Основная территория раскопа находилась к югу и востоку от трех указанных выше насыпей. Погребения разных хронологических групп располагались в пределах раскопа неравномерно.

Наиболее ранние погребения (первая группа) примыкали узкой полосой с южной стороны к центральной и восточной насыпям.

Погребения второй группы появляются на подступах к западной насыпи. Вдоль центральной сопки они продолжают линию погребений первой группы. Особенно широко эти погребения распространяются в восточной части могильника, не только захватывая основание насыпи, но и поднимаясь по ее склонам.

Большинство погребений третьей группы образует скопление почти в центре восточной насыпи. Лишь два погребения находятся к юго-востоку от центральной сопки.

Погребения четвертой группы расположены без особой системы. Они встречаются повсеместно. Одно из них — к северо-западу от центральной сопки — нужно отметить особо: это единственное погребение с инвентарем в данной части могильника.

Безинвентарные погребения, наиболее неясные хронологически, тоже разбросаны довольно бессистемно в пределах раскопа. Все же интересно отметить их незначительное количество на южной окраине могильника и, наоборот, появление у самого основания центральной сопки. Они также господствуют и к северу от сопки. Видимо, это связано с тем, что могильник на последних этапах своего существования уже не мог расти дальше на юг, поскольку там начиналась болотистая низина⁴⁰. Поэтому предположение, что среди безинвентарных погребений имеется какое-то количество наиболее поздних, не лишено оснований. Правда, здесь следует добавить, что среди данной категории значительный процент (66) составляют погребения разрушенные. Это затрудняет окончательный вывод.

Картографирование погребений по хронологическим группам показывает, что могильник, возникнув к югу от центральной и восточной насыпей, постепенно разросся и перекрыл восточную и западную насыпи. Отчетливо прослеживаемый для восточной насыпи процесс постепенного занятия погребениями ее склонов, бесспорно указывает, что к моменту возникновения грунтового могильника эта насыпь уже существовала. Данное положение справедливо и для западной насыпи,

хотя там из-за разрушенности большинства погребений столь отчетливой картины не наблюдается.

В результате многочисленных впускных погребений насыпи должны были неизбежно принять ту расплывчатую форму, которая зафиксирована в момент раскопок. Это позволяет реконструировать их на период до начала совершения погребений по обряду трупоположения (т. е. до XI в.) как небольшие сопки⁴¹. Подтверждением данной реконструкции может служить расположение насыпей в одну линию с центральной сопкой, что является характерным для сопочных групп.

При изучении могильников XI—XII вв. нельзя обойти вопрос об их хронологическом соотношении с сопками. Значительный разрыв во времени между погребениями XI—XII вв., расположенными у подножия сопки, и трупосожжениями в сопках заставил Н. Н. Черныгина признать данную топографическую закономерность пока необъяснимой⁴².

В последней, наиболее фундаментальной работе по сопкам В. В. Седов датирует эти памятники по материалам сопок низовьев Волхова VII—IX вв.⁴³ Однако уже после выхода этой книги были исследованы сопки X в. в окрестностях Старой Ладogi⁴⁴. На Мсте погребения в сопках совершались и позднее — в X—XI вв.⁴⁵ В ряде пунктов на селках, примыкающих к сопкам, встречались фрагменты лепной и гончарной керамики древнерусского времени при отсутствии иных погребальных памятников⁴⁶. Все это снимает возражения хронологического порядка против связи сопок с грунтовыми могильниками.

Что же касается типологической связи, то в качестве промежуточного звена, можно назвать погребения по обряду трупосожжения, открытые В. П. Петренко у основания сопок около Старой Ладogi⁴⁷.

Несомненно, что пути и конечные результаты перехода от трупосожжения в сопках к грунтовым погребениям по обряду трупосожжения были разнообразны. Иногда, как, например, у с. Михаил-Архангел, могильник располагался у подножия сопки, не затрагивая саму насыпь⁴⁸. В Деревяницком могильнике, наоборот, погребения XI—XII вв. заняли в первую очередь поверхность сопки, предварительно в какой-то мере снивелированной⁴⁹. В Федовском же могильнике представлены оба эти варианта. Грунтовой могильник, самые ранние погребения которого располагались рядом с сопками, со временем занял всю поверхность одной из насыпей, постепенно поднимаясь по ее склонам.

Говорить о причинах этого разнообразия пока трудно, но скорее всего главную роль здесь играют местные топографические условия. То обстоятельство, что грунтовые захоронения XI—XII вв. совершались на поверхности сопок, имеет большое значение для выявления истоков некоторых типов средневековых погребальных памятников в Новгородской земле. Речь идет об искусственных насыпях с многочисленными впускными трупоположениями, причисляемых к жальникам⁵⁰.

Приведенные выше соображения позволяют считать хотя бы часть из них, известных внутри ареала сопок, остатками разрушенных сопок. В этом же контексте, видимо, можно рассматривать и некоторые из сопок, содержащие впускные трупоположения.

¹ Седов В. В. Кривичи и словене. Автореф. канд. дис. М., 1954, с. 7—10; *Он же.* Новгородские сопки. — САИ, 1970, вып. Е1-8, с. 31.

² Лебедев Г. С., Рябинин Е. А. Жальники и сопки — В кн.: Проблемы археологии. Л., 1978, 2, с. 152, 159.

³ Ширинский-Шихматов А. А. Федовский могильник. — Труды Второго областного АС. Тверь, 1906, с. 53—62.

⁴ Спицын А. А. Старейшие русские могильники в Новгородской области. — ИАК, 1905, 15, с. 1—5.

⁵ Никольская Т. Н. Хронологическая

классификация верхневолжских курганов. — КСИИМК, 1949, XXX, с. 33.

⁶ Никольская Т. Н. Этнические группы Верхнего Поволжья в XI—XIII вв. — КСИИМК, 1949, XXIV, с. 78, 79.

⁷ Седов В. В. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси. — СА, 1961, № 2, с. 103—121; *Он же.* Браслетообразные височные кольца восточных славян. — В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 143.

⁸ А. А. Ширинский-Шихматов указывает, что большинство погребенных было направлено головами на центральную

- сопку. Если взять за основу ориентировку, принятую Археологической комиссией, то такие погребения составляют 34%. С учетом предлагаемой поправки их количество будет значительно выше (70%). Для погребений 58, 63, 65 А. А. Ширинский-Шихматов дает и словесное описание, и буквенное обозначение ориентировок. Они противоречат принятым в Археологической комиссии.
- ⁹ Отчет о раскопках Тверской ученой архивной комиссии. Архив ЛОИА, д. 93, 1903, л. 40—44, 56—62.
- ¹⁰ *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода. — МИА, 1959, 65; *Рындина Н. В.* Технология производства новгородских ювелиров. — МИА, 1963, 117; *Щапова Ю. Л.* Стекланные бусы древнего Новгорода. — МИА, 1956, 55; *Она же.* Стекло Киевской Руси. М., 1972, с. 73—96.
- ¹¹ *Фезнер М. В.* Экономические связи русской деревни. — Труды ГИМ, 1959, 33; *Левашова В. П.* Височные кольца. — Труды ГИМ, 1967, 43; *Фезнер М. В.* Шейные гривны. — Там же; *Успенская А. В.* Нагрудные и поясные привески. — Там же; *Мальм В. А., Фезнер М. В.* Привески-бубенчики. — Там же; *Недошивина Н. Г.* Перстни. — Там же.
- ¹² *Фезнер М. В.* Экономические связи..., с. 152, 167, 171, рис. 5, 17.
- ¹³ *Погин В. М.* Находки монет в погребениях древней Руси и их значение для археологии и этнографии. — Труды Государственного Эрмитажа, 1974, XII.
- ¹⁴ *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие, вып. 2. — САИ, 1966, вып. Е1-36, с. 110.
- ¹⁵ *Щапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси, с. 84.
- ¹⁶ Там же, с. 84, табл.
- ¹⁷ *Фезнер М. В.* Экономические связи..., с. 158.
- ¹⁸ *Фезнер М. В.* Шейные гривны, с. 73.
- ¹⁹ *Успенская А. В.* Нагрудные и поясные привески, с. 103.
- ²⁰ *Недошивина Н. Г.* Перстни, с. 255, 256, 259.
- ²¹ *Мальм В. А., Фезнер М. В.* Привески-бубенчики, с. 136.
- ²² *Спицын А. А.* Радимичские курганы. — ЗРАО. 1896, VIII, 1-2, с. 98, табл. III, II, 12, *Соловьева Г. Ф.* Славянские курганы близ г. Рогачова Гомельской обл. — КСИА, 1972, 129, с. 51.
- ²³ *Рындина Н. В.* Технология производства..., с. 244.
- ²⁴ *Успенская А. В.* Нагрудные и поясные привески, с. 111.
- ²⁵ *Ершевский В. Д.* Ильменские курганы. — АО 1969 г. М., 1970, с. 17; Фонды НИМ.
- ²⁶ *Рындина Н. В.* Технология производства..., с. 240; *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода, с. 255.
- ²⁷ *Кочкуркина С. И.* Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973, с. 42; *Спицын А. А.* Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. — МАР, 1896, 20, табл. III, 5; *Он же.* Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. — МАР, 1903, 29, с. 118.
- ²⁸ *Щапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси, с. 91.
- ²⁹ *Шмидт Е. А.* К хронологии курганов XI—XIII вв. в Смоленском Поднепровье. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 77.
- ³⁰ МАЭ, кол. 6012; хутор Стан, курган 4, погребение 1 (совместно с овальным кресалом).
- ³¹ *Колчин Б. А.* Железоделательное ремесло Новгорода Великого. — МИА, 1959, 65, с. 48.
- ³² *Журжалина Н. П.* Датировка древнерусских привесок-амулетов. — СА, 1961, № 2, с. 138.
- ³³ *Рындина Н. В.* Технология производства..., с. 244; *Мальм В. А., Фезнер М. В.* Привески-бубенчики, с. 137.
- ³⁴ *Мальм В. А., Фезнер М. В.* Привески-бубенчики, с. 137.
- ³⁵ *Левашова В. П.* Височные кольца, с. 40, 41.
- ³⁶ *Спицын А. А.* Старейшие русские могильники..., с. 5.
- ³⁷ *Ширинский-Шихматов А. А.* Федовский могильник, с. 53—57.
- ³⁸ *Тихомиров И. А.* Поездка на реку Мсту. — ЗОРСА, 1903, V, 1, с. 5.
- ³⁹ *Ширинский-Шихматов А. А.* Федовский могильник, с. 53—55.
- ⁴⁰ Там же, с. 53, 54; *Тихомиров И. А.* Поездка на реку Мсту, с. 5. На плане А. А. Ширинского-Шихматова она не указана.
- ⁴¹ Не исключено, что при устройстве впускных погребений по обряду трупоположения сопки были предварительно в какой-то степени свивелированы. Подобное явление зафиксировано в Деревяницком могильнике. См.: *Конецкий В. Я.* Отчет о раскопках Деревяницкого могильника в 1979 г. Архив ИА.
- ⁴² *Чернягин Н. Н.* Отчет об археологических разведках в Лычковском и Демянском р-нах Ленинградской обл. Архив ЛОИА, ф. 2, № 779, 1931, л. 19. См. также черновой вариант, л. 4.
- ⁴³ *Седов В. В.* Новгородские сопки, с. 27, 28.
- ⁴⁴ *Петренко В. П., Конаков Н. Д., Рогачов М. Б.* Некоторые сведения о сопках Северного Поволжья. — В кн.: Проблемы истории и культуры северо-запада РСФСР. Л., 1977, с. 89; *Петренко В. П.* Раскопки сопки в урочище Победище близ Старой Ладogi. — КСИА, 1978, 150, с. 61.
- ⁴⁵ *Носов Е. Н.* Поселения Приильменья и Поволжья в конце I тысячелетия н. э. Автореф. канд. дис. М., 1977, с. 20.
- ⁴⁶ На Мсте селища у деревень Селище, Золотое Колено, Сурики, Коньково, Пехово, Выставка — разведки Е. Н. Носова. На Ловати селища у деревень Дорогани, Тербони; в бассейне р. Волма селища у д. Бор — разведки В. Я. Конецкого.
- ⁴⁷ *Петренко В. П.* Раскопки сопки в урочище Победище, с. 60.

⁴⁸ *Бранденбург Н. Е.* Курганы южного Приладожья. — МАР, 1895, 18, с. 140.

⁴⁹ *Концевий В. Я.* Отчет о раскопках Деревяницкого могильника...

⁵⁰ *Рерих Н. К.* К древностям валдайским и водским. — ИАК, 1901, 1, с. 61—64; *Он же.* Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой. — ЗОРСА, 1903, V, 1-2, с. 16.

Ю. М. ЛЕСМАН

К МЕТОДИКЕ РАЗРАБОТКИ ХРОНОЛОГИИ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРО-ЗАПАДА

Вопросы хронологии традиционно занимают в работах археологов одно из ведущих мест, но методически остаются в известной мере спорными. Невозможность на основе анализа классификации вещей и их взаимовстречаемости (без хронологических реперов) установления абсолютных датировок не требует специальной аргументации. Возможность создания относительной хронологии обычно оценивается оптимистически, предполагая два взаимосвязанных пути: 1) классификация вещей и построение типологических рядов; 2) анализ взаимовстречаемости различных типов вещей в закрытых комплексах (главным образом в погребениях)¹. Но типологический анализ лишь в простейшем случае позволяет прийти к линейному или древовидному типологическому ряду (причем даже такой ряд может быть объяснен не только хронологически). Фактически в большинстве случаев мы получаем группы сложно взаимосвязанных типов, причем формирование каждого типа определяется не одним ранее возникшим, а целой серией типов (включая и типы иных категорий). Достоверные рудименты редки и позволяют установить взаимосвязь лишь между соседней парой (или группой) типов. Анализ взаимовстречаемости различных типов вещей с выделением последовательно сменяющих друг друга групп (т. е. построение типологических рядов комплексов) даже в простейшем линейном случае может привести к выявлению закономерностей, непосредственно с хронологией не связанных (социальных, половозрастных и других структур).

Опорой для относительной хронологии может служить лишь стратиграфия. Абсолютная хронология может быть построена на базе письменных источников, нумизматических материалов и, наиболее надежно, привлечения естественных методов. Устанавливаются даты опорных комплексов или стратиграфических колонок, что позволяет датировать и типы связанных с ними вещей. С точки зрения датировок, целесообразно выделить комплексы: 1) однократного формирования (погребения, клады); 2) многократного (могильники); 3) непрерывного (слои поселений). Даты первых определяются пересечением интервалов бытования входящих в них вещей². Даты третьих обычно устанавливаются по распределению массового материала (керамики)³, что дает надежные результаты лишь в рамках одного памятника и при сходном процессе формирования культурного слоя на сравниваемых участках. Но дата слоя (при условии его неперемешанности) может быть определена и по немассовым находкам. Достоверная (минимальная) дата формирования комплекса непрерывного накопления ограничивается интервалом времени между верхней датой самой ранней вещи и нижней датой самой поздней. При увеличении числа датирующих вещей и возрастании дробности их дат эта внутренняя оценка датировки культурного слоя будет приближаться к фактической дате. При немногочисленности датирующих находок или очень узкой фактической дате слоя (уже, чем рубежи опорных дат) может быть определен лишь минимальный, частично перекрывающий дату промежуток времени, по крайней мере часть кото-

рого совпадает с временем формирования комплекса, т. е. промежуток времени от нижней даты самой поздней вещи до верхней даты самой ранней. На многослойных памятниках даты слоев корректируются датами выше- и нижележащих горизонтов⁴. Комплексы многократного формирования, при условии их однородности, могут быть рассмотрены как комплексы непрерывного формирования. Аналогично определяются даты типов вещей, а также других непрерывно распространенных культурных явлений.

Для древнерусских комплексов северо-запада Восточной Европы XI—XV вв. имеется уникальная пока возможность — построение хронологии на основе хорошо стратифицированного и дендрохронологически датированного памятника — Новгорода (после разработки дендрохронологической шкалы Ладоги и Рюрикова городища на базе их материалов может быть разработана и хронология комплексов IX—X вв.). Датировка достаточно массовых типов вещей в пределах их встречаемости в культурном слое Новгорода (в первую очередь Неревского раскопа)⁵ дает возможность значительно расширить круг датированных комплексов и уточнить их хронологию. Немаловажное значение имеют и монеты, но они помогают определить лишь нижнюю дату комплекса, продолжительность же их использования требует уточнения и конкретизации⁶.

Комплексы однократного формирования синхронизируются с теми ярусами Неревского раскопа, в которых сосуществуют все входящие в комплекс датированные находки. Непротиворечивость получаемой картины (т. е. отсутствие совместных находок несуществующих в Новгороде вещей) дает право переносить (с точностью до яруса) даты вещей, происходящих из культурного слоя города, на погребальные памятники преимущественно сельского населения Новгородской земли.

Рассмотрим в качестве примера датировку первого погребения из кургана 1 близ д. Самолва Гдовского р-на Псковской обл.⁷ Женское погребение содержало многочисленный инвентарь, среди которого имеются датированные находки: височные кольца — трехбусинные, встречающиеся в Новгороде с 26 по 12 ярус (989—1299 гг.)⁸, и перстнеобразные, встречающиеся с первого строительного горизонта (ярус 18) Ильинского раскопа (с 1058 г.) до яруса 12 Неревского раскопа (до 1299 г.); перстни, в том числе пластинчатый широкосрединный незамкнутый, подобные которому встречаются в Новгороде до яруса 11 включительно (до 1313 г.); браслет витой трехпроволочный обрубленноконечный, представленный в Новгороде в находках из ярусов 21—11 (1096—1313 гг.); бусы, в том числе бочонкообразные с золотой металлической прокладкой и каймой (вариант 2 по Ю. Л. Шаповой), распространенные в Новгороде с 26 по 19 ярус (989—1161 гг.)⁹, и гладкие глазчатые, не встречающиеся выше яруса 15 (до 1238 г.)¹⁰; нож раннего типа, не встречающегося в Новгороде выше яруса 17 (до 1197 г.)¹¹. В погребении найдены также восемь монет-подвесок, в том числе шесть куфических 925/26 (или 928/29), 940/41, 968/69, 974/75, 994/95, 997 гг., англосаксонская Этельреда II (978—1016 гг.) и подражание англосаксонским монетам Этельреда II. Все перечисленные вещи совместно встречаются в Новгороде в ярусах 21—19. С ними и синхронизируется погребение, условно датированное 1096—1161 гг.

Уточнение дат комплексов однократного формирования позволяет уточнить хронологию некоторых типов вещей, достаточно массовых в курганных древностях, но редких или отсутствующих в культурном слое Новгорода. Эту работу целесообразно проводить отдельно для каждого компактного региона. Дата типа вещей определяется аналогично дате комплекса непрерывного накопления.

Рассмотрим несколько примеров. Шарообразные крестопрорезные бубенчики с двойными, идущими вдоль разреза насечками широко представлены в курганах юго-восточного Приладожья. Они встречены здесь в 25 комплексах, из которых 20 поддаются датировке (рис. 1). Два самых поздних комплекса имеют нижней датой 1006 г., т. е. содержат

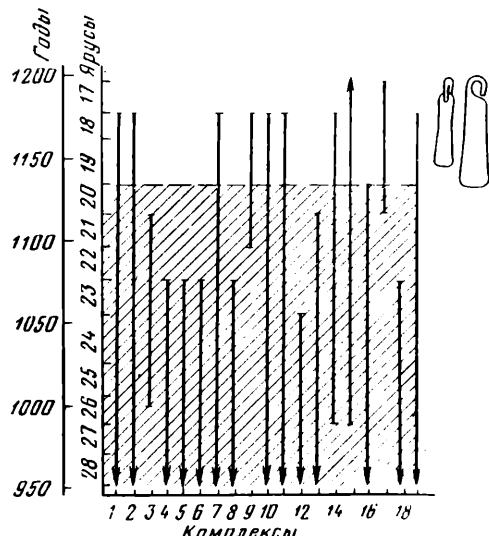
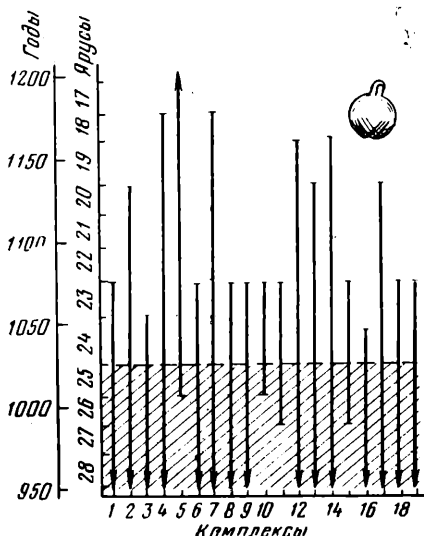

Рис. 1. Датировка комплексов с паровидными крестопрорезными бубенчиками из курганов юго-восточного Приладожья

1—9 — комплексы VII, 1; XI, 26; XIII, 1; XV, 1а; XIX, 3; XXXIX, 1; C, 2а; CIV, 2; CXVI, 2 из раскопок Н. Е. Бранденбурга; 10—13 — комплексы Карлуха 6, II; 7, I; 9, I; 17, II из раскопок В. И. Равдоникаса; 14—17 — комплексы Шангеничи-лес 7, 8; Мергино 10, 3; 10, 4 из раскопок А. М. Лиевского; 18, 19 — комплексы Галично I 1, IV; 9, III из раскопок В. А. Назаренко

Рис. 2. Датировка комплексов с пластинчатыми кресалами из курганов юго-восточного Приладожья

1—9 — комплексы XLV, 1; VIII, 1; IX, 1; X, 2; X, 5; XXI, 1; CI, 1а; CIV, 1; CXII, 6 из раскопок Н. Е. Бранденбурга; 10, 11 — комплексы Ильино 4, 1, Новосельска 14, VI из раскопок В. И. Равдоникаса; 12 — комплекс Мергино 10, 4 из раскопок А. М. Лиевского; 13—16 — комплексы Еремина Гора 1, 1, Чемяхино 17, 2, Орехово 7, 2, Щугозеро 1, 4 из раскопок И. П. Крупейченко; 17 — комплекс Сязнега VI 10, 2 из раскопок С. И. Кочуркиной; 18, 19 — комплексы Галично I 9, III, Галично II 3, 1 из раскопок В. А. Назаренко

вещи, встречающиеся в Новгороде с яруса 25 Неревского раскопа и выше. Находок подобных бубенчиков с вещами более поздними, в частности появляющимися с яруса 24, нет, что позволяет ограничить верхнюю дату первой четвертью XI в. (синхронно ярусу 25 и нижележащим, т. е. до 1025 г.). Традиционно их датируют IX—X и всей первой половиной XI в.¹²

В ряде случаев уточнение хронологии требует расширения традиционно принятых датировок. Так, анализ комплексов однократного накопления позволил установить, что находки в слоях Новгорода второй половины XI—первой трети XII в. немногочисленных лимоновидных бус не случайны, а объясняются закономерным их переживанием в быту или еще через век после прекращения массового поступления на Русь¹³. Анализ комплексов с пластинчатыми кресалами в курганах юго-восточного Приладожья (24 комплекса, в том числе 19 датированных; рис. 2) позволяет расширить датировку их бытования здесь на первую треть XII в. Традиционно верхняя дата пластинчатых кресал в Приладожье определяется XI в.¹⁴

Иногда (исходя из предположения о непрерывности использования) целые могильники могут быть рассмотрены как непрерывные. Проанализируем в качестве примера три расположенных поблизости (в бывшем Корчевском уезде Тверской губернии, по обоим берегам Волги) могильника: Глинники (60 курганов раскопано Ю. Г. Гендуе в 1905 г. и один — в 1930 г. Н. П. Милоновым)¹⁵, Загорье—Юрьевское урочище, или Башево (51 курган раскопан Ю. Г. Гендуе в 1906 г.)¹⁶ и Заборье (39 курганов раскопано в 1878 г. А. И. Кельсиевым и шесть — в 1930 г. Н. П. Милоновым)¹⁷. Полученные даты комплексов (рис. 3) позволяют проследить хронологическое соотношение могильников. Кладбища близ

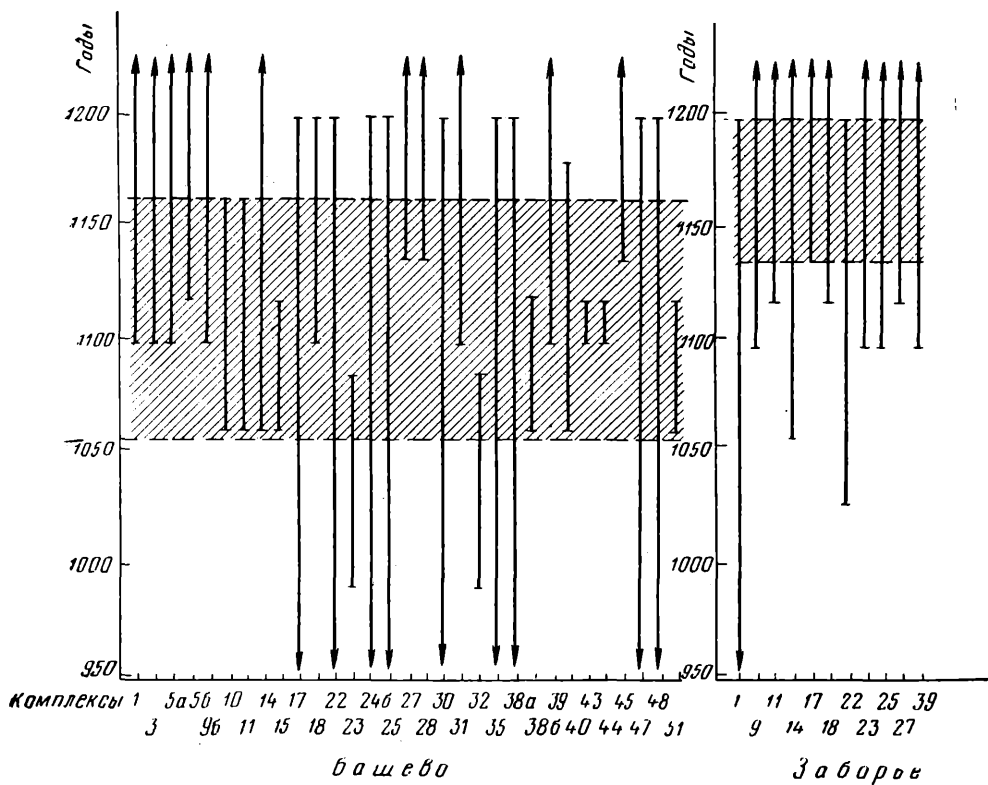
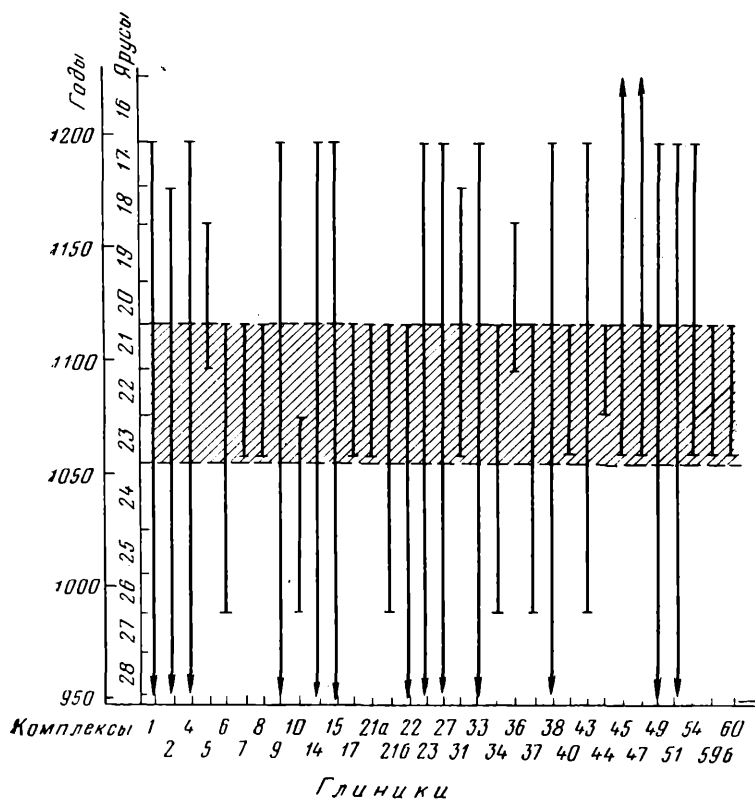

Рис. 3. Датировка комплексов из могильников Глинки, Башево и Заборье

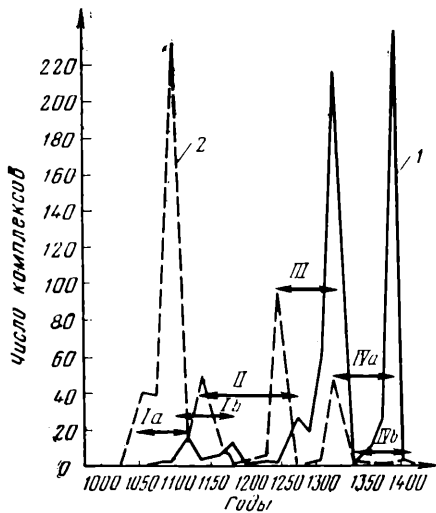

Рис. 4. Полигон распределения верхних (1) и нижних (2) дат комплексов из курганов Ижорского плато

д. Заборье — затрудняется, с одной стороны, меньшим количеством раскопанных курганов, с другой — обеднением инвентаря. Может быть определена лишь частично перекрывающая дата: 1134—1197 гг., т. е. самые поздние вещи, представленные здесь, распространены в Новгороде с яруса 19 (1134—1161 гг.), а самые ранние выходят из употребления ко времени яруса 17 (1177—1197 гг.). Характерно изменение уровня погребений в курганах. В Глинниках все погребения совершены на материке или в насыпи. В Башеве появляются ямные ингумации (три из 52 определимых погребений). В Заборье 39 погребений из 48 определимых совершены в подкурганых ямах. По-видимому, вплоть до конца XI в. ямные погребения здесь не совершались, в первой половине XII в. они появляются и сосуществуют с погребениями в насыпи кургана и на материке. Во второй половине XII в. и, возможно, первой четверти XIII в. (этим временем датируются самые поздние курганы Тверского Поволжья)¹⁸ безраздельно господствуют ямные погребения.

Полученные даты погребений и целых могильников позволяют наметить хронологическую периодизацию погребальных памятников различных регионов северо-запада Восточной Европы и детализировать происходившие здесь процессы¹⁹. В основу периодизации положено распределение нижних и верхних дат комплексов однократного формирования (погребений). Максимумы нижних (верхних) дат комплексов определяются нижними (верхними) датами наиболее массовых узкодатированных вещей. Периоды, определяемые интервалом времени между максимумом нижних и следующим за ним максимумом верхних дат, соответствуют периодам смены основного набора сопровождающего инвентаря. Среди 6 тыс. раскопанных курганов Ижорского плато удалось датировать более 750 комплексов, на основе чего построена хронологическая периодизация курганов (рис. 4). Самый ранний комплекс синхронизируется с ярусом 23 (1055—1076 гг.), самый поздний — с ярусом 4 (1422—1429 гг.). В этих рамках можно выделить для курганов Ижорского плато четыре периода с подпериодами: период I — 1055—1177 гг., в том числе подпериоды Ia — до 1116 г. и Ib — 1096—1177 гг.; период II — 1134—1268 гг.; период III — 1238—1313 гг.; период IV — 1313—1429 гг., в том числе подпериоды IVa — 1313—1396 гг. и IVb — 1346—1429 гг. (курганых погребений последнего подпериода всего два, и их даты определяются датами монет — не ранее 1346 г. и не ранее 1420 г.).

д. Глинники и в урочище Башево возникают приблизительно одновременно — самые ранние погребения в них синхронны ярусу 23 Неревского раскопа 1055—1076 гг. (нижняя дата могильника определяется верхней датой самых ранних его погребений — до 1076 г.). Верхняя дата могильника в Глинниках — 1116 г., т. е. самые поздние погребения датируются периодом с 1096 г., а учитывая, что более поздних погребений нет, их можно считать синхронными ярусу 21 Неревского раскопа (1096—1116 гг.). Могильник Башево использовался несколько дольше: самые поздние погребения в нем синхронны ярусу 19 (1134—1161 гг.). Большая длительность использования этого могильника соответствует и его большему размеру — свыше 175 курганов по сравнению с 94 — в Глинниках.

Датировка третьего могильника — в

Периоды оказываются в большинстве своем взаимоперекрывающимися, что закономерно и отражает процесс смены сопровождающего инвентаря, а также промежутки времени, когда новый набор вещей существует со старым.

- ¹ *Vocraslund Relativ datering. Om kronologisk metod i nordosk arkeologi.* — *Tog*, 1974, 16.
- ² *Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.* Анализ археологических источников. М., 1975, с. 96; *Щукин М. Б.* Об «узких» и «широких» датировках. — В кн.: *Проблемы археологии*. Л., 1978, 2, с. 28—32.
- ³ *Каменецкий И. С.* К теории слоя. — В кн.: *Статистико-комбинаторные методы в археологии*. М., 1970, с. 83—94.
- ⁴ *Белецкий С. В., Лесман Ю. М.* Новые публикации материалов раскопок средневековых городов Белоруссии. — *СА*, 1979, № 1, с. 304—309.
- ⁵ *Труды Новгородской археологической экспедиции*, т. I—III. — МИА, 1956, 55; 1959, 65; 1963, 117; *Археологическое изучение Новгорода*. М., 1978; *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей. — *СА*, 1958, № 2, с. 92—111; *Шапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси. М., 1972; *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода. М., 1981. Пользуюсь случаем поблагодарить М. В. Седову за предоставленную мне возможность ознакомиться с ее карточкой по ювелирным украшениям Новгорода.
- ⁶ *Погин В. М.* Монеты в погребениях древней Руси и их значение для археологии и этнографии. — *Труды Государственного Эрмитажа*, 1971, XII, с. 49—119; *Равдина Т. В.* Археологические замечания к нумизматическим работам. — *СА*, 1975, № 1, с. 316—329.
- ⁷ *Раппопорт П. А., Станкевич Я. В., Голунова И. К.* Археологическое обследование восточного побережья Чудского озера. — В кн.: *Ледовое побоище*. М.; Л., 1966, с. 43—46. Материалы хранятся в Отделе истории русской культуры Эрмитажа.
- ⁸ *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода.
- ⁹ *Шапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси, с. 85—87.
- ¹⁰ *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей, с. 103, 104.
- ¹¹ *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. — МИА, 1959, 65, с. 49—51.
- ¹² *Мальм В. А., Фехнер М. В.* Привески-бубенчики. — *Труды ГИМ*, 1967, 43, с. 133, 134, 147.
- ¹³ *Шапова Ю. Л.* О происхождении некоторых типов древнерусских бус. — *СА*, 1962, № 2, с. 88, 89; *Белецкий С. В., Лесман Ю. М.* Новые публикации... , с. 305, 307.
- ¹⁴ *Голубева Л. А.* К истории пластинчатых огнив Восточной Европы. — МИА, 1965, 130, с. 258, 259; *Кочжуркина С. И.* Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973, с. 44, 45.
- ¹⁵ *Гендуне Ю. Г.* Отчет о раскопках, произведенных в 1905 и 1906 гг. Архив ЛОИА, ф. 1, 1906, № 30, л. 28—31, 36—44, 55, 58—70; *Милонов Н. П.* Древнерусские курганы и селища в бассейне верхней Волги. — МИА, 1950, 13, с. 164. Материалы из раскопок Н. А. Чагина в 1884 г. (шесть курганов) из-за плохой документации и гибели самих вещей не привлекаются. См.: *Плетнев В. А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь, 1903, с. 254.
- ¹⁶ *Гендуне Ю. Г.* Отчет о раскопках... 1905 и 1906 гг., л. 26, 27, 32, 44—54, 57, 71—85. Материалы хранятся в ГИМ, оп. № 574.
- ¹⁷ *Кельсиев А. И.* Отчет о раскопках в Ярославской и Тверской губерниях. — ИОЛЕАЭ, 1878, 31, с. 347—349. Материалы хранятся в ГИМ, оп. № 577; *Милонов Н. П.* Древнерусские курганы... , с. 163, 164. Материалы из раскопок Н. А. Чагина в 1884 г. (шесть курганов) из-за плохой документации и гибели самих вещей не привлекаются. См.: *Плетнев В. А.* Об остатках древности... , с. 252, 253.
- ¹⁸ *Лесман Ю. М.* Древнерусские курганы верхней Волги (по материалам дореволюционных раскопок). — В кн.: *Проблемы истории и культуры северо-запада РСФСР*. Л., 1977, с. 108.
- ¹⁹ *Лесман Ю. М.* О сидячих погребениях в древнерусских могильниках. — *КСИА*, 1981, 164.

О. А. КОНДРАТЬЕВА

ЗООМОРФНЫЕ ГРЕБНИ IX—X ВВ.

Среди широкого ассортимента изделий из кости и рога, добытых в результате археологических раскопок городищ, поселений, могильников IX—XI вв., привлекают внимание фигурные односторонние зооморфные гребни с резной спинкой. На территории древней Руси их найдено 14 и одна заготовка (рис. 1; 2). Обнаружены они в нижних

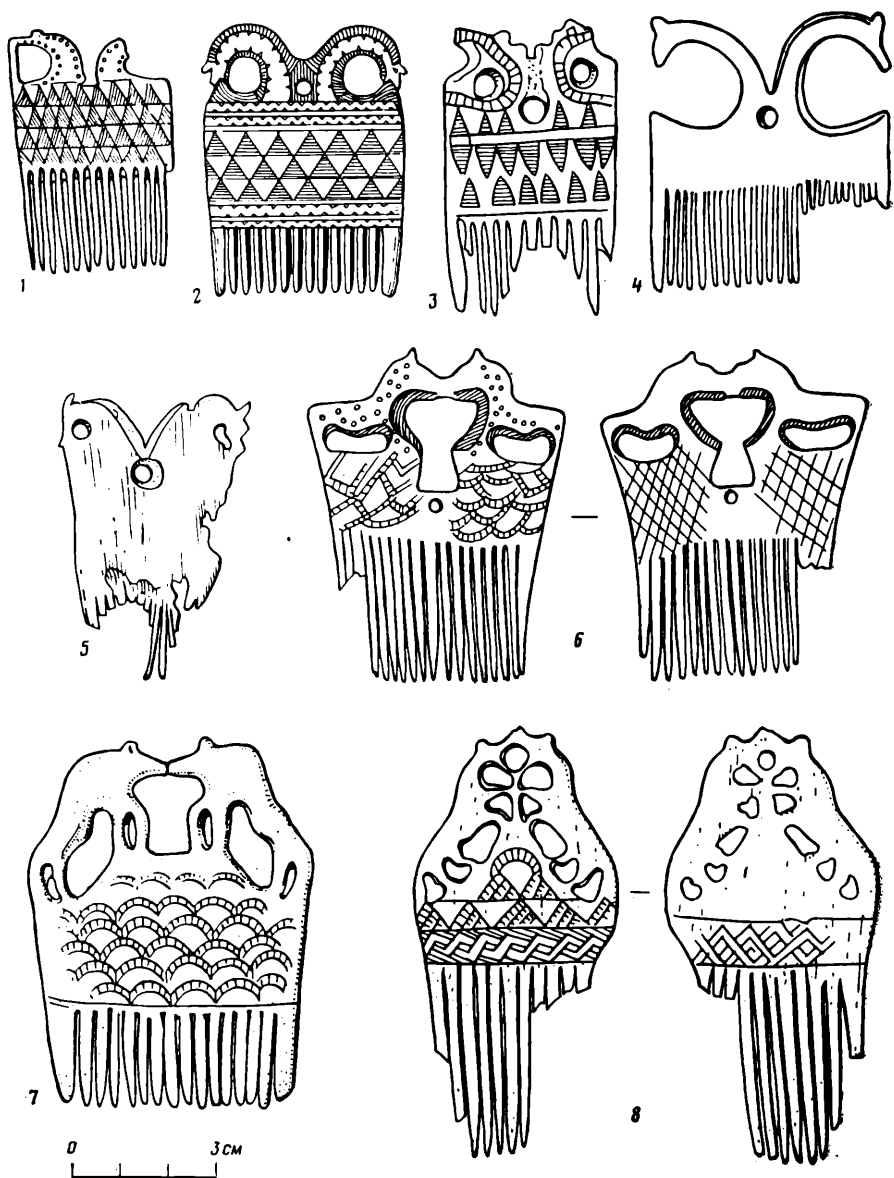

Рис. 1. Зооморфные гребни

1 — Сарское городище; 2, 7 — Суздальское Ополье (владимирские курганы); 3, 5 — Подболотьевский могильник; 4 — Вщиж; 6 — д. Городище Вологодской обл.; 8 — Старая Ладога

слоях Старой Ладоги, на городищах Псковском, Камно, Сарском, Вщижском, у д. Городище Кирилловского р-на Вологодской обл., в курганах Суздальского Ополья и Подболотьевском могильнике¹.

Внешний вид гребней своеобразен. Спинки их украшены парными головками животных и птиц. Можно опознать коней, медведей, лебедей. В оформлении одного гребня использован смешанный образ фантастического четырехногого животного с головой петуха. В большинстве случаев зооморфные существа на гребнях обращены головами в противоположные стороны.

Конь — наиболее распространенный образ в декоре зооморфных гребней. По орнаментальному мотиву близки друг другу коньковые гребни из Сарского городища, курганов Суздальского Ополья, Подболотьевского могильника (погребение 145). Помимо конских головок, переданных с большей или меньшей условностью, эти гребни украшены

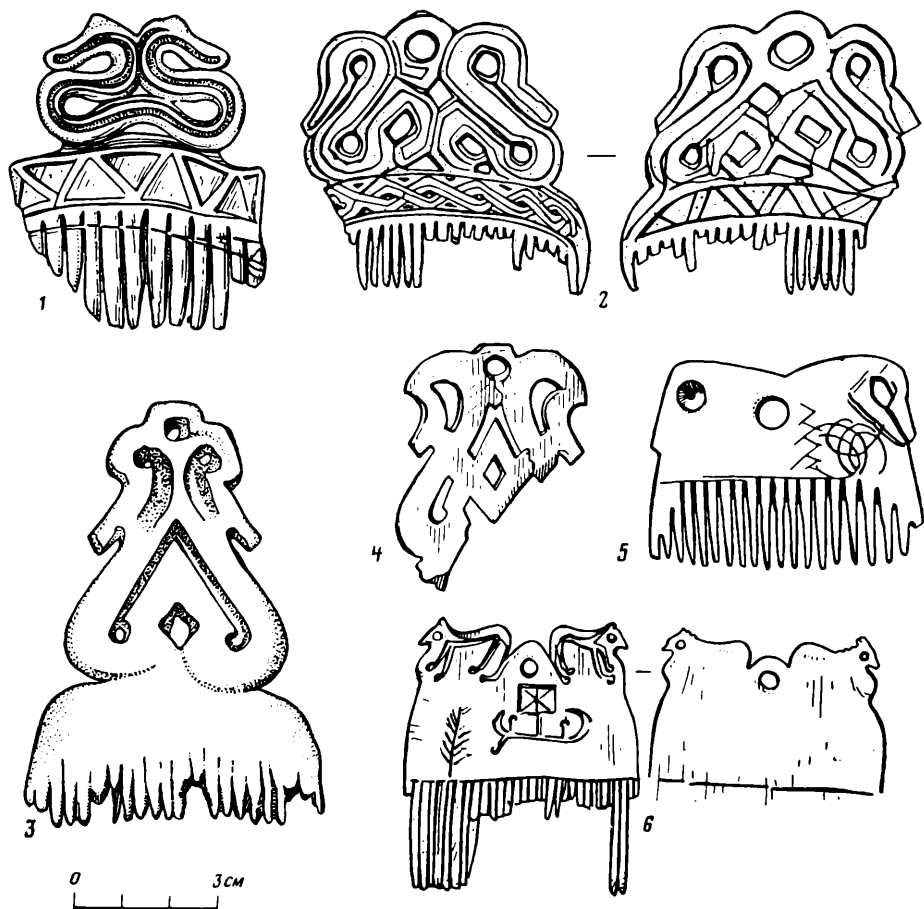

Рис. 2. Зооморфные гребни

1, 6 — Псков; 2, 3 — Камно; 4, 5 — Старая Ладога

рядами треугольников, гладких и заштрихованных, иногда расположенных в шахматном порядке (рис. 1, 1—3). Подболотьевский экземпляр, по всей вероятности, не закончен. Спинка сарского гребня в верхней части несколько отличается от спинок аналогичных изделий. Видимо, учитывая хрупкость силуэта, мастер придумал своеобразную опору — поддержку голов. Гребни из Вщижского городища и Подболотьевского могильника (погребение 43) отличаются манерой исполнения (рис. 1, 4, 5). Вщижский экземпляр более изящен. Конские головки на длинных изогнутых шеях выполнены тщательно и вполне реалистично, в то время как подболотьевский образец изготовлен в более грубой манере. Среди гребней, спинки которых украшены коньками, выделяется находка из д. Городище Вологодской обл. В отличие от других, коньки на этом гребне обращены головами друг к другу, их туловища подчеркнуты прорезями, украшены ямками. Плоскость гребня заполнена небрежно выполненным чешуйчатым орнаментом. Аналогичным орнаментом украшены копоушки, обнаруженные в Тимеревских курганах и «на территории, населенной в основном финно-угорскими племенами, в памятниках IX—XI вв.»²

Любопытны два гребня с фигурками, по-видимому, медведей, изображенных в геральдических позах, с обращенными друг к другу головами, из курганов Суздальского Ополя и из Старой Ладоги (рис. 1, 7, 8). Изображение носит условный характер. Высокие ноги, горб на спине у медведей на первом гребне — черты, характерные для лося, и только отсутствие рогов не позволяет утверждать, что изображены именно эти

животные. Композиционно этот гребень очень напоминает экземпляр из д. Городище. Звери на старолadoжском гребне вошли в литературу под названием «борющиеся медведи»³. Поза их решена иначе, чем на экземпляре из Суздальского Ополя. Животные изображены в движении. Динамика достигнута за счет определенного расположения зверей, которые словно взбираются вверх. Точкой опоры служат длинные широкие хвосты. По облику эти животные сходны с мелкими хищниками: невысокие мягкие лапы, пушистый хвост, удлинненное, словно распластанное, туловище. Прорези на спинке гребня подчеркивают фигуры животных и в то же время образуют в верхней части спинки своеобразную «воздушную» розетку, что, безусловно, свидетельствует о художественном вкусе мастера-резчика. Помимо зооморфных существ, гребень украшен двумя поясками резного орнамента, состоящего из пересекающихся ломаных линий и треугольников. Над верхним орнаментальным поясом изображены два треугольника, вершины которых соединены дугой-чешуйкой.

Среди птичьих образов, используемых в декоре гребней, по-видимому, любимым был лебедь. Особенно распространен мотив парноголовых птиц. Гребни, украшенные изображениями лебедей, стилистически очень близки друг другу. Они происходят из городищ Псковского и Камно и Старой Ладogi (рис. 2, 1—4). Помимо птичьих фигур, поверхность гребней украшена либо орнаментом в виде треугольников (Псковское городище), ломаных волнистых линий (Камно), либо фигурными прорезями (Камно, Старая Ладога).

Интересны два гребня из городища Камно⁴. Спинки обоих экземпляров выполнены в технике ажурной резьбы очень тщательно. Резная спинка одного из гребней (рис. 2, 2) непосредственно переходит в орнаментированный ободок. Орнамент ободка на различных сторонах изделия не идентичен: на одной стороне — переплетающиеся волнистые линии, на другой — две ломаные линии. Второй гребень более крупный (рис. 2, 3). Изображение лебедей стилизовано в большей степени, чем на первом экземпляре. Спинка гребня украшена разнообразными прорезями⁵. Стилистически связывается с гребнем из Камно и заготовка гребня из Пскова, обнаруженная в мешаном слое на территории Довмонтова города⁶. Идентичен гребню из Камно экземпляр с фигурной спинкой, украшенной стилизованными изображениями двух лебедей, из Старой Ладogi⁷. Раскопками 1974 г. на территории посада в Старой Ладoge в комплексе X в. обнаружена роговая булавка, головка которой стилистически близка рассмотренному гребню⁸. В Старой Ладoge найден еще один фигурный гребень, украшенный птичьими головками (рис. 2, 5). Одна из головок намечена схематически, на месте другой — углубление.

Помимо территории древней Руси, рассматриваемые гребни встречаются в финно-угорских древностях Восточной Европы. Они найдены на городищах Идна-Кар и Лаврятском, при раскопках и сборах Н. Г. Первухина в Глазовском уезде Вятской губернии, в Лядинском, Крюково-Кужновском и Плесинском могильниках, на селище Кививаре, городище и селище Рыуге Эстонской ССР⁹. По характеру изображений эти гребни близки бронзовым нагрудным гребням-подвескам, известным в средневековых древностях Финляндии¹⁰.

Таким образом, гребни с зооморфными украшениями происходят с территории, тянувшейся широкой полосой от Прикамья до р. Великая, не заходя на севере за южный берег Ладожского озера. Датируются подобные гребни в литературе IX—XI вв.¹¹ Эта датировка основана на хронологии слоев Старолadoжского городища, где находки зооморфных гребней связаны со слоем Д, относящимся к IX—XI вв. В результате последних работ Старолadoжской археологической экспедиции датировка слоя Д уточнена — это конец IX—конец X в.

К. М. Плоткин относит гребни из Камно по традиции к IX—XI вв.¹² Исходя из условий залегания гребней и следуя датировке горизонтов нижнего культурного слоя Камно, предложенной К. М. Плоткиным, можно датировать их более узко: IX—началом X в.¹³ К тому же вре-

мени относит аналогичные изделия с южноэстонских памятников и М. Э. Аун¹⁴. В более позднее время, в XI—XIII вв., о гребнях с парными головками животных напоминают маленькие бронзовые подвески, распространенные примерно на той же территории¹⁵.

Зооморфные гребни выделяются не только своеобразием внешнего облика. Они насыщены символикой. Раскрыть семантику образов, составляющих декор гребней, позволяют данные фольклора и этнографии. Так, например, у многих народов был развит культ коня¹⁶. Сюжет парноголовых коней является общим славяно-финским фольклорным сюжетом, связанным с почитанием коня. Этот сюжет сохранялся в русском народном искусстве в оформлении металлических зооморфных гребней, резьбе по дереву, вышивке вплоть до XIX в. Пережитком культового почитания коня у крестьян Владимирской губернии в XIX в. был обряд ритуального погребения этих животных¹⁷.

Изображение медведя отражает фольклорные представления финно-угров. Образ медведя — излюбленный мотив уральского «звериного стиля». В честь медведя слагали сказки и песни, предания и легенды. Медведь — один из самых почитаемых зверей у древних коми. В родоновской культуре (IX—XIV вв.) изображение медведя переходит с культовых предметов на обычные украшения — шумящие подвески, поясные пряжки, металлические и костяные ложки¹⁸. Археологические находки говорят о несомненном культовом почитании медведя в северо-западных и северо-восточных частях лесной полосы, особенно в Новгородской земле и Ростово-Ярославском Поволжье¹⁹. Медведи изображались на гербах Новгородской и Тверской земель в XVI в., причем поза животных напоминает изображение зверей на рассматриваемых гребнях из Старой Ладogi и курганов Суздальского Ополья²⁰. В аналогичных позах изображались хищники, возможно медведи, на вышивке из Каргополя²¹.

Изображение водоплавающих и других птиц — древняя традиция в искусстве Восточной Европы. Наряду с конем птица — один из наиболее распространенных образов, встречающихся в декоре зооморфных гребней. Несмотря на известную стилизацию образа, мастер в каждом отдельном случае стремился изобразить конкретный орнитоморфный вид. Так, например, узнаются лебеди, характерная черта которых — длинные изогнутые шеи. По таким признакам, как борода и подобие гребешка, может быть определен петух. Анализ орнитоморфных изображений на гребнях позволил сделать вывод, что наиболее реалистично изображался лебедь. Любопытно, что сюжет парноголовых лебедей доживает до XIX в. и существует в этнографическом материале, в частности в золотошвейных изделиях Подвинья — в Сольвычегодском уезде Вологодской губернии и Шенкурском уезде Архангельской губернии²². Именно в этих губерниях бытовали в XIX в. и металлические зооморфные гребни, украшенные парноголовыми коньками. «Лебединая» орнамента в крестьянском сольвычегодском шитье составляет более древнюю, по мнению Г. С. Масловой, основу орнамента по сравнению с растительными узорами. Часто мотив лебедей изображался на девичьих и женских головных уборах в Ярославской, Костромской и Новгородской губерниях.

В орнаментике и устном творчестве образ птицы и коня иногда предстает в смешанном виде²³. В этой связи обращает на себя внимание гребень из Псковского городища — уникальный образец средневекового прикладного искусства (рис. 2, б)²⁴. В оформлении его спинки использован образ смешанного зооморфного существа. Н. Н. Чернягин писал об изображении на гребне «четвероногих чудовищ с головами петухов»²⁵. Плоскость гребня украшена рисунком ладьи и дерева. Подобный орнамент находит аналогии в северных древностях²⁶. Исключительной особенностью псковского гребня является сочетание в его декоре двух этнокультурных традиций: финской (животные) и скандинавской (ладья). Возможно, эта вещь была изготовлена в Пскове, где известны

находки полуобработанных фигурных гребней. В таком случае можно говорить о многосторонних культурных контактах, получивших отражение в произведениях местного ремесла IX—X вв.

Гребни — предмет массового обихода, притом повседневного. В их облике нашли отражение культурные традиции этнически разного населения. Тип одностороннего зооморфного гребня распространен на территории, связываемой с финно-угорским этносом. Закономерно, что зооморфные гребни XIX в. бытовали либо в финноязычной среде (Поволжье), либо в тех районах, где финны жили в древности (Архангельский север).

Традиции в оформлении зооморфных гребней оказались поразительно устойчивыми и сохранились, но уже в металле, до XIX в. О закономерном характере такой традиционности писала В. В. Гольмстен: «Зная общий устойчивый характер культуры, мы вправе ожидать, что эти традиции сохранились; мог перемениться материал для воплощения их, дух же народного творчества обычно хранит старые заветы и находит способы для выражения их»²⁷.

Являясь в средневековье элементом костюма, гребень в то же время считался своеобразным амулетом-оберегом. Именно такую роль играла и зооморфная символика в декоре этих гребней. Миниатюрные подвески-гребни, украшенные коньками, носили в составе уборов с шумящими привесками, известных по погребениям. Рассматриваемые гребни, по всей вероятности, тоже носили подвешенными, так как, за редким исключением, все они имеют ушко.

Фигурные односторонние гребни с зооморфными спинками следует рассматривать как яркое проявление финно-угорской средневековой художественной культуры. В памятниках прибалтийскофинского населения встречены в основном гребни, украшенные парными головками лебедей, в то время как в восточнофинских районах спинки подобных гребней украшались парноголовыми конями и медведями. Интересно, что в Старой Ладогe с ее сложным этническим составом населения, были обнаружены и прибалтийскофинский и восточнофинский образцы косторезного ремесла.

Рассмотренные гребни, судя по их оформлению, связаны с двумя большими общностями финского населения: восточной и западной. Возможно, сюжетные различия в их декоре отражали несходство древних культовых воззрений на востоке и западе финского мира.

¹ Давидан О. И. Гребни Старой Ладогe. — АСГЭ, 1962, 4, рис. 4, 1, 3; Тараканова С. А. Раскопки древнего Пскова. — КСИИМК, 1949, XXVII, рис. 39В, 18; Она же. Псковские городища. — КСИИМК, 1956, 62, рис. 21; Чернягин Н. Н. Гребень из Псковского городища. — СА, 1948, X, с. 305; Голубева Л. А. Весь, скандинавы, славяне в X—XI вв. — В кн.: Славяне и финно-угры. Л., 1979, с. 137, рис. 2; Эдинг Д. Сарское городище. Ростов-Ярославский, 1928, табл. IV, 10; Спицын А. А. Владимирские курганы. — ИАК, 1905, 15, рис. 377; 378; ГИМ, инв. № 56480, 811/476 (раскопки В. А. Городцова).

² Фезнер М. В. Изделия косторезного производства. — В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 40, рис. 23, 5, 6.

³ Давидан О. И. Гребни Старой Ладогe, с. 101.

⁴ Тараканова С. А. Псковские городища, рис. 21.

⁵ Тараканова С. А. Древности Псковской земли. — В кн.: По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953, с. 205.

⁶ Раскопки В. Д. Белецкого. Хранится в ПИМ, В-27/ПД-66.

⁷ Давидан О. И. Гребни Старой Ладогe, с. 102, рис. 4, 1.

⁸ Петренко В. П. Раскопки в северной части Старой Ладогe. — АО 1974 г. М., 1975, с. 33, 34.

⁹ Пераухин Н. Г. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии. — МАВГР, 1896, II, табл. V, 1, 3, 5; Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. — МИА, 1952, 28, табл. XLVI, 5; Оборин В. А. Памятники родановской культуры у с. Таборы. — КСИИМК, 1956, 65, с. 108, рис. 37, 1; Ястребов В. Н. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. — МАР, 1893, 10, табл. III, 3; Материалы по истории Мордвы VIII—XV вв. Моршанск, 1952; Аун М. Э. Селище Кививаре в Валгасском р-не. — Изв. АН ЭССР, Обществ. науки, 1975, 4, табл. IX, 2; Оборин В. А. Раскопки памятников железного века в Верхнем Прикамье. — В кн.: Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1962, 2, рис. 41, 13; Шмидехельм М. Х. Горо-

- дище Рыуге в юго-восточной Эстонии. — ВЭИИП, табл. VII, 2, 3.
- ¹⁰ *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finlands. Helsinki, 1973, Abb. 484, 770, 771, 789, 790.
- ¹¹ *Давидан О. И.* Гребни Старой Ладogi, с. 103.
- ¹² *Плоткин К. М.* К вопросу о хронологии городища Камно Псковской обл. — КСИА, 1974, 139, с. 14.
- ¹³ Там же, с. 16.
- ¹⁴ *Аун М. Э.* Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на юго-востоке Эстонии. Автореф. канд. дис. Таллин, 1978, с. 83, 84.
- ¹⁵ Имеется в виду водораздел Волги и Днепра и бассейн Оки и Угры. См.: *Корзулина Г. Ф.* Древнерусская резная кость [рукопись]. Архив ЛОИА, ф. 77, д. 5, р. 10, с. 9.
- ¹⁶ *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865, I, с. 593 сл.; *Фамицын А. С.* Божества древних славян. СПб., 1884, I, с. 172 сл.; *Стасов В. В.* Коньки на крестьянских крышах. — В кн.: *Стасов В. В.* Собр. соч. СПб., 1894, т. II; *Худяков М. Г.* Культ коня в Прикамье. — ИГАИМК, 1933, 100; *Вагнер Г. К.* Древние мотивы в домовой резьбе Ростова-Ярославского. — СЭ, 1962, № 4, с. 40; *Маслова Г. С.* Орнамент русской народной вышивки. М., 1978, с. 74, 82; *Иванов В. В.* Язык как источник при этногенетических исследованиях и проблематика славянских древностей. — В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976.
- ¹⁷ *Городцов В. А.* Погребения животных в муромских могильниках. — Этнографическое обозрение, 1916, 3-4, с. 84, 85.
- ¹⁸ *Оборин В. А.* Чудские древности Урала. Альбом. М., 1973.
- ¹⁹ *Воронин Н. Н.* Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. — В кн.: Краеведческие записки. Ярославль, 1960, IV, с. 53.
- ²⁰ Там же, с. 69.
- ²¹ *Маслова Г. С.* Орнамент русской народной вышивки, с. 61.
- ²² Там же, с. 63.
- ²³ *Шангина И. И.* Изображение коня и птицы в русской крестьянской вышивке XIX—начале XX в. — СЭ, 1972, № 3, с. 116, 117, 120.
- ²⁴ *Чернягин Н. Н.* Гребень из Псковского городища; *Кондрагьева О. А.* Гребень из раскопок Н. Н. Чернягина в псковском кремле. — В кн.: Проблемы истории и культуры северо-запада РСФСР. Л., 1977, с. 123.
- ²⁵ *Чернягин Н. Н.* Отчет о раскопках. Архив ЛОИА, ф. 2, д. 280, 1936.
- ²⁶ *Jansson Sven B. F.* The Runes of Sweden. London, 1962; *Lindqvist S.* Den heilige Eskils biskops döme. — In: Antikvarisk Tidskrift för Sverige. Stockholm, 1917, s. 31—45.
- ²⁷ *Гольмстен В. В.* Хронологическое значение эволюции древних форм. Самара, 1923, с. 18.

Н. А. КИРЬЯНОВА

ЗЕРНОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗБОРСКА

Из раскопок Труворова городища, начатых в 1971 г. экспедицией под руководством В. В. Седова, к настоящему времени исследованы 43 находки, содержащие зерна культурных растений.

Раскопками выяснено, что городище возникло на рубеже VII—VIII вв. и существовало по XIII в.¹ Зерновые находки обнаружены в слоях X—XIII в.

Несомненно, что основная масса найденного при раскопках зерна принадлежит местному земледелию. Городище расположено в зоне дерново-подзолистых слабогумусированных почв. Климат зоны слабоконтинентальный², умеренно прохладный и влажный³. По обеспеченности теплом и влагой район довольно благоприятен для земледелия. Кроме зерна, почти во всех слоях городища найдено много предметов сельскохозяйственного инвентаря: серпы, косы-горбуши, мотыги, сошники. При раскопках обнаружены также жернова и их обломки⁴. Эти находки свидетельствуют о том, что у жителей городища на протяжении ряда веков было развито земледелие. Местное происхождение зерна подтверждается и составом сорняков, найденных среди зерен основной массы находок. Большая часть встреченных сорняков типична для районов запада и северо-запада лесной зоны⁵. Основная масса зерна, найденного при раскопках, безусловно, выращена в окрестностях городища. Все зерна найдены в обугленном состоянии.

Количество находок с зерном по слоям, а также количество зерен каждой культуры в находках приведено в таблице.

Таблица
Количественное соотношение зерен культур в находках

Дата (века)	Количество находок	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес	Горох	Чечевица	Кормовые бобы	Лен	Конопля	Просо
X	4	29 403	2094	8071	1073	240	65	100	40		10
X—XI	7	5906	16 319	65 481	846	30	20		10		
XI	3	57 435	8819	36 144	2751						
XI—XII	5	237	1	222	3					++*	
XII	6	3561	1489	199	10	1	1	1			
XII—XIII	4	26 017	6	12	13						
XIII	14	36 755	78	19 208	413						
Количество зерен культуры		159 314	28 806	129 337	5109			518			
% от всего количества		49,3	8,9	40	1,6			0,16			
Количество находок с зернами культуры		40	23	26	30	5	4	2	2	4	1
% от всего количества находок		93	53,4	83	69,7	11,6	9,3	4,6	4,6	9,3	2,3

* ++ — преобладание культуры в находках.

Количество зерен каждой из культур в находках различно. Большая часть (30 из 43) находок содержит одну культуру с единичными зернами других, которые принадлежат растениям-засорителям, выросшим в посевах основной культуры. Меньшее число находок содержит смесь зерен, образовавшуюся, видимо, уже после сбора урожая. В целом зерновые находки позволяют выяснить, какие культуры возделывались жителями городища, и дают достаточно четкое представление о земледелии изучаемого района на протяжении четырех веков. Приведенные данные свидетельствуют о том, что земледельцам городища был известен широкий состав культур, распространенный и в современном земледелии (рис.).

Такой же в основном состав культур известен по находкам на хронологически близких памятниках соседних территорий. В Латвии в находках второй половины I тысячелетия н. э. представлены те же зерновые культуры с преобладанием ячменя и некоторым распространением пшеницы и ржи⁶. Рожь, видимо яровая⁷, найдена еще в небольшом количестве.

Подобный состав культур зафиксирован и находками на территории Эстонии и Литвы⁸.

В Старой Ладогe в находках VII—IX вв. также отражен широкий состав зерен культурных растений. Основная масса принадлежит подбе, немного зерен — мягкой пшенице, единичные зерна — ячменю, овсу, а также ржи. По мнению М. М. Якубцинера, исследовавшего эти находки, зерна ржи собраны с яровой формы этой культуры⁹.

На территории Белоруссии в материалах VI—

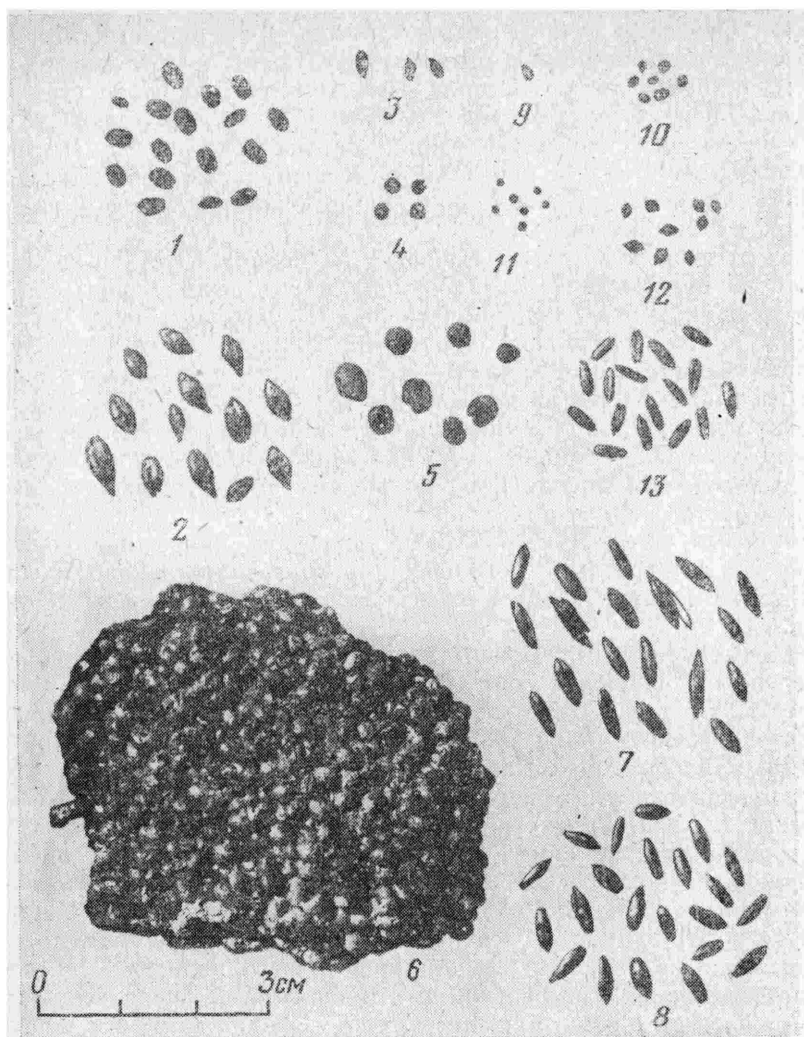

Рис. Зерна культурных растений и семена сорняков, найденные в Изборске
 1 — пшеница; 2 — ячмень; 3 — лен; 4 — горох; 5 — кормовые бобы и чечевица; 6 — конопля;
 7 — овес; 8 — рожь; 9 — пикульник; 10 — подмаренник; 11 — марь белая; 12 — горцы; 13 — костер
 ржаной

VIII вв. с Банцеровского городища обнаружены зерна гороха, кормовых бобов, вики, проса и пшеницы. Ржи в находках нет¹⁰.

Зерновые материалы X в. на территории запада и северо-запада древней Руси малочисленны. Наибольшее количество их встречено в Новгороде. Там найдены зерна проса, ячменя, зернобобовых, но рожь, пшеница и овес пока не обнаружены¹¹. Не найдена рожь X в. и в Пскове. Наиболее ранней находкой ржи является зерно конца IX в. с городища Свила 1 (Витебская обл.)¹². На Строчицком городище под Минском в двух находках X—XI вв. озимая рожь составляла 59% общего числа зерен¹³. В материалах Прибалтики озимая рожь появляется также с IX—X вв.¹⁴

При малом числе зерновых материалов X в. особое значение приобретают находки того времени в Изборске. Здесь в слое X в. встречены четыре находки с зерном, содержащие все основные культуры с явным преобладанием ржи (74% общего числа зерен). Рожь из этих находок можно с уверенностью отнести к озимой форме, так как среди ее зерен найдены семена костров ржаного и полевого — типичных сорняков ози-

мой ржи¹⁵. Находки свидетельствуют о том, что в окрестностях Изборска уже в X в. были посеы озимой ржи. В этих же материалах содержится известное количество зерен овса. Они встречены во всех находках того периода. В двух из них количество зерен этой культуры достаточно велико, и считать ее сорняком посевов нельзя. Правильнее предположить, что в X в. уже были самостоятельные посеы овса, хотя, возможно, еще и не очень большие. Ранних материалов овса на других памятниках пока найдено мало.

Подсчет зерен в находках Изборска за период X—XIII вв. показывает, что на первом месте количественно стоит рожь. Зерна этой культуры встречены в подавляющем большинстве находок. Почти во всех из них рожь является основной культурой. Немного отстает от ржи ячмень, занимающий второе место по встречаемости в находках и по числу зерен. В слое X—XI вв. он даже составляет основную массу зерна.

Третье место по числу зерен занимает пшеница, хотя по встречаемости в находках она уступает овсу. Его зерна найдены в большем количестве находок, чем пшеница, но по общему числу зерен овес стоит на четвертом месте.

В зерновых материалах Изборска встречено ничтожное количество ~~зерен~~ проса, которое было довольно широко распространено на близлежащих территориях в конце I тысячелетия и в первые века II тысячелетия н. э.

Остальные культуры найдены в немногих находках, и их общее количество по отношению к общей массе зерна выражено долями процента.

Считать, что процентное соотношение зерен в находках отражает соотношение посевных площадей, нельзя. Но подсчет количества зерен каждой из культур в находках различных хронологических периодов позволяет предположить значение каждой из них в хозяйстве. Зерен ржи в находках X—XIII вв. встречено больше, чем каждой из яровых культур в отдельности, но сумма их зерен больше количества зерен ржи. В материалах X—начала XII в. на первом месте по количеству найденных зерен стоит ячмень. Рожь занимает там только второе место. Это свидетельствует, видимо, о том, что яровые культуры, ячмень и пшеница, являвшиеся главным хлебом предыдущего периода¹⁶, на начальном этапе появления озимой ржи еще имели важное значение в земледелии. В дальнейшем рожь оттесняет их и уверенно занимает первое место в находках. Такая же картина наблюдается по зерновым материалам нескольких десятков памятников северо-запада древней Руси. По ним четко прослеживается тенденция к увеличению роли ржи за счет уменьшения значения яровых культур¹⁷. В этом изменении соотношения зерен различных культур отразился, видимо, процесс постепенного увеличения посевных площадей ржи, которая со временем стала основной культурой земледелия северо-запада лесной зоны.

Уже было сказано, что находки семян костров среди зерен ржи позволяют говорить о наличии посевов озимой культуры. Семена этих растений встречены в 12 находках из 24, содержащих вместе с зерном ржи сорняки¹⁸. Часть находок, содержащих рожь без сорняков или без семян костров, могла все же принадлежать озимой форме культуры. При малой полевой засоренности посевов в зерно попадало очень мало семян сорняков. Более мелкие и хрупкие по сравнению с зерном, они могли просто не сохраниться. Но можно предположить, что какое-то количество ржи, особенно в материалах начала II тысячелетия н. э., принадлежало яровой форме этой культуры, зерна которой встречены, как было сказано выше, на близлежащих территориях в более раннее время. Выращенная на перелог, такая рожь также должна была содержать очень мало сорняков.

С определенностью решить вопрос о существовавших в окрестностях Изборска системах земледелия по имеющимся находкам не представляется возможным. Но сделать ряд обоснованных предположений материал позволяет. Прежде всего, безусловно, земледельцам было известно

беспашенное подсечное земледелие на лесных участках, являвшееся рас пространенной формой в предшествующий период и сохранившееся в северных лесных районах до XX в. Участки, подготавливаемые к посеву подсечкой и выжиганием, могли являться также этапом в освоении лесных массивов сначала под перелог, а затем под постоянные папши. Пашенное земледелие тоже безусловно было известно (уже упоминались находки сошников). Оно могло существовать на лесных участках и на открытых пространствах, где восстановление плодородия почвы происходило в перелог. Такие временно используемые участки были благоприятны для возделывания яровых культур, из которых пшеница и особенно просо наиболее требовательны к чистоте посевных участков¹⁹. Могла на перелогах возделываться и озимая рожь, но именно биологические особенности этой культуры позволили сократить перелог до одного года, превратив его в одногодичный пар, и длительное время возделывать одни и те же участки, повысив тем самым производительность земли. На старопахотных почвах при посеве по чистому пару (черному или раннему) озимая рожь оказывает такое сильное сорочищающее действие на почву полей, что оно сказывается даже на второй год посевов²⁰. Вероятно, этой особенностью ржи и объясняется ее быстрое и широкое распространение. В этой связи очень важно прослеженное на археологических материалах ряда памятников, в том числе и Изборска, постепенное уменьшение количества зерен яровых культур и неуклонное увеличение роли ржи в находках. Такое изменение соотношения культур, как нам кажется, отражает тенденцию к увеличению в хозяйстве количества окультуренных земель, на которых восстановление плодородия происходило в паровом поле, т. е. тенденцию к постепенному распространению паровой системы земледелия.

Существование старопахотных, окультуренных почв в окрестностях Изборска подтверждается широким составом семян сорняков в находках. Общее количество семян сорняков, встреченных в 65% находок, невелико, но состав их насчитывает 20 видов. Среди них — горцы, пикульник, костры ржаной и полевой, подмаренник, вьюнок полевой, горошки, василек синий, куколь, марь белая, т. е. сорняки, которые приспособились к произрастанию в посевах, типичные для окультуренных земель и в настоящее время²¹.

Способы восстановления плодородия почвы были, вероятно, очень разнообразны. Это и забрасывание выпашанных полей в перелог разного срока, и обработка паровых полей. Паровая система земледелия могла сочетаться на одном поле с краткосрочным перелогом (паро-переложная система). Формы севооборотов также могли быть различны: двухполье, трехполье, пестрополье. Таким многообразием систем земледелия и форм севооборотов, хорошо очищающих поля, можно, по-видимому, объяснить малое количество семян сорняков в находках. Участки, подготавливаемые к посевам выжиганием, поля первых лет перелога имели мало сорняков. Мало сорных растений должно было быть при паро-переложной системе и при двухпольном севообороте паровой системы. Даже при трехполье количество сорняков могло быть очень небольшим из-за сороподавляющей способности озимой ржи и при условии применения чистых паров. О том, что чистые пары были известны земледельцам конца XIV—XVI в., говорят данные многих письменных документов. Нет оснований считать, что они не применялись в более ранний период.

Ценность зерновых материалов Изборска заключается в том, что они позволяют представить характер земледелия на этапе, когда в земледелии сосуществуют, взаимно дополняя друг друга, различные системы земледелия и типы севооборотов, но тенденция к распространению и совершенствованию паровой системы уже четко выражена.

- ¹ *Седов В. В.* Раскопки в Изборске. — АО 1971 г. М., 1972, с. 26—28.
- ² Почвенно-географическое районирование СССР. М., 1962, с. 76 сл.
- ³ Основные вопросы системы земледелия в северо-западной зоне РСФСР. М., 1959, с. 4, 5.
- ⁴ *Седов В. В.* Отчеты о раскопках в Изборске в 1971—1975 гг. Архив ИА, р-1, № 4487, 4789, 5079, 5623, 5325.
- ⁵ *Симонович Л. Г., Михайловская В. А., Козловская Н. В.* Краткий определитель сорных растений Белоруссии. Минск, 1969; *Мальков Ф. И.* Материалы по сорной растительности Белорусской ССР. — Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции, 1927—1928, т. XVIII, вып. 1; *Он же.* Сорняки Ленинградской обл. и меры борьбы с ними. Л., 1944.
- ⁶ *Расиньш А. П.* Культурные и сорные растения в материалах археологических раскопок на территории Латвийской ССР. — Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. М., 1959, 1, прилож. 2.
- ⁷ *Расиньш А. П.* Материалы к истории культурных и сорных растений на территории Латвийской ССР до XIII в. н. э. — В кн.: Растительность Латвийской ССР. Рига, 1958, II, с. 129.
- ⁸ *Расиньш А. П.* Культурные и сорные растения в материалах археологических раскопок. . . , прилож. 2.
- ⁹ *Якубцинер М. М.* О составе зерновых культур из Старой Ладоги. — КСИИМК, 1955, LVII, с. 21.
- ¹⁰ *Фляксбергер К.* Семена культурных растений VI—VIII вв. из-под Минска. — Природа, 1929, № 5, с. 270; *Митрофанов А. Г.* Банцеровское городище. — В кн.: Белорусские древности. Минск, 1967, с. 259.
- ¹¹ *Кирьянов А. В.* История земледелия Новгородской земли X—XV вв. — МИА, 1959, 65, с. 321 сл.
- ¹² *Коробушкина Т. Н., Митрофанов А. Г.* Археологічны помнік расказвае. — Помнікі гісторыі культуры Беларусі, 1975, № 4, с. 38 сл.
- ¹³ *Загорувский Э. М.* Археология Белоруссии. Минск, 1965, с. 153.
- ¹⁴ *Расиньш А. П.* Культурные и сорные растения по материалам археологических раскопок в Латвии. — Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики. М., 1955.
- ¹⁵ *Доброхотов В. Н.* Семена сорных растений. М., 1961, с. 126 сл.; *Мальцев А. И.* Распространение в России важнейших видов полевых сорных растений. — Труды по прикладной ботанике, 1909, т. 2, № 5—7, с. 263.
- ¹⁶ *Краснов Ю. А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971, с. 14 сл.
- ¹⁷ *Кирьянова Н. А.* О составе земледельческих культур древней Руси X—XV вв. — СА, 1979, № 4.
- ¹⁸ В восьми находках, содержащих зерна ржи, сорняки не найдены. В таком же количестве находок встречены единичные зерна ржи-засорителя, и найденные там сорняки относятся к зерну других культур, составляющих основное содержание находки.
- ¹⁹ *Прянишников Д. Н.* Частное земледелие М., 1935, с. 141, 207, 210; *Владимиров И. Ф.* Сорные растения и борьба с ними. Куйбышев, 1947.
- ²⁰ *Прянишников Д. Н.* Частное земледелие, с. 72, 78; *Владимиров И. Ф.* Сорные растения. . . ; *Котт С. А.* Сорные растения и борьба с ними. М., 1969, с. 108.
- ²¹ *Соколов Н. С.* Общее земледелие. М., 1935, с. 215 сл.

П. Г. ГАЙДУКОВ, А. Б. НИКИТИН

ХОРЕЗМИЙСКАЯ СЕРЕБРЯНАЯ МОНЕТА КОНЦА VIII В. С НОВГОРОДСКОГО ГОРОДИЩА

Летом 1978 г. на Новгородском городище у д. Сельцо велись работы по углублению русла реки. В насыпи грунта, поднятого со дна реки, новгородский коллекционер М. В. Шорин нашел серебряную монету¹. Монетный кружок еще в древности был разрезан пополам по вертикали. Размеры обрезка 24×12 мм, вес 1,12 г. Соотношение осей — 6 по часовому циферблату (рис. 1; 2).

На лицевой стороне — голова правителя вправо, безбородое лицо с небольшими усиками и выступающим подбородком. На шее — две нити бус, обозначенные рядами точек. Голова правителя увенчана короной с тремя рядами перлов, украшавших диадему, и полумесяцем во фронтальной ее части. От легенды, проходившей по краю монетного поля, перед лицом правителя, сохранился один знак.

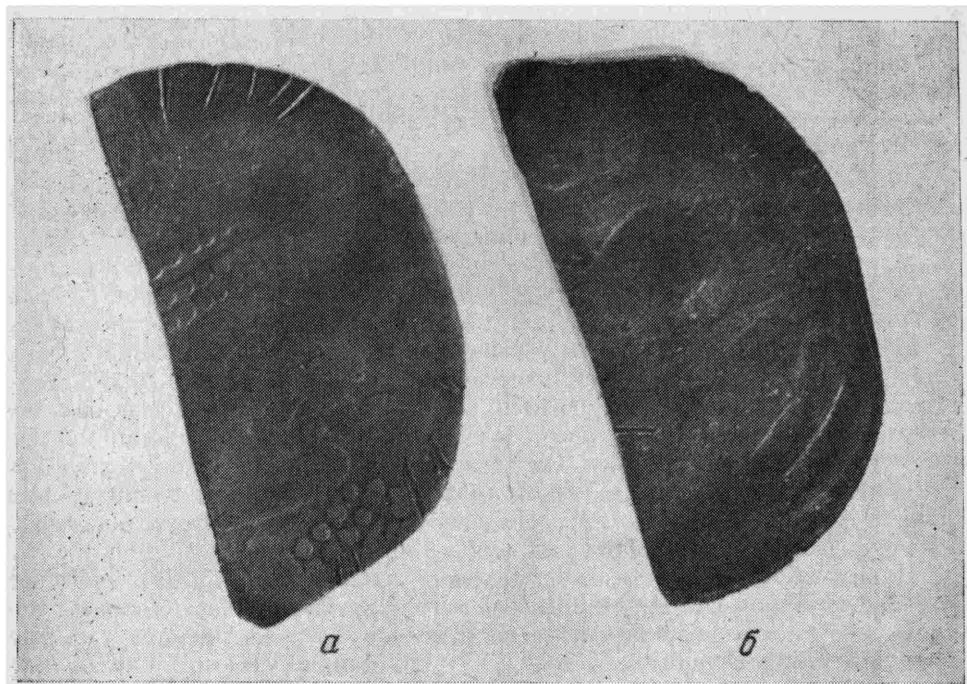

Рис. 1. Фотография монеты (увеличено в три раза)

а — лицевая сторона;
б — оборотная сторона

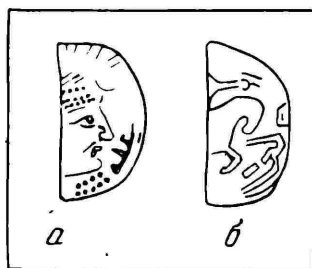

Рис. 2. Прорись лицевой (а) и оборотной (б) сторон (натуральная величина)

На оборотной стороне помещалось изображение всадника вправо. Видны голова и передние ноги скачущей лошади, часть торса и вытянутая вперед левая рука всадника, держащая какой-то предмет. По краю монетного поля — следы стершейся легенды. Задняя часть изображения срезана.

Монета принадлежит к хорезмийскому чекану. По классификации, предложенной Б. И. Вайнберг, она соответствует типу Г-IVа. Монеты этого типа чеканились при хорезмшахе Азгацваре, правившем в последней четверти VIII в.² Азгацвар — один из последних независимых правителей Хорезма. В списке хорезмийских царей у Бируни он упоминается под именем Абд-Аллаха³. Известна уникальная монета этого царя, найденная в Татарии, где согдийская надпись на лицевой стороне «Азгацвар» заменена арабской — «Абд-Аллах»⁴. Эта замена, очевидно, связана с постепенной исламизацией Хорезма в период после арабского завоевания Средней Азии и с усилением зависимости хорезмийских правителей от арабских наместников.

На лицевой стороне монет Азгацвара помещалась согдийская легенда — имя правителя; на оборотной — хорезмийская. Значение титула, состоявшего из двух арамейских идеограмм, — «господин царь» или «властвующий царь», — было раскрыто С. П. Толстовым и уточнено В. А. Лившицем⁵. От согдийской надписи на лицевой стороне сохранился только последний знак 'г. На оборотной хорошо читаются ЛК.

Находки хорезмийских монет за пределами Хорезма очень редки. По мнению Б. И. Вайнберг, это может объясняться экономической замкну-

тостью Хорезма, находившегося вдали от больших караванных дорог⁶. Появление согдийской легенды на монетах правителей второй половины VIII в., видимо, связано с ориентацией Хорезма на восточный рынок, где согдийский язык был международным.

Кроме упомянутой уже монеты из Большетарханского могильника в Татарии, известно еще несколько монет Абд-Аллаха — Азакцара, найденных за пределами Хорезма и Средней Азии: одна — из Дамаска — входила в состав клада ранних монет Халифата⁷; другая — из бывшего Слуцкого ведомства близ Камы⁸; третья — из Большевисимского могильника при устье р. Большой Висим в Пермской обл., найдена при раскопках вместе с 18 сасанидскими монетами⁹; четвертая — предположительно того же Азакцара — найдена в Кисловодске, в городском парке¹⁰. Можно предположить, что после завоевания арабами Средней Азии, когда хорезмийские правители оказались в зависимости от Халифата, их монеты, изредка проникая за пределы Хорезма, получали хождение по всему мусульманскому Востоку. Не исключено, что правоверные купцы-мусульмане старались сбыть такую «неполноценную» с их точки зрения монету на периферии, где на языческие изображения и отсутствие коранических изречений не обращали особого внимания.

Каким образом монета хорезмийского царя попала на Новгородское городище, установить трудно. Скорее всего она была занесена сюда с потоком арабской серебряной монеты, проникновение которой на территорию Восточной Европы началось в 70—80-е годы VIII в.¹¹ Самые ранние клады дирхемов, найденные в округе Новгорода, датируются концом VIII—началом IX в.¹² Монета могла попасть в Приильменье, а затем — на Новгородское городище в это или более позднее время. Внешний вид монеты говорит скорее о том, что из денежного обращения она вышла в более позднее время. Бесспорно, что она долго находилась в обращении, так как она сильно потерта.

Нижние слои Новгородского городища датируются последними десятилетиями IX в.¹³ Е. Н. Носов предполагает, что при строительстве Сиверсова канала была уничтожена центральная часть первоначального поселения на городище, на которой имелись слои более раннего времени, чем конец IX в.¹⁴ Но это лишь предположение, не подтвержденное пока еще никакими материалами. Рассматриваемая здесь монета, столь ранняя по времени чеканки, не может свидетельствовать о начальных слоях городища. На городище монета попала не раньше середины—конца X в. На территории Хорезма не известно ни одной разрезанной монеты. Это — явление восточноевропейского денежного обращения. Резать и дробить восточные монеты, применяя взвешивание, здесь начали с конца 30-х годов X в., когда в связи с начавшимся кризисом восточного серебра дирхем становится чрезвычайно неопределенным в весе¹⁵. Его стало трудно сортировать и подбирать под нормы уже сложившейся денежно-весовой системы. В это же время в русской денежно-весовой системе появляется новая фракция — резана. Теоретический вес резаны северной денежно-весовой системы определяется в 1,02 г¹⁶. Разделение единой русской денежно-весовой системы на северную и южную происходит в середине X в. Теоретический вес резаны южной системы 1,36 г.

Рассматриваемая монета скорее всего была путем резания подогнана под вес резаны и, возможно, некоторое время обращалась в качестве этой денежной единицы, после чего попала в землю, а затем при размыве культурного слоя во время половодий — на дно Волхова.

¹ Пользуемся возможностью выразить глубокую благодарность М. В. Шорину, любезно предоставившему монету для публикации.

² Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977, с. 62, 63, табл. XX, тип Г-IVa; XXIV, тип Г-IVa.

³ Бируни Абурейхан. Избранные произведения. Ташкент, 1957, т. I, с. 48.

- ⁴ *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге. М., 1964, с. 63; *Вайнберг Б. И.* Монеты древнего Хорезма, с. 62, № 1167.
- ⁵ *Вайнберг Б. И.* Монеты древнего Хорезма, с. 83, табл. VII, тип Г-VIIa.
- ⁶ Там же, с. 100.
- ⁷ Там же, каталог, № 1159.
- ⁸ Там же, каталог, № 1148.
- ⁹ *Харитонов Д. Е.* Находка восточных монет VI—VIII вв. в Прикамье. — В кн.: По Южному Уралу. Пермь, 1962, 4, с. 175, 176.
- ¹⁰ *Афанасьев Г.* На караванной тропе. — В кн.: Ставрополье, 1973, № 3, с. 76.
- ¹¹ *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, с. 84.
- ¹² *Носов Е. Н.* Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII—X в. — Вспомогательные исторические дисциплины, 1976, VIII, с. 101, 102.
- ¹³ *Носов Е. Н.* Поселения Приильменя и Поволховья в конце I тысячелетия н. э. Автореф. канд. дис. М., 1977, с. 12.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы. . ., с. 204.
- ¹⁶ Там же.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия. М.
АС — Археологический съезд
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
БАН — Библиотека АН СССР
ВАИ — Вестник археологии и истории
ВООПИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВЭИИП — Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959.
ГИМ — Государственный исторический музей
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ЗРГО — Записки Русского географического общества
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИА — Институт археологии Академии наук СССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИЗ — Исторические записки
ИОЛЕАЭ — Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИСО — Материалы по изучению Смоленской обл.
НИМ — Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ПИМ — Псковский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
САИИЭ — Сектор археологии Института истории Академии наук Эстонской ССР
СЭ — Советская этнография
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
SM — Suomen Museum. Helsinki
SMYA — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. Helsinki

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
Статьи	
<i>В. В. Седов</i> Об этнической принадлежности псковских длинных курганов	5
<i>Г. Н. Пронин</i> Сопки, курганы, жальники (к вопросу о преемственности)	11
<i>М. Э. Аун</i> Развитие курганного обряда в юго-восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия н. э.	17
<i>Г. С. Лебедев</i> Проблема генезиса древнерусской курганной культуры	22
<i>Е. А. Рябинин</i> Славяно-финно-угорские взаимоотношения в Вотской земле (по материалам работ Ижорской экспедиции)	28
<i>Н. В. Хаоцинская</i> О некоторых различиях курганов северо-запада Новгородской земли	34
<i>Н. И. Платонова</i> Две группы древнерусских памятников Верхнего Полужья	39
<i>В. А. Лапшин</i> Ранняя дата Владимирских курганов	45
<i>И. В. Дубов</i> Микротопография ярославских могильников	48
<i>А. И. Сакса</i> Древности Карельского перешейка (по материалам Карельских могильников)	51
<i>А. В. Чернецов</i> Об изображениях кентавра, обнажающего меч	56
Полевые исследования	
<i>Е. Н. Носов</i> Поселение и могильник культуры длинных курганов на озере Съезжее	64
<i>И. К. Лабугина, В. И. Кильдюшевский, А. Ф. Урьева</i> Древнерусский некрополь Пскова (по раскопкам 1976 г.)	69
<i>К. В. Павлова</i> Погребальные памятники окрестностей Новогрудка	78
<i>Н. В. Гуслистов</i> Курганы и жальник у деревень Тимошкино и Ярцево Вологодской области	84
<i>В. Я. Конецкий</i> Хронология и этапы формирования Федовского могильника	89
<i>Ю. М. Лесман</i> К методике разработки хронологии древнерусских памятников Северо-Запада	98
<i>О. А. Кондрагьева</i> Зооморфные гребни IX—X вв.	103
<i>Н. А. Кирьянова</i> Зерновые материалы Изборска	109
<i>П. Г. Гайдуков, А. Б. Никитин</i> Хорезмийская серебряная монета конца VIII в. с Новгородского городища	114
Список сокращений	118

Средневековые древности

КСИА, вып. 166

Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства **Н. И. Сергиевская**
Художественный редактор **Н. Н. Власик**
Технический редактор **Т. С. Жарикова**
Корректоры **М. М. Баранова, Ю. Л. Косорыгин**

ИБ № 22127

Сдано в набор 21.05.81. Подписано к печати 10.09.81.
Т-10288. Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная.
Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая.
Усл. печ. л. 10,5. Усл. кр. отт. 10,85. Уч.-изд. л. 11,4.
Тираж 2600 экз. Тип. зак. 466
Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12